

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Журналистика»

Ответственный редактор

О. Д. Журавель д-р филол. наук, проф. (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

Ю. С. Елисеева (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

И. В. Высоцкая д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. А. Гвоздович канд. филол. наук, доц. (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Л. Б. Матевосян д-р филол. наук, проф. (Ереванский государственный университет Республика Армения)

Й. Р. Мочник д-р социол. наук, проф. (Люблянский университет, Республика Словения)

Г. Н. Питкевич PhD (Даугавпилский университет, Латвия)

О. Пак PhD (Технологический институт, Карлсруэ, Германия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Aleksander K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Journalism”

Executive Editor

O. D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

Yu. S. Eliseeva (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

I. V. Vysotskaya Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
G. A. Gvozдовich Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Belarusian State University, Minsk, Belarus)
L. B. Matevosyan Doctor of Sciences (Philology), Professor (Yerevan State University, the Republic of Armenia)
J. R. Móčnik Doctor of Sciences (Sociology), Professor (University of Ljubljana, Slovenia)
G. N. Pitkevich PhD (University of Daugavpils, Latvia)
O. Pak PhD (Karlsruhe Institute of Technology, Germany)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2022. Том 21, № 6: Журналистика

СОДЕРЖАНИЕ

Современные медиакommunikации

<i>Беленко В. Е., Мордвинова П. А.</i> Новосибирские паблики «ВКонтакте» как средство «оплатформенной социальности»	9
<i>Дзялошинский И. М.</i> Искусственный интеллект: гуманитарная перспектива	20
<i>Олешко В. Ф., Мухина О. С.</i> Журналистика периода COVID-19: актуальные вызовы, пути трансформации	30
<i>Семилет Т. А., Фотиева И. В.</i> Постструктуралистская модель IT-журналистики	40
<i>Сидорова Е. А.</i> Лидеры научных коммуникаций сквозь призму премии «Коммуникационная лаборатория» АКСОН	50
<i>Шнайдер А. А.</i> Тренды массмедиа: применение искусственного интеллекта, машинного обучения, SEO-инструментов и дата-журналистики в контексте мирового медиаландшафта	59

Медиа́текст и медиа́дискурс

<i>Березняков Д. В., Козлов С. В.</i> Россия как конституирующий Другой в президентской риторике Петра Порошенко	69
<i>Высоцкая И. В.</i> Альтернативный вопрос в YouTube-интервью: лингвистический, прагматический, когнитивный аспекты	79
<i>Максимова Н. В.</i> Интервью вместо концертов: актуализация ментативных интервью музыкантов в пандемию	89
<i>Маркасов М. Ю.</i> Персоносфера современных медиа: Маяковский глазами «постнауки» и массовой культуры	99

Медиаобразование. Этика журналистики

<i>Евдокимова Е. В.</i> Особенности презентации направлений медиаобразовательной деятельности педагогов в 1920–1930-х годах в специализированном издании «Промещение Сибири»	109
<i>Истомина В. С., Симонова Н. Б.</i> Формирование и кодификация профессиональных этических норм журналистики в современной КНР	119

История публицистики

<i>Балашова Ю. Б.</i> Сравнительно-исторический подход к становлению альманаха как типа издания	130
<i>Козлов А. Е.</i> «Игра, вступающая отчасти в область искусства»: дискуссия о шахматах в критике и публицистике 1850–1860-х годов	138
<i>Прохорова И. Е.</i> Публицистика Н. И. и И. С. Тургеневых в свете проблемы межпоколенческой коммуникации	149
Информация для авторов	160

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2022, vol. 21, no. 6: Journalism

CONTENTS

Contemporary Media Communications

<i>Belenko V. E., Mordvinova P. A.</i> Novosibirsk Publics “VKontakte” as “Platformed Society”	9
<i>Dzyaloshinsky I. M.</i> Artificial Intelligence: A Humanitarian Perspective	20
<i>Oleshko V. F., Mukhina O. S.</i> Journalism in the Time of COVID-19: Current Challenges, Ways of Transformation	30
<i>Semilet T. A., Fotieva I. V.</i> Post-Structural Model of IT-Journalism	40
<i>Sidorova E. A.</i> Leaders in Science Communications through the Prism of the AKSON Communications Laboratory Award	50
<i>Shnaider A. A.</i> Mass Media Trends: Implementation of AI, ML, SEO and Data Journalism in the Worldwide Media Landscape	59

Media Text and Media Discourse

<i>Bereznyakov D. V., Kozlov S. V.</i> Russia as the Constitutive Other in the Presidential Rhetoric of Petro Poroshenko	69
<i>Vysotskaya I. V.</i> The Alternative Question in YouTube-Interview: Linguistic, Pragmatic and Cognitive Aspects	79
<i>Maksimova N. V.</i> Interviews Instead of Concerts: Updating Mentative Interviews with Musicians in the Pandemic Times	89
<i>Markasov M. Yu.</i> Persona of Modern Media: Mayakovsky through the Eyes of “Post-Science” and Mass Culture	99

Media Education. Ethical Norms of Journalism

<i>Evdokimova E. V.</i> Features of Presentation of Media Educational Activities of Teachers in 1920–1930s in the Specialized Publication “Enlightenment of Siberia”	109
<i>Istomina V. S., Simonova N. B.</i> Formation and Codification of Professional Ethical Norms of Journalism in Modern China	119

History of Journalism

<i>Balashova Yu. B.</i> Comparative and Historical Approach to the Almanac Genesis as a Type of Publications	130
<i>Kozlov A. E.</i> “No Time for Chess, No Time for Songs”: A Discussion on Chess in Russian Criticism of the 1850s and 1860s	138
<i>Prokhorova I. E.</i> Opinion Journalism by N. I. and I. S. Turgenev in Light of the Problem of Intergenerational Communication	149
Instructions to Contributors	160

Научная статья

УДК 070

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-9-19

Новосибирские паблики «ВКонтакте» как средство «оплатформенной социальности»

Виктория Евгеньевна Беленко¹
Полина Алексеевна Мордвинова²

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ viktorija_belenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8622-7323>

² misispoly@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7409-5258>

Аннотация

Анализируется контент наиболее популярных нетематических новосибирских пабликов. Представлены аудиторные характеристики, такие как подписчики (в том числе динамика за год), лайки, комментарии, репосты, как средние, так и медианные значения. Проанализировано содержание пабликов с точки зрения тематического охвата постов, составлен рейтинг основных тематических блоков, выявлено место общественно-политической проблематики. Большое внимание уделяется интенциональной направленности текстов, реализации в них различных функций массовой коммуникации. Это позволило охарактеризовать неорганизованные локальные практики, в которых «слабые агенты» воспроизводят окружающую их социальную реальность.

Ключевые слова

социальные сети, социальные медиа, паблики, городские и районные паблики, «оплатформенная социальность»

Для цитирования

Беленко В. Е., Мордвинова П. А. Новосибирские паблики «ВКонтакте» как средство «оплатформенной социальности» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 9–19. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-9-19

Novosibirsk Publics “VKontakte” as “Platformed Society”

Viktorija E. Belenko¹, Polina A. Mordvinova²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ viktorija_belenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8622-7323>

² misispoly@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7409-5258>

Abstract

The article presents an analysis of the content of the most popular non-specialized Novosibirsk publics in such a social network as “VKontakte”. The study of the content results in the tracing of three communication strategies. Firstly, publics with active admins who post news on behalf of the group. In terms of content, such publics are most reminiscent of regional media. Secondly, publics, where all participants are enabled to publish the content. They are functioning as a public chats, where people ask questions and receive answers from other subscribers. Thirdly, publics created by developers of new microdistricts. The article examines audience characteristics of publics of all three types, such as subscribers (including dynamics for the year), likes, comments, reposts, both average and median values.

The author analyze from the point of view of the thematic coverage of posts, rate the main thematic blocks, and identify the place of socio-political issues in structure of the content. The work pays great attention to the intentional orien-

tation of texts, the implementation of various functions of mass communication in them. The article concludes by characterizing the unorganized local practices, through which “weak agents” reproduce the social reality, surrounding them in the texts of new urban media.

Keywords

social networks, social media, public pages, city and district public pages, socio-political issues, platformed society

For citation

Belenko V. E., Mordvinova P. A. Novosibirsk Publics “VKontakte” as “Platformed Society”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 9–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-9-19

Социальная сеть «ВКонтакте» – самая популярная среди россиян, ее аудитория во втором квартале 2021 г. составила 72 млн участников¹. Здесь публикуется самый большой объем контента – более 408,8 млн сообщений в месяц (по данным Brandanalytics за октябрь 2021 г.). При этом социальные сети и блоги в Интернете занимают второе место (42 % ответивших) по популярности как источник новостей экономики и общественно-политической жизни (на первом месте – телевидение с 47 %) ². Группы, паблики в соцсетях, в частности в интересующей нас «ВКонтакте», становятся каналом распространения разного рода информации: к ним обращаются за юмором и развлечениями, в них объединяются люди по интересам, там читают актуальные новости, обмениваются мнениями.

В исследовательской литературе отношение к пабликам с пренебрежительного меняется на заинтересованное. Если еще несколько лет назад паблики воспринимались как источники юмора, низкопробной, часто непроверенной информации (см. [Битков, 2013, с. 23; Золотухин, Мажарина, 2017, с. 41]), то в последние несколько лет появились исследовательские работы, в которых анализируется контент пабликов, ориентированных на жителей своих городов (см., например, [Litvinenko, Nigmatullina, 2020]).

В конце 2021 г. вышла статья К. В. Дементьевой «Городские паблики социальной сети “ВКонтакте”: специфика привлечения аудитории, особенности подачи информации» [2021], эмпирической базой которой послужили паблики г. Саранска. В статье приводятся варианты типологии пабликов, проанализированы специфика подачи в них контента, влияние на общественное мнение, показатели отклика аудитории. Сравнивая паблики «ВКонтакте», А. В. Пустовалов и А. Р. Бугрова отмечают, что, хоть посты в группе газеты и делаются профессионально: хорошие тексты, каждый из них проиллюстрирован, однако подписчиков в ней во много десятков раз меньше, чем в группах типа «Подслушано...». «Такая ситуация с присутствием местной газеты в социальной сети – не исключение, а скорее правило» [Пустовалов, Бугрова, 2018, с. 181].

Объектом настоящего исследования являются городские паблики «ВКонтакте», а конкретнее – паблики районов и микрорайонов г. Новосибирска. Под «пабликами» понимаются публичные страницы, сообщества, в которые могут вступить все желающие и видеть новости из группы сообщества в своей новостной ленте. В практике медиапотребления «паблик» – сформированное, понятное пользователям слово. Уже в 2016 г. 90 % опрошенных активных пользователей социальных сетей и 82 % пользователей, которые нечасто присутствуют в социальных сетях и особой активности не проявляют, могли дать ему определение, близкое к правильному [Матусевич, 2016, с. 140].

Городскими мы будем считать паблики, относящиеся к тому или иному городу и, как правило, имеющие конкретную географическую привязку в своем названии. К ним же можно отнести и паблики, относящиеся к отдельным территориям (районам и микрорайонам) внутри города. Важно отметить, что эти паблики не являются страницами средств массовой информации. Мы полагаем, что именно подобные, имеющие территориальную привязку

¹ Краснова М. (CEO ВКонтакте) Аудитория ВКонтакте 2021: ежегодный рост продолжается // VC.ru. 09.08.2021. URL: <https://vc.ru/> (дата обращения 20.01.2020).

² Медиапотребление и активность в Интернете / ВЦИОМ, 23.09.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения 25.11.2021).

паблики наиболее характерны для того, что Ван Дейк в книге «Культура взаимодействия: критическая история новых медиа» назвал «экосистема соединяющих медиа» (ecosystem of connective media) [Dijk, 2013]. На их примерах как раз очень хорошо видно, как сетевая коммуникация (networked communication) сменилась «оплатформенной социальностью» (platformed society).

Эмпирическая база и методика исследования

В Новосибирске, городе-миллионнике, в начале 2021 г. был выявлен 91 паблик «ВКонтакте» (в сумме общегородских, пабликов районов и микрорайонов), в которых состоят тысяча и более участников. В эмпирическую базу настоящего исследования не вошли паблики с изначально заявленной специализацией, типа «потеряшки», «типичный» и т. п. Интересовавшие нас паблики по классификации, предложенной К. В. Дементьевой, могут быть отнесены к «развлекательно-новостным» [2021, с. 303], но представляют еще более конкретный срез этой группы: паблики общего интереса, имеющие территориальную привязку. Поэтому для анализа контента пабликов на первом этапе из общего списка более чем в 90 наименований были исключены те, в которых меньше 10 тыс. подписчиков. Таких страниц оказалось 73. На втором этапе формирования выборки для анализа контента были исключены 5 пабликов «Подслушано». Наконец, на третьем этапе были исключены паблики, охватывающие один и тот же район. В итоге выборку составили 11 пабликов, в том числе 3 паблика районов и 9 – микрорайонов города (см. таблицу). Для анализа были взяты 20 последних постов. Таким образом, общую выборку составили 220 постов 11 пабликов районов и микрорайонов города с самым большим (более 10 тыс.) числом подписчиков. Что касается анализа контента, то были сформированы следующие этапы исследования.

Во-первых, отмечались аудиторные характеристики постов, а именно охват, количество комментариев, лайков и репостов.

Во-вторых, фиксировались тематические характеристики постов. Таким образом удалось выяснить их содержательную палитру, понять, граничат ли паблики «ВКонтакте» с журналистикой и отражают ли какую-либо общественно-политическую повестку или же ограничиваются объявлениями подписчиков.

В-третьих, чтобы охарактеризовать неорганизованные локальные практики, в которых «простые люди» воспроизводят в текстах окружающую их социальную, в том числе политическую, реальность, была проанализирована функциональная направленность, интенции постов. Этот этап можно охарактеризовать либо как латентное кодирование контент-анализа, при котором исследователь «использует латентное (скрытое) кодирование (называемое также семантическим анализом), ищет скрытые, имплицитные значения содержания текста» [Ньюман, 1998, с. 123], либо как интен-анализ [Слово в действии..., 2002]. К коммуникативным функциям (функциям взаимодействия пользователей) при анализе контента социальных сетей обращаются В. В. Титова и М. П. Вакорин [2019, с. 321], однако в основу кодирования в нашей работе была положена иная классификация функций массовой коммуникации [Назаров, 2004, с. 29–30]. В некоторых пунктах классификация была адаптирована под задачи проводимого исследования, в частности были объединены в одну функции социальной связи и обеспечение преемственности, а внутри этой функции отдельно фиксировалось не только «поддержание социальных норм и властных отношений», но и их «подрыв», указание на недостатки действующей власти.

Функциональные аспекты анализировались авторами статьи, спорные случаи обсуждались совместно. Одному посту могло присваиваться несколько кодов, если он соответствовал нескольким коммуникативным интенциям. Этому этапу исследования придавалось большое значение, поскольку, еще в 1983 г. Мишель де Серто доказал, что, несмотря на предписанные «сильными» агентами, обладающими властью, правил и содержания дискурса, «слабые» находят способы превратиться из потребителей в производителей дискурса [Серто, 2013].

Именно поэтому предстояло выяснить, какие интенции (в том числе одобряющие действия властей или «подрывные») присутствуют в постах и комментариях районных пабликов.

Уже при анализе первых постов стало понятно, что одна и та же тематическая группа может нести в себе разные коммуникативные интенции. Например, такой информационный повод, как авария, в одном случае мог быть простой констатацией факта произошедшего, в другом – предупреждением жителям об опасном участке дороги, в третьем – порицанием «антигероев» района.

Результаты исследования

Прежде всего отметим, что все паблики содержат не только новостную ленту, посты в которой отражаются в новостной ленте ее подписчиков, но и большое количество вспомогательных материалов. Так, количество обсуждений, в которых собраны объявления, варьируется от 6 до 307. Как правило, это правила группы, частные объявления ее участников, во многих группах в обсуждения вынесены объявления о потерянных и найденных вещах и животных. Группы также содержат десятки фотоальбомов, посвященных различным районным мероприятиям, сотни видеозаписей в пределах десятка отдельных статей. Во многих есть закрепленные посты, которые иногда набирают десятки тысяч просмотров и сотню репостов, как, например, закрепленная запись в одной из групп с расписанием работы педиатров. В некоторых пабликах присутствуют ссылки на группы организаций района. В 4 из 11 указаны расценки на размещение объявления: 600 рублей.

Что касается *аудиторной статистики*, то, во-первых, во многих группах виден значительный прирост числа подписчиков за год. Во-вторых, пользовательская активность сильно отличается от паблика к паблику. Это связано с тремя факторами: поощрение за активность в группе, коммуникационная стратегия паблика в целом (см. далее), значимость темы, которую подписчики начинают транслировать родственникам и знакомым. В одной из групп (№ 7 в таблице) заявлена монетизация активности пользователей (лайк – 1 балл (10 баллов первые 3 лайка к посту), комментарий – 5 баллов (20 баллов – в течение 30 минут с момента публикации поста), голосование в опросе – 5 баллов, опубликованный пост – от 0 до 500 баллов (эксклюзивный материал получает наибольшее количество баллов)). Это единственная группа с прописанными поощрениями для активных участников. Только еще в одной группе (№ 5) упоминались самые активные корреспонденты, и было отмечено, что в предыдущие два месяца всего 35 человек присылали свои посты и фотографии, однако о финансовом вознаграждении речи не шло.

Что касается тем, вызвавших отклонения в среднем количестве лайков, комментариев и репостов, то в одном из пабликов (№ 7) таковой стало фото человека, которых ходил по подъездам и пытался душить жителей (431 лайк, 140 комментариев, из которых многие были посвящены работе полиции, 602 репоста). Резонансными темами становились эвакуация школ из-за телефонного терроризма, поцарапанные автомобили во дворах микрорайона, обсуждение, какая из двух школ лучше, появившиеся в районе новые скульптуры. Стандартная же активность пользователей в районных пабликах невелика: среднее / медианное количество просмотров – 3447,9 / 2403,8, среднее / медианное количество лайков – 17,6 / 8,2, среднее / медианное количество репостов – 7,6 / 1,1.

Второй интересовавший нас вопрос: что представляют собой паблики с точки зрения их содержательной направленности, превращаются ли они в районные интернет-газеты, конкурируют ли с журналистскими материалами с их общественно-политической проблематикой, ориентированностью на оперативное отражение событий района? При контент-анализе с кодированием и последующей кластеризацией тем постов, стало видно, что среди проанализированного массива есть паблики с тремя принципиально отличающимися содержательными стратегиями.

Аудиторные характеристики наиболее массовых пабликов районов и микрорайонов Новосибирска
Audience characteristics of the most viewed publics of the districts and microdistricts of Novosibirsk

№ п/п	Название паблика	Количество людей, состоящих в паблике		Присоединения	Среднее (медианное) количество				Количество постов в день
		в начале 2022 г.	в начале 2021 г.		просмотров одного поста	лайков одного поста	комментариев на один пост	репостов одного поста	
1	Ленинский район. Новосибирск https://vk.com/my_leninsky	41 800	38 100	3700	4170,5 (2350)	27,6 (8)	8,1 (3,5)	10,7 (1,5)	5-7
2	МЖК Восточный, Плющихинский https://vk.com/mymjkc	26 803	23 938	2865	3250 (3250)	3,2 (0)	3 (2,5)	0,9 (0)	≥ 15
3	КСМ, Берёзовое и Сокольники https://vk.com/ksm54	25 286	22 974	2312	8198,4 (4000)	18 (1,5)	5,5 (3)	11,2 (0)	≥ 10
4	Октябрьский район. Новосибирск https://vk.com/public190446748	25 153	20 863	5290	1957,9 (1550)	5,7 (5,5)	5,2 (1,5)	1,6 (0,5)	5-7
5	На ОбьГЭСе (Новосибирск) https://vk.com/naobgese	24 483	21 627	2856	1802,7 (1400)	17,6 (10)	4,7 (0,5)	8,5 (1,5)	≥ 10
6	Типичная ЗАТУЛИНКА https://vk.com/typical_zatulinka	21 281	20 017	1264	3094,5 (2600)	20,3 (12)	2,5 (1,5)	4,3 (1)	~ 10
7	NSK456, Юбилейный, Снегири, Родники, Новосибирск https://vk.com/nsk456	21 120	19 516	1604	8890 (5350)	42,8 (20)	12,8 (2)	37,5 (5)	1-2
8	Академгородок live https://vk.com/akdvk	21 027	11 931	9037	1146,4 (1050)	30,1 (18,5)	0,8 (0)	2,1 (2)	1-2
9	Калининский район https://vk.com/kalinsky_raion_nsk	14 467	11 909	2558	1420,2 (1100)	11,3 (4)	1,8 (0)	5,1 (1)	4-5
10	Наш Юго-Западный https://vk.com/southwest54	12 882	12 552	330	633,6 (591,5)	11,4 (5)	1,8 (0)	1 (0)	~ 10
11	Чистая Слобода, Жилой комплекс https://vk.com/chistaya_sloboda	12 539	11 990	549	3363,2 (3200)	6,3 (5,5)	1,9 (0)	1 (0)	≤ 1

Во-первых, это паблики с активными админами, которые от лица группы выкладывают новости, ориентируясь на то, что, по их мнению, важно в данный момент. Такие группы ближе всего к периодическим интернет-изданиям: их админам подписчики присылают информацию о том, где что случилось, они отслеживают публикации СМИ (правда, перепечатывают их чаще всего без ссылки на источник). В нашей выборке это группы № 1, 4–6, 8–10.

Вторую группу пабликов составляют те, контент которых могут публиковать все участники (даже если они сначала присылают объявления админу, а он уже выкладывает их с указанием авторства). Это паблики-чаты, в которых люди задают и получают ответы от других пользователей на интересующие их вопросы: о том, работает ли сейчас телевидение, или у всех отключилось, во сколько завтра служба в церкви, и можно ли договориться с кем-нибудь и ездить в детскую молочную кухню по очереди (в таблице № 2, 3 и 7). В таких группах довольно большое количество комментариев при сравнительно небольшом количестве лайков.

И, наконец, третий тип коммуникативной стратегии – паблики, созданные застройщиками новых микрорайонов, стремящимися показать подписчикам преимущества, возможности и социальные активности того места, которое они выбрали для жизни (№ 11 в таблице). В нем даже контакт админа дан с указанием, что это сотрудник отдела продаж. Соответственно, общая стратегия влияет на разнообразие встречающихся тем. Большое значение также имеет, выносятся ли объявления о том, что что-то требуется или что-то предлагается, или же о найденных животных в отдельные обсуждения. Если нет, то информация о найденных животных может касаться 6 из 20 проанализированных постов.

В целом, на массиве из 220 проанализированных постов можно выделить следующие *содержательные блоки*.

1. Найденные или потерянные животные, причем чаще всего найденные, нуждающиеся в «пристрое» (15 постов), найденные / потерянные вещи (14 постов), реклама, в том числе сдам / сниму квартиру (17), вакансии (12). Еще раз отметим, что в ряде пабликов для подобных тем создан отдельный раздел, и в общую новостную ленту они не выносятся.

2. Красивые, «душевные» места района, то, что помогает чувствовать единение, гордость за место, в котором живем (20 постов, из них 8 в группе Академгородка и 6 в группе жилого комплекса «Чистая Слобода»), характерные места района в прошлом и настоящем, типа «узнай год по фото» или «адрес по фото» (6), краеведческая направленность в целом, любовь к родному городу и краю (4).

3. Социальная и культурная инфраструктура района: мероприятия, в которых можно поучаствовать (12 постов), проблемы с условиями жизни в районе: вырубка лесов, состояние дорог, тротуаров и дворов (11), информация об объектах района типа построили школу, собираются сносить здание старого нефункционирующего завода (8), ответы на вопросы, где у нас можно покататься на коньках, лыжах и т. п. (5), транспортная ситуация (5).

4. Аварии, травмы, смерти (всего 16 постов). Эта тематика сильно отличается от группы к группе: в 6 группах из 11 об этом нет информации вообще, зато в 5 она весьма распространена. Это такие темы, как проблемы с автомобилями: кражи из авто, поцарапанные, кто-то увозит куда-то ночью гаражи (4 поста). Мошенники, преступники, розыск (5 постов). Большое пользовательское внимание и много комментариев вызвали ситуации с активизировавшимися установщиками фильтров воды, которые обманывают пенсионеров.

5. События, связанные с людьми во власти (арест, награждение), решения и деятельность местных властей, когда, к примеру, меняются правила выплаты социальных пособий (8 постов), борьба с несправедливостью (журналист задержан за пикет, женщину «прессуют» за спасение пса от злой хозяйки) (3), деятельность Госдумы, как то: решение по поводу принятия QR-кодов и смертной казни для педофилов (2).

6. Социально значимые, событийные материалы, происходящее в районе: эвакуация школ, тестирование школьников на ковид, купание в проруби на Крещение (советы для тех, кто планирует, или итоги: сколько жителей района приняло участие) (9 постов).

7. Размытая тематическая направленность, свидетельствующая о желании быть интересными, но непонимании, что содержательная фокусировка выгоднее, чем выкладывание всего подряд. Это такие темы, как именинники среди подписчиков группы, поздравления с разными праздниками, прогноз погоды (9 постов), мемы (7 постов, всего в 2 пабликах), а также фото церквей на Крещение, стрельба «Бука», рецепт еды, упражнения для детской гимнастики: 6 (в одной группе). При этом аудитория понимает непривлекательность такого рода контента. Вот такой комментарий встретился в одной из групп: «В последнее время паблик вообще скатился... если публикация мемов не лучшего содержания и дальше будет основным его содержанием, придется попрощаться».

8. Частные «народные» вопросы: о работе врачей, детской молочной кухни (6 постов), а как у вас? а где можно? а расписание работы? (4), несправедливые увольнения (к кому обращаться за юридической помощью), спрашивают ли QR-коды в театре, мнение о школах (3).

9. Как мы строим микрорайон – это характерно только для одной группы (8 постов).

Отвечая на третий из интересовавших нас вопросов об *интенциональной направленности* содержания районных пабликов, упомянем, что, во-первых, одному посту могло быть присвоено несколько кодов, и, во-вторых, если выраженная интенциональная направленность встречалась в комментариях, то она тоже учитывалась. В дальнейшем встретившиеся при анализе функции массовых коммуникаций были приведены к процентной системе.

1. Поддержание общности социальных ценностей: это случаи, в которых рассказывается о тех, кто поступил хорошо и кто заслуживает порицания, формируется «территориальная идентичность» (см. [Ильина, 2018, с. 109]), прямо или косвенно демонстрируется, по каким правилам принято жить в этом обществе, – 18,9 %.

Часто посыл постов – «посмотрите, в каком районе мы живем». Это современные или старые фото, затеянные или завершённые ремонты, повод порадоваться или вспомнить. Или же обратное – посыл «так нельзя».

2. Рекреативная функция – 13,8 %.

Примеры: монтаж колеса обозрения, мемы, фото природы, фото ледяных фигур и иная «милота», связанная или нет с конкретной территорией. Эта функция часто дополнялась призывом / мобилизацией (просьбой поддержать, поучаствовать, просто порадоваться за кого-то).

3. Информирование о событиях и условиях жизни в обществе – 11,5 %.

Например: эвакуация школ, аварии, подготовка купелей к Крещению, завершение ремонта крупного магазина, продление ремонта улиц и т. п. Ряд постов посвящен именно информированию об условиях жизни, а вот постов об информационном обеспечении инновационных процессов [Назаров, 2004, с. 29] не встретилось совсем.

4. Рекламная функция (покупка, продажа товаров или услуг) – 11,9 %.

5. Координация разнонаправленной социальной активности, формирование общественно-согласия, обращение к соседям, в том числе за советом / помощью – 11,7 %.

Примеры: пост о переносе памятника, вызвавший обсуждение, что нужно поставить вместо него. Или вот такой пост: «Просмотрели нашу ленту и заметили, что данный вопрос, который интересует многих автомобилистов, мы не поднимали: “Чем руководствовались люди, которые придумали так повесить знаки на съезде с Днепрогэсовской на Большевикскую?” Основная масса людей поворачивает налево, правая полоса пустая, это еще даже не сезон, когда все рвут за город... Мне кажется, что возможность поворачивать налево с двух рядов существенно бы облегчила ситуацию для проезда». Понятно, что пост вызвал множество комментариев с соображениями, как лучше было бы организовать повороты в этом месте.

6. Мобилизация: оповещение о поиске хозяев для животных, утерянных вещей – 8,1 %.

7. Критика власти, демонстрация недоверия – 7,8 %.

Так, сразу 3 паблика написали о присвоении мэру Новосибирска звания «Ветеран труда», отметив, что теперь, как любой ветеран, он будет получать на 418 руб. больше. Все посты были написаны по-разному, с разными иллюстрациями, т. е. их трудно заподозрить в одном источнике, скорее, это инициатива админов пабликов. Один паблик поздравил мэра с днем рождения, пожелав «любить работу, и она ответит Вам взаимностью», сопроводив несимпатичной фотографией ухмыляющегося мэра. Впрочем, критике подвергаются не только городские власти, но и ДЭУ, транспортные службы, полиция. Эта функция не реже, чем в постах, проявляется в комментариях.

8. Комментирование и интерпретация происходящего, разъяснение, что это значит, что из этого следует, какие варианты действий и т. п. – 6,4 %.

В пабликах встретились пояснения к тому, с чем была связана эвакуация из школ, какие правила необходимо соблюдать тем, кто планирует искупаться в проруби и др.

9. Мобилизация, призыв к участию в какой-либо кампании – 5,1 %.

Примеры: поиски свидетелей ДТП, просьбы поддержать или помочь, ссылка на change.org, где можно подписать петицию против вырубки местного леса.

10. Поддержка существующих норм и властных отношений – 4,4 %.

С благодарностью пишутся посты о вывезенном снеге, достроенной школе или спортивных объектах.

Заключение

В последние годы люди оказываются включены во всё большее количество групп, пабликов и чатов, позволяющих с помощью медиатизированной информации вместе решать возникающие проблемы, оперативно находить ответы на вопросы, сообщать и получать оповещения о происходящих событиях и условиях жизни на определенной территории или в социальной группе. Так, количество пабликов районов и микрорайонов Новосибирска, в которых состоит более 1000 человек, за год выросло с 91 до 115 (с начала 2021 по начало 2022 г.). При этом за год количество человек в проанализированных самых популярных из них приросло в среднем более чем на 2,5 тыс. человек. Поскольку ВК показывает среди подписчиков пабликов прежде всего «друзей», то сразу видно, что новосибирские журналисты тоже в них состоят и с их помощью отслеживают события в районах.

При этом пользовательская активность в пабликах весьма непостоянна: среднее значение от медианного в количестве лайков отличается в 2 раза, а в количестве репостов – в 7 раз. Это означает, что отдельные посты обладают большим значением для пользователей, в целом же желание оставить в какой-либо форме свой отклик возникает нечасто (см. медианные значения в таблице).

В пабликах много постов, формирующих территориальную идентичность, и нередко встречаются тексты, близкие к журналистике. Они обладают информационным поводом, значимы для большинства жителей территориального образования, посвящены социально значимым темам, рассказывают об условиях или правилах жизни в обществе. Хотя самые популярные тематические группы вовсе не они, а те, в которых речь идет о найденном и потерянном, а также о местах и событиях района, формирующих любовь к месту, где живем.

Что касается функциональной, интенциональной направленности постов, то на первом месте здесь – формирование и поддержание общности социальных ценностей. На втором – рекреативная функция, а на третьем – информирующая. Критикуют власть чаще, чем высказывают ей благодарность (хотя и это есть), тем не менее это далеко не самая значимая интенция. В целом же постов информационной или интерпретирующей, объясняющей направленности немного, хотя они есть, особенно в группах, в которых выкладывать посты может только админ.

В территориально ориентированных нетематических пабликах Новосибирска нередко встречается критика власти, однако политических дискуссий (см. [Нигматуллина, 2020,

с. 47]) они не предлагают. В итоге мы можем согласиться только с частью утверждения К. В. Дементьевой, сделанного ею на основе анализа пабликов Саранска: «паблики выполняют роль посредника между властью и обществом, способствуют поддержанию общественного диалога, всё больше отбирая эту роль у традиционных СМИ» [2021, с. 308]. На материалах районных пабликов Новосибирска мы увидели примеры общественного диалога, готовность формировать общие ценности, увидели, что депутаты городского совета иногда предпринимают свои обсуждения в группах, т. е. готовы получать вопросы и отвечать на них с помощью этих пабликов, но содержательное состояние даже самых популярных из них таково, что угрозы «традиционным» СМИ Новосибирска они пока не представляют.

Список литературы

- Битков Л. А.** Дивный новый мир социальных сетей, или Как публичные страницы убивают гражданскую журналистику и рожают нишевые сообщества // Вестник Челяб. гос. ун-та. Серия: Филология. Искусствоведение. 2013. № 20 (311). С. 22–24.
- Дементьева К. В.** Городские паблики социальной сети «ВКонтакте»: специфика привлечения аудитории, особенности подачи информации // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2021. № 73. С. 287–310.
- Золотухин А. А., Мажарина Ю. Н.** Паблик СМИ как smm и комьюнити-площадка // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Екатеринбург, 2017. С. 40–45.
- Ильина О. В.** Новые городские медиа как субъект конструирования территориальной идентичности // Город и медиа: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Новые городские медиа в медиаландшафте России» (Пермь, 1–2 июня 2018 года) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. С. 178–189.
- Мажарина Ю. Н.** Паблики-СМИ: от эрзаца до квалити // Коммуникация в современном мире: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. В. В. Тулупова. Воронеж, 2017. С. 140–142.
- Матусевич А. А.** Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики: Дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2016. 190 с.
- Назаров М. М.** Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. М.: Аванти плюс, 2003. 428 с.
- Нигматуллина К. Р.** Место социальных сетей в развитии региональной журналистики в России // Вестник Моск. ун-та. Серия 10: Журналистика. 2021. № 1. С. 30–50.
- Ньюман Л.** Неопросные методы исследования // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 119–129.
- Пустовалов А. В., Бугрова А. Р.** Социальная сеть «ВКонтакте» как площадка дистрибуции городских новостей (на примере городских медиа Соликамска) // Город и медиа: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Новые городские медиа в медиаландшафте России» (Пермь, 1–2 июня 2018 года) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. С. 109–122.
- Серто М.** Изобретение повседневности. Т. 1. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
- Слово в действии: интент-анализ политического дискурса** / Под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб., 2000. 316 с.
- Титова В. В., Вакорин М. П.** Анализ коммуникативного взаимодействия пользователей на основе социальных сетей // Управление социальными инновациями: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е. А. Ильина. Чебоксары, 2019. С. 320–324.

- Litvinenko A., Nigmatullina K.** Local Dimensions of Media Freedom in Russia: A Comparative Analysis of News Media Landscapes in 33 Russian Regions. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2020, no. 28 (3), pp. 393–418.
- Dijk J. van.** The culture of connectivity: A critical history of social media. Oxford Uni. Press, 2013, 240 p.

References

- Bitkov L. A.** Divnyi novyi mir sotsial'nykh setei, ili kak publichnye stranitsy ubivayut grazhdanskuyu zhurnalistiku i rozhdayut nishevye soobshchestva [Brave New World of Social Networks, or How Public Pages Kill Citizen Journalism and Give Birth to Niche Communities]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art history], 2013, no. 20 (311), pp. 22–24. (in Russ.)
- Dementieva K. V.** Gorodskie pabliki sotsial'noi seti “VKontakte”: spetsifika privlecheniya auditorii, osobennosti podachi informatsii [Cities’ Public Pages of the Social Network VKontakte: Features of Attracting the Audience and Presenting Information]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Series: Philology], 2021, no. 73, pp. 287–310. (in Russ.)
- Dijk J. van.** The culture of connectivity: A critical history of social media. Oxford Uni. Press, 2013, 240 p.
- Ilyina O. V.** Novye gorodskie media kak sub’ekt konstruirovaniya territorial’noj identichnosti [New Urban Media as a Subject of Territorial Identity Construction]. In: Gorod i media [City and Media]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “New Urban Media in the Media Landscape of Russia”. Perm, June 1–2, 2018. Perm, Perm State National Research Uni. Press, 2018, ppp. 178–189. (in Russ.)
- Litvinenko A., Nigmatullina K.** Local Dimensions of Media Freedom in Russia: A Comparative Analysis of News Media Landscapes in 33 Russian Regions. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2020, no. 28 (3), pp. 393–418.
- Matusevich A. A.** Obschenie v sotsial'nykh setyakh: pragmaticheskii, kommunikativnyi, lingvisticheskii aspekty kharakteristiki [Communication in Social Networks: Pragmatic, Communicative, Linguo-Stylestic Aspects of the Characteristic]. Thesis of Dr. Philol. Sci. Kirov, 2016, 190 p. (in Russ.)
- Mazharina Yu. N.** Pabliki-SMI: ot erzatsa do kvaliti [Public Media: From Ersatz to Quality]. In: Tulupov V. V. (ed.). *Kommunikatsiya v sovremennom mire* [Communication in the Modern World]. Proc. of All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh, 2017, pp. 140–142. (in Russ.)
- Nazarov M. M.** Massovaya kommunikatsiya i obshchestvo. Vvedenie v teoriyu i issledovaniya [Mass Communication and Society. Introduction to Theory and Research]. Moscow, Avanti plus, 2003, 428 p. (in Russ.)
- Newman L.** Neoprosnye metody issledovaniya [Non-survey research methods]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 1998, no. 6, pp. 119–129. (in Russ.)
- Nigmatullina K. R.** Mesto sotsial'nykh setei v razvitii regional'noi zhurnalistiki v Rossii [The place of social networks in the development of regional journalism in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], 2021, no. 1, pp. 30–50. (in Russ.)
- Pustovalov A. V., Bugrova A. R.** Sotsial’naya set’ “VKontakte” kak ploshchadka distributsii gorodskikh novostej (na primere gorodskikh media Solikamska) [Social Network “VKontakte” as a Platform for the Distribution of Urban News (On the Example of the Urban Media of Solikamsk)]. In: Gorod i media [City and Media]. Proceedings of the International Scientific

and Practical Conference “New Urban Media in the Media Landscape of Russia”. Perm, June 1–2, 2018. Perm, Perm State National Research Uni. Press, 2018, pp. 109–122. (in Russ.)

Serto M. Izobretenie povsednevnosti [Invention of Everyday Life]. Transl. from Fr. D. Kalugina, N. Movnina. St. Petersburg, European University in St. Petersburg Press, 2013, 330 p. (in Russ.)

Titova V. V., Vakorin M. P. Analiz kommunikativnogo vzaimodeistviya pol'zovatelei na osnove sotsial'nykh setei [Analysis of Communicative Interaction of Users on the Basis of Social Networks]. In: Ilina E. A. (ed.). Upravlenie sotsial'nymi innovatsiyami [Management of Social Innovations]. Coll. of articles. Cheboksary, 2019, pp. 320–324. (in Russ.)

Ushakova T. N., Pavlova N. D. (eds.). Slovo v dejstvii: intent-analiz politicheskogo diskursa [Word in Action: Intent Analysis of Political Discourse]. St. Petersburg, 2000, 316 p. (in Russ.)

Zolotukhin A. A., Mazharina Yu. N. Pablik SMI kak smm i kom'yuniti-ploshchadka [Public Media as SMM and Community Playground]. In: Professional'naya kul'tura zhurnalista tsifrovoy epokhi [Professional Culture of Journalist of the Digital Era]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Ekaterinburg, 2017, pp. 40–45. (in Russ.)

Информация об авторах

Виктория Евгеньевна Беленко, кандидат философских наук

Полина Алексеевна Мордвинова, магистрант направления подготовки «Журналистика» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Information about the Authors

Viktoria E. Belenko, Candidate of Sciences (Philosophy)

Polina A. Mordvinova, Master's Student in Journalism, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University

Статья поступила в редакцию 03.02.2022;

одобрена после рецензирования 03.03.2022; принята к публикации 05.03.2022

The article was submitted 03.02.2022;

approved after reviewing 03.03.2022; accepted for publication 05.03.2022

Научная статья

УДК 004.8 + 008

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-20-29

Искусственный интеллект: гуманитарная перспектива

Иосиф Михайлович Дзялошинский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

imd2000@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6000-1337>

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей интеллекта человека и интеллекта сложных компьютерных систем, обычно именуемого искусственным интеллектом (ИИ). В качестве гипотезы сформулировано положение о принципиальной разнице между человеческим и искусственным интеллектом. Человеческий интеллект представляет собой продукт многотысячелетней истории развития и взаимодействия трех взаимосвязанных процессов: 1) становления и развития человеческой личности; 2) формирования сложных сетевых отношений между членами социального сообщества; 3) коллективной деятельности как основы существования и развития сообществ и индивидов. Искусственный интеллект представляет собой комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные процессы человека. В силу этого при всех вариантах технического развития (ускорение процессов по сбору и обработке данных и поиску решений, использование компьютерного зрения, распознавание и синтез речи и т. д.) ИИ всегда будет связан с деятельностью человека. Другими словами, только люди (а не машины) являются конечным источником и определителем ценностей, от которых зависит любой ИИ. Никакой разум (человека или машины) никогда не будет по-настоящему автономным: всё, что мы делаем, зависит от социального контекста, созданного другими людьми, которые определяют смысл того, что мы хотим достичь. Это означает, что за всё, что делает ИИ, отвечают люди.

Ключевые слова

интеллект человека, искусственный интеллект, технократический подход, сциентистский подход, гуманитарный подход

Для цитирования

Дзялошинский И. М. Искусственный интеллект: гуманитарная перспектива // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 20–29. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-20-29

Artificial Intelligence: A Humanitarian Perspective

Iosif M. Dzyaloshinsky

National Research University “Higher School of Economics”
Moscow, Russian Federation

imd2000@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6000-1337>

Abstract

The article is devoted to the study of the features of human intelligence and the intelligence of complex computer systems, usually referred to as artificial intelligence (AI). As a hypothesis, a statement was formulated about a significant difference between human and artificial intelligence. Human intelligence is a product of a multi-thousand-year history of the development and interaction of three interrelated processes: 1) the formation and development of the human personality; 2) the formation of complex network relationships between members of the social community; 3) collective activity as the basis for the existence and development of communities and individuals. AI is a complex of tech-

© Дзялошинский И. М., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 20–29

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 20–29

nological solutions that imitate human cognitive processes. Because of this, with all the options for technical development (acceleration of processes for collecting and processing data and finding solutions, using computer vision, speech recognition and synthesis, etc.). AI will always be associated with human activity. In other words, only people (not machines) are the ultimate source and determinant of values on which any artificial intelligence depends. No mind (human or machine) will ever be truly autonomous: everything we do depends on the social context created by other people who determine the meaning of what we want to achieve. This means that people are responsible for everything that AI does.

Keywords

human intelligence, artificial intelligence, technocratic approach, scientific approach, humanitarian approach

For citation

Dzyaloshinsky I. M. Artificial Intelligence: A Humanitarian Perspective. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 20–29. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-20-29

Введение

В ночь под новый 2022 год в газете «Коммерсант» появилась статья известного в свое время политехнолога В. Суркова, который поставил любопытный вопрос: станет ли когда-нибудь искусственный интеллект православным? ¹ Разумеется, речь идет не о православии как таковом, а о возможности формирования в структуре искусственного интеллекта системы религиозных убеждений, которые не нуждаются в доказательствах, а принимаются на веру. Ставя этот вопрос, В. Сурков опирается на утверждение, что любая научная теория начинается с аксиом и постулатов, т. е. с утверждений, принимаемых без доказательств, на веру. Таким образом, акт веры предшествует процессу человеческого мышления. Религиозность предустановлена в структуре человеческого интеллекта, встроена в него, причем на самом фундаментальном уровне.

Отсюда вывод, который делает В. Сурков: если сильный искусственный интеллект есть эмуляция, т. е. воспроизведение структуры человеческого интеллекта на другом носителе, копирование архитектуры человеческого сознания в другом материале, перенос структуры человеческого интеллекта в машину, то вместе с переносом в машину структур человеческого интеллекта мы также перенесем и встроенную в эту структуру религиозность.

Отвечая на поставленный в статье В. Суркова вопрос, публицист М. Шевченко отверг саму возможность формирования религиозного интеллекта, поскольку, по его мнению, вера не подразумевает наличие интеллекта в принципе. С этой точки зрения, «ИИ может стать хоть православным, хоть кришнаитом, хоть буддистом, поскольку любой религиозный дискурс основан на логике, то есть интеллекте. Но ИИ не может стать верующим, поскольку интеллект не приемлет абсурда и не способен быть абсурдным» ².

Анализ исследовательских подходов

В данном случае любопытно не содержание высказанных этими авторами идей, а сам факт обращения политических активистов к весьма далекой от сферы их интересов теме искусственного интеллекта. Впрочем, таких публикаций становится всё больше. Дискуссии по поводу использования так называемого искусственного интеллекта (ИИ) в различных сферах общественной жизнедеятельности, включая процессы массовой коммуникации, то вспыхивают, то угасают уже несколько десятилетий. Основанием для этих дискуссий стал тот факт, что в развитии человечества наступил этап, который с полным правом можно назвать **циф-**

¹ Сурков В. Явление Христа машине. URL: <https://actualcomment.ru/yavlenie-khrista-mashine-2112311> 200.html?fbclid=IwAR3dioOYQp12FO6B4FYf8jkB1DNJgR_asN5h9W-6yVQqufYlvJPb2mIXk (дата обращения 05.01.2022).

² Шевченко М. Ответ на вопрос Суркова прост. URL: <https://echo.msk.ru/blog/shevchenkomax/2961992-echo/> (дата обращения 05.01.2022). * По требованию Генеральной прокуратуры России 1 марта 2022 года Роскомнадзор ограничил доступ к информационным ресурсам радиостанции и отключил «Эхо Москвы» от эфирного вещания.

ровой цивилизацией, в разной степени охватившей все континенты и страны земного шара [Дзялошинский, 2020; Дзялошинский и др., 2020].

Одним из важнейших ресурсов цифровизации является ИИ³. В январе 2016 г. основатель Всемирного экономического форума в Давосе К. Шваб назвал ИИ одной из основных движущих сил четвертой промышленной революции. Сейчас происходит качественный переход от вычислительной эры к эре когнитивной (в терминах футурологов – *Second Machine Age*), когда компьютеры нового типа быстро учатся работать со структурированными, неструктурированными и нечетко структурированными данными, начинают замещать труд людей при решении большого количества когнитивных задач [Шваб, 2016].

Можно выделить несколько факторов, способствовавших огромной популярности проблематики ИИ.

Первый фактор – упрощенное представление об ИИ, навязанное сообщениями в СМИ, уделяющих повышенное внимание демонстрации антропоморфных роботов, бионических роботов, выполненных в виде животных и насекомых, а также реакции зрителей, которые восхищаются искусственными системами, соревнующимися с людьми, например, в шахматах, игре в настольный теннис или в древней китайской игре «го». Здесь, несомненно, присутствует ИИ, но всё это лишь его первые детские шаги.

Второй фактор – необходимость решить задачи, возникающие в сфере промышленной, сервисной, медицинской и военной робототехники, беспилотных транспортных средств и др. Понятно, что без систем ИИ полноценное развитие этих направлений невозможно. Как ожидается, успехи в создании ИИ дадут громадный прирост бизнесу стран, развивающих исследования в этой области.

Третий фактор – необходимость заменить человека компьютерными системами в процессах обработки больших массивов накопленных данных. ИИ работает с большими данными. Если нет интеллекта, эти данные не имеют смысла. Но если нет данных, интеллект – не более чем гаджет для разведки или штабной игры. Некоторые авторы утверждают, что большие данные и ИИ – это одно и то же, онтология новой цивилизации: вычислительные ресурсы и обучающее их записываемое многообразие общества.

Совокупное следствие указанных выше факторов выразилось в ускоренном внедрении в различных отраслях экономики и общественных отношений технологических решений, разработанных на основе ИИ. В Российской Федерации утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.

Внедрение технологий, основанных на использовании ИИ, даст весомый социальный и экономический эффект практически во всех областях. По оценкам экспертов, ожидается, что благодаря внедрению таких решений рост мировой экономики в 2024 г. составит не менее 1 трлн долл. США. По другим оценкам, внедрение технологий искусственного интеллекта уже к 2025 г. удвоит темпы роста ВВП ведущих стран мира и увеличит мировой ВВП на 15 трлн долл.⁴

Стоит отметить, что всеобщий ажиотаж по поводу ИИ способствовал появлению весьма масштабных подделок. Продукт, на который повесили ярлык «ИИ», выглядит для людей более сложно, современно и надежно, вне зависимости от того, используется ли на самом деле и для чего используется в этом продукте ИИ. Согласно исследованию инвестиционной фирмы MMC Ventures⁵, около 40 % европейских стартапов, заявивших об использовании ИИ, на самом деле не используют его в своих продуктах. Намерения создателей таких фирм понятны: в том же исследовании говорится, что стартапы из сферы ИИ привлекают в среднем на

³ Белов С., Катькало В. Дефицит искусственного интеллекта. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/03/21/681987-defitsit-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения 05.01.2022).

⁴ Искусственный интеллект: природу не обгонишь? URL: https://ruskline.ru/opp/2019/11/29/iskusstvennyi_intellekt_prirodu_ne_obgonish (дата обращения 05.01.2022).

⁵ Europe's AI start-ups often do not use AI, study finds. URL: <https://www.ft.com/content/21b19010-3e9f-11e9-b896-fe36ec32aace> (дата обращения 05.01.2022).

15 % больше инвестиций, чем другие проекты, связанные с разработкой программного обеспечения.

В статье А. Десятовой для издания *The Bell*⁶ разбираются случаи выдачи ручного труда людей за работу ИИ. Например, умное видеонаблюдение от Amazon или распознавание текста на бумажных документах. Автор отмечает, что отличить ИИ от ручного труда часто можно по ошибкам (у человека и компьютера – разная природа ошибок), а также говорит о невозможности стопроцентной гарантии качества при работе ИИ.

Однако в среде профессионалов идут нескончаемые споры по поводу будущего этой технологии⁷.

Одни специалисты уверяют, что ИИ сделает людей более свободными. Они верят в прекрасное светлое будущее, где технологии машинного обучения и ИИ дадут нам не только свободу воли, но и свободу дополнительного времени.

Другие эксперты уверены, что цифровая реальность усилит неравенство в обществе. При помощи ИИ государство сможет ввести тотальный контроль над гражданами и принимать решения, нарушающие права человека. Эксперты выражают свою озабоченность тем, что алгоритмы ИИ не принимают во внимание социокультурные нормы и ценности.

Третьи исследователи полагают, что любая технология нейтральна. В каких-то руках она может использоваться во благо, в каких-то – во зло.

Четвертые специалисты напоминают о том, что ИИ вполне в состоянии манипулировать людьми и влиять на выбор человека⁸. Об этом свидетельствуют три исследования, в которых ИИ наблюдал за тем, как люди делают выбор, и учился влиять на их выбор и манипулировать ими⁹.

Отдельной темой является то, что по мере развития технологий машинного обучения происходит и неизбежное усложнение коммуникации между творцом (человеком) и творением (ИИ). Такое положение заставляет не только научный мир, но и бизнес-сообщество задаваться вопросом о том, как сделать подобное взаимодействие максимально бесконфликтным. Здесь на первый план выходит необходимость поиска путей преодоления этических и других социокультурных барьеров, зачастую мешающих плодотворному диалогу на «традиционном» уровне. Немаловажным фактором в этой связи является то, что на данный момент взаимодействие «человек – ИИ» находится всё еще в стартовой точке, и у профессионалов, представляющих различные отрасли знания и бизнеса, есть возможность, учитывая многовековой опыт непониманий «классического» диалога, обеспечить этому процессу нужное направление¹⁰.

Предлагаемая концепция

Анализ этих и других высказываний дает основание для вывода о том, что, несмотря на большие достижения в сфере разработки всё более сложных алгоритмов, именуемых «слабым ИИ», вся эта сфера подошла к точке, которая в сказочных сюжетах обозначается как «витязь на распутье». В общем и целом можно констатировать, что сторонники развития ИИ

⁶ Десятова А. Машинное обучение в мешке. Как стартапы выдают за искусственный интеллект труд дешевых фрилансеров. URL: <https://thebell.io/mashinnoe-obuchenie-v-meshke-kak-startapy-vydayut-za-iskusstvennyj-intellekt-trud-deshevyh-frilanserov> (дата обращения 05.01.2022).

⁷ Артур Хачуян и Руслан Юсуфов: Цифровой концлагерь или цифровая утопия. URL: https://echo.msk.ru/blog/bolshe_vsekh_nado/2801514-echo/ (дата обращения 05.01.2022).

⁸ Dezfouli A., Nock R., Dayan P. Adversarial vulnerabilities of human decision-making. URL: <https://www.pnas.org/content/117/46/29221> (дата обращения 05.01.2022).

⁹ Whittle J. AI can now learn to manipulate human behavior. URL: <https://theconversation.com/ai-can-now-learn-to-manipulate-human-behaviour-155031> (дата обращения 05.01.2022).

¹⁰ Кладько С. С. Кросс-культурные аспекты взаимодействия «человек – искусственный интеллект»: от псевдокоммуникации к диалогу. URL: https://www.researchgate.net/publication/337423851_Kross_kulturnye_aspekty_vzaimodejstvia_chelovek-iskusstvennyj_intellekt_ot_psevdokommunikacii_k_dialogu (дата обращения 05.01.2022).

рассматривают его чуть ли не как последнюю надежду человечества на решение всех возникающих проблем, а противники видят в нем силу, которая окончательно уничтожит цивилизацию.

Надо двигаться дальше, но в каком направлении?

Автор данной статьи, не будучи специалистом в области ИИ, полагает, что, обладая определенными познаниями в сфере гуманитаристики и коммуникаций, может предложить научному сообществу некоторые утверждения по поводу дальнейшего взаимодействия человека с ИИ. С нашей точки зрения, главное отличие живых организмов от неживой материи – способность получать информацию как о внешней среде обитания, так и о собственном состоянии, перерабатывать эту информацию и принимать на ее основе какие-то более или менее эффективные решения по поводу своего взаимодействия со средой. Эти процессы получения и переработки информации и принятия на этой основе решений обозначаются разными понятиями в зависимости от того, в рамках какой науки рассматривается живой организм, и от видения этой проблематики конкретным ученым.

Применительно к человеку эти процессы обычно обозначаются понятием «мышление», а инструментарий, с помощью которого осуществляется мышление, обозначается понятием «интеллект». Однако очевидно, что любые живые организмы обладают неким инструментарием восприятия и переработки информации и принятия на основе этой информации некоего решения по поводу своего поведения в окружающей среде. Нет никаких оснований не называть этот инструментарий интеллектом. Другое дело, что так понимаемый интеллект существует на определенной платформе: сначала это были простейшие живые организмы (амеба, инфузория-туфелька, бактерии и вирусы); потом биосоциальные (стадные) животные; затем человек как коллективное биосоциодуховное существо. Это означает, что, несмотря на обоснованность утверждения о физиологическом взаимодействии человеческого интеллекта и мозга, представляющего собой невероятно сложный комплекс из 86 миллиардов связанных друг с другом нейронов, он не может рассматриваться в качестве аналога вычислительной машины, которая более или менее успешно перерабатывает входящие сигналы и приводит в действие известные ей реакции [Анохин, 2021]¹¹.

С этой точки зрения интеллект как интегральное качество социального субъекта представляет собой продукт коллективной деятельности социального сообщества, голографическим элементом которого является отдельный индивид. Можно сказать еще жестче: индивидуальный интеллект есть инструмент реализации и усовершенствования некоей надличностной системы, которую некоторые философы предпочитают называть «абсолютной идеей», «мировым разумом» и т. п.

Примерно об этом же пишут известные специалисты в области когнитивной неврологии Стивен А. Сломан, Ричард Паттерсон и Арон К. Барби¹², которые утверждают, что годы исследований в области психологии, когнитивной науки, философии и антропологии показали, что человеческое познание – это коллективное предприятие, поэтому его нельзя найти в рамках одного человека. Человеческое познание – это возникающее свойство, которое отражает общие знания и представления, распространяющиеся внутри сообщества.

Можно предположить, что переход живых существ от одного (более или менее простого) ко всё более сложному типу как раз и определялся необходимостью усложнения платформы, на которой эффективность интеллекта могла проявиться в более высокой степени. Неслучайно в настоящее время происходит переход интеллекта на цифровую платформу.

Это означает, что человеческий интеллект представляет собой продукт многотысячелетней истории развития и взаимодействия трех взаимосвязанных процессов: 1) становления

¹¹ См. также: Melloni L., Mudrik L., Pitts M., Koch C. Making the hard problem of consciousness easier. URL: https://www.researchgate.net/publication/351932968_Making_the_hard_problem_of_consciousness_easier (дата обращения 05.01.2022).

¹² Когнитивная неврология встречает сообщество знаний. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnsys.2021.675127/full> (дата обращения 05.01.2022).

и развития человеческой личности; 2) формирования сложных сетевых отношений между членами социального сообщества; 3) коллективной деятельности как основы существования и развития сообществ и индивидов. Добавим к этому нерасторжимую связь интеллекта с эмоциональностью и волей.

Мозг с этой точки зрения представляет собой лишь платформу, на которой размещается интеллект, поэтому понятно, что обозначение даже самых сложных компьютерных программ понятием «интеллект» – не более чем метафора. Может быть, в каком-то очень и очень отдаленном будущем произойдет маловероятное: эти программы начнут ощущать, а точнее, переживать себя как уникальные неповторимые сущности; эти уникальные неповторимые сущности будут объединяться в некие сообщества; эти сообщества будут согласованно и осознанно выполнять некие сложные коллективные действия. Только тогда можно будет вновь вернуться к разговору о создании новой – цифровой – платформы для интеллекта.

Возвращаясь к вопросу, поставленному В. Сурковым, можно констатировать, что если тот конструкт, который обозначается понятием «сильный ИИ», когда-нибудь сумеет соединить в себе обозначенные выше личностные и социальные качества, то, вполне вероятно, в структуре мировоззренческих констант, на которые он будет опираться, будут смыслы, которые мы по традиции называем верованиями. Правда, вряд ли они будут похожи на верования, лежащие в основе современных религий.

В связи с этим стоит напомнить о голливудских фильмах: «Двухсотлетний человек» и «Я – робот». Может быть, следует в эту компанию добавить и испанский фильм «Страховщик». Речь, разумеется, не о художественных достоинствах или недостатках этих лент. Авторы этих фильмов отчетливо декларируют мысль о том, что качественные изменения в роботах происходят только в том случае, когда они осознают себя как субъектов действия, наделенных эмоциями и связанными с некими сообществами. То есть людьми.

На сегодняшний день прорисовываются три возможных варианта развития ИИ. Очень условно их можно обозначить такими понятиями, как технократический, сциентистский и гуманитарный подходы.

В основе **технократического подхода** лежит совокупность представлений, согласно которым в постиндустриальном мире будут царствовать науки и технологии, – соответственно, обществом будущего должны управлять специалисты-технократы. Небывалый технологический прогресс буквально во всех сферах (от бытового устройства до космических исследований) дает такой системе воззрений конкретные основания, а пионерские проекты обещают (например, в рамках нано-, био-, инфокогнитивной конвергенции) в короткое время фантастические перемены. Причем общий энтузиазм, поддерживаемый мощными проектами Google, Apple, Intel, вдохновляемый идеями К. Вентера и Р. Курцвейла, за полстолетия после первых работ провозвестников информационной эры, пожалуй, лишь возрастает [Дриккер, Маковецкий, 2016].

Сторонники технократической идеи полагают, что в новом мире будет создана мощная платформа принятия решений, опирающаяся на совокупность мнений ученых, инженеров, техников, специалистов и технологий. Именно эта платформа станет ведущей силой в эпоху глобализации мира и мировой экономики. Возникнет технократический строй с ресурсоориентированной экономикой, основывающейся не на товарно-денежных отношениях, а на наиболее эффективном распределении земных ресурсов, использовании альтернативных источников энергии, а также автоматизированном машинном управлении (с помощью ИИ) в масштабах земного шара. Естественно, не только ресурсы, но и результаты труда, т. е. товары и услуги, при новой модели распределения будут доступны каждому. Привлекательность такой модели для многих людей вполне очевидна.

Скептики утверждают, что человек в так понимаемой цивилизации рассматривается как элемент системы, винтик, который не обладает собственной ценностью. Он делается орудием производства продуктов, вещь становится выше человека [Бердяев, 1933]. Глобальную идею технократизма развил Л. Мамфорд. Воплощением принципа Мегамашины, по Л. Мам-

форду, стал образ «Человека-Организации»: «Система как таковая является продолжением такого человека – от самых примитивных форм политической власти он выступает одновременно и как творенье, и как создатель, и как последняя жертва Мегамшины». Человек-Организация не есть изобретение нынешней эпохи или исключительно продукт современной техники. Лучшими считаются те его качества, которые соответствуют данному типу машины¹³.

Самая знаменитая книга, в которой описан технократический мир, это антиутопия Дж. Оруэлла «1984». Однако многих современных авторов тоже мучает вопрос о том, что произойдет с обществом и человеком, если возобладает такая модель организации жизни. Блестящей иллюстрацией технократической культуры в действии является второй эпизод первого сезона телесериала «Черное зеркало» под названием «Пятнадцать миллионов за слуг».

К сожалению, критика технократизма очень часто ведется с позиций реставрации утопических идей о вселенской гармонии в искусстве и культуре, с позиций возвращения к религиозным концепциям, что, конечно, никак не способствует преодолению недостатков этой доктрины.

Сциентистский подход тоже связан с верой в то, что научное знание (естественно-математическое и техническое) является абсолютной ценностью. Однако сциентисты возражают против грубых технократических моделей социальных отношений, опирающихся на понимание человека как ресурса, и предлагают относиться к человеку как к «социальному капиталу» [Ziegler, 1982; Granovetter, 1985; Greve, 1995; Strang, 1998].

Современная версия сциентизма пользуется самоназваниями «постгуманизм» и «трансгуманизм».

Постгуманисты при всем их различии сходятся в одной точке: в отказе принимать классический гуманизм, которому они стремятся противопоставить образ «постчеловека», обладающего невиданными способностями.

Трансгуманизм представляет собой мировоззрение, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение человека и смерть, а также значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека. Главной целью трансгуманизма является бесконечное совершенствование человека, основанное на новейших открытиях научно-технического прогресса, с использованием разнообразных, преимущественно технологических способов.

Научному исследованию подвергаются процессы духовного потребления, которые рассматриваются как часть более общего процесса «обработки людей людьми». Разрабатываются технологии управления процессом формирования ценностных ориентиров личности, ее установок на определенные духовные ценности.

В каком-то смысле сциентистский подход представляет собой изощренную версию технократизма, но поскольку современная наука доказывает, что человек – существенно более сложная система, чем это представляется технократам, и методы работы с человеком должны склоняться к большей вариативности, то иногда сциентизм смыкается с гуманистической, солидаристской моделью коммуникации.

В основе **гуманитарного похода** лежит главный принцип всей гуманистической этики классического гуманизма – учение о высоком назначении человека, о его достоинстве.

Вопрос о том, что такое гуманизм, остается и сегодня важной теоретической проблемой. Мнения современных экспертов существенно различаются и порой весьма противоречивы.

¹³ Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3115> (дата обращения 05.01.2022).

Как отмечает Ю. Черный, понятие «гуманизм» имеет столько же определений, сколько имеется крупных философов¹⁴.

На наш взгляд, представляется возможным выделить несколько взаимосвязанных и одновременно оппозиционных друг другу мировоззренческих систем: возрожденческий, инструментальный и новый гуманизм.

Для *возрожденческого гуманизма* характерно представление о человеке как о главной ценности, определяющей иерархию оценочных и деятельностных приоритетов, как о средоточии мира, его властелине. Предтечи западноевропейской цивилизации, а затем и гуманисты Возрождения полностью восприняли слова Цицерона о том, что «всё в этом мире, чем пользуются люди, именно для них создано и уготовано» [Цицерон, 1985, с. 153].

Существенной особенностью *инструментального гуманизма* является взгляд на человека как на обучаемый, программируемый компонент системы, как на объект самых разнообразных манипуляций, а не как на личность, для которой характерна не только самостоятельность, но и свобода по отношению к возможному пространству деятельностей.

Одним из негативных следствий формирования инструментального гуманизма явилось повсеместное распространение (по крайней мере, в странах европейско-американской цивилизации) мысли о том, что реальный «мир» и реальный «человек» есть лишь средства для создания, построения чего-то иного, более прекрасного и возвышенного. Поэтому в качестве центральных категорий мировоззрения многих людей стали выступать понятия «прогресс», «развитие», «революция» и т. п. Мировоззрение, опирающееся на эти категории, мы и называем «инструментальным гуманизмом».

Новый гуманизм, который мы связываем с именами А. Швейцера, В. Вернадского, Э. Фромма и других мыслителей XX в., опирается на представление о том, что все люди рождаются разными, но равными, и единственное предназначение каждого человека – полностью реализовать себя в этом мире, выявить все свои потенции на благо всех других людей. Тезис о том, что люди рождаются равными, предполагает, что «все они обладают основными человеческими качествами, все они разделяют общую трагическую судьбу и все имеют одинаково неотъемлемое право на свободу и счастье» [Там же, с. 220].

Но принцип равенства вовсе не предполагает, что все люди одинаковы. Новый гуманизм ценит в каждом человеке его оригинальность, особенность, спонтанность и категорически выступает против нивелирования людей, навязывания им однообразных шаблонов мышления, чувствования и поведения. Сторонники нового гуманизма требуют подлинного освобождения каждого человека от внешних оков, мешающих индивиду поступать в соответствии с собственными мыслями и желаниями. (Разумеется, речь идет о человеке, который действительно обладает собственными мыслями и желаниями.)

Свобода и творчество – вот основные ценностные ориентиры нового гуманизма. Смысл человеческой жизни с этой точки зрения заключается в развитии индивидуальности человека, реализации его личности. Это высшая цель, которая не может быть подчинена другим, якобы более достойным целям.

Однако новый гуманизм требует не просто свободы для человека (в этом случае речь шла бы о свободе и для бандита – в каком бы обличье он ни появлялся), а свободы для общего дела, дела возвышения всех живущих на Земле людей. Понятие «личность», как оно оформилось в европейской персоналистской традиции, не имеет ничего общего с обожествлением индивида. Личностью становится не каждый человек. Понятие «личность» предполагает предельное напряжение нравственных усилий, неустанную работу самосознания.

Характеризуя взаимоотношения между индивидом и обществом, новый гуманизм исходит из представления о том, что «свобода может победить лишь в том случае, если демократия разовьется в общество, в котором жизнь не будет нуждаться в каком бы то ни было оправдании, будь то успех или что угодно другое; в котором индивидом не будет манипулировать

¹⁴ Черный Ю. Современный гуманизм. URL: <http://www.humanism.al.ru/ru/articles.phtml?num=000142#s2> (дата обращения 05.01.2022).

никакая внешняя сила, будь то государство или экономическая машина; и, наконец, в котором сознание и идеалы индивида будут не интериоризацией внешних требований, а станут действительно его собственными, будут выражать стремления, вырастающие из особенностей его собственного “Я”» [Фромм, 2021, с. 225].

Таким образом, речь идет о восхождении на новом историческом витке к подлинно гуманистическому мировоззрению, контуры которого довольно четко определены в виде следующих принципов гуманистической организации жизни общества:

- производство должно служить реальным потребностям людей, а не требованиям экономической системы;
- между людьми и природой должны быть установлены новые взаимоотношения, основанные на кооперации, а не на эксплуатации;
- взаимный антагонизм должен уступить место солидарности;
- целью всех социальных преобразований должно быть человеческое благо и предупреждение неблагополучия;
- следует стремиться не к максимальному, а к разумному потреблению, способствующему благу людей;
- индивид должен быть активным, а не пассивным участником жизни общества.

Заключение

Понятно, что только в рамках гуманитарного подхода возможно понимание ИИ лишь как одного из ресурсов (причем не самого главного), который имеется в распоряжении человечества, размышляющего о выборе стратегии дальнейшего развития. И эффективность использования этого ресурса будет определяться в зависимости от особенностей экономической и политической системы, которую конкретное сообщество использует для адаптации к изменяющимся условиям жизни. Одно дело, если в качестве такой системы используется универсальный механизм, состоящий из комбинации свободного рынка и трех независимых ветвей власти, функционирующих на основе законодательства, защищающего права человека, при наличии мощных негосударственных СМИ, способных обнаружить и обнародовать любые нарушения. И совсем другое дело, если ИИ станет ресурсом авторитарных или тоталитарных систем, какими бы наименованиями они ни прикрывали свою античеловеческую сущность.

Список литературы

- Анохин К. В.** Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2021. Т. 71, № 1. С. 39–71.
- Бердяев Н. А.** Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 3–38.
- Дзялошинский И. М.** Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакommunikаций. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2020. 551 с.
- Дзялошинский И. М., Лободенко Л. К., Пильгун М. А.** Социальные сообщества и коммуникационные сервисы в эпоху цифровой цивилизации. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2020. 746 с.
- Дриккер А. С., Маковецкий Е. А.** Формирование современных информационных идеалов // Культура и технологии. 2016. Т. 1. С. 32–40. DOI 10.17586/2587-800X-2016-1-1-32-40
- Фромм Э.** Бегство от свободы. М.: АСТ, 2021. 288 с.
- Цицерон.** Философские трактаты. М.: Наука, 1985. 382 с.
- Шваб К.** Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.
- Granovetter M.** Economic action, social structure, and embeddedness. *American Journal of Sociology*, 1985, no. 91, pp. 481–510.

- Greve H.** Jumping ship: the diffusion of strategy abandonment. *Administrative Science Quarterly*, 1995, no. 40, pp. 444–473.
- Strang D.** Diffusion in Organisations and social movements. *Annual Review of Sociology*, 1998, vol. 24, no. 1, pp. 265–290.
- Ziegler R.** Market structure and cooperation. München, 1982.

References

- Anokhin K. V.** Kognitom: v poiskakh fundamental'noi neironauchnoi teorii soznaniya [Cognitome: In Search of a Fundamental Neuroscience Theory of Consciousness]. *Zhurnal vysshei nervnoi deyatel'nosti im. I. P. Pavlova* [I. P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity]. 2021, vol. 71, no. 1, p. 39–71. (in Russ.)
- Berdyayev N. A.** Chelovek i mashina (problema sotsiologii i metafiziki tekhniki) [Man and Machine (The Problem of Sociology and Metaphysics of Technology)]. *Put'* [Way], 1933, no. 38, pp. 3–38. (in Russ.)
- Cicero.** Filosofskie traktaty [Philosophical Works]. Moscow, Nauka, 1985, 382 p. (in Russ.)
- Drikker A. S., Makovetsky E. A.** Formirovanie sovremennykh informatsionnykh idealov [Formation of Modern Information Ideals]. *Kul'tura i tekhnologii* [Culture and Technology], 2016, vol. 1, pp. 32–40. (in Russ.) DOI 10.17586/2587-800X-2016-1-1-32-40
- Dzyaloshinsky I. M.** Filosofiya tsifrovoy tsivilizatsii i transformatsiya mediakommunikatsii [Philosophy of Digital Civilization and Transformation of Media Communications]. Chelyabinsk, YuUrSU Press, 2020, 551 p. (in Russ.)
- Dzyaloshinsky I. M., Lobodenko L. K., Pilgun M. A.** Sotsial'nye soobshchestva i kommunikatsionnye servisy v epokhu tsifrovoy tsivilizatsii [Social Communities and Communication Services in the Era of Digital Civilization]. Chelyabinsk, YuUrSU Press, 2020, 746 p. (in Russ.)
- Fromm E.** Begstvo ot svobody [Escape from Freedom]. Moscow, AST, 2021, 288 p. (in Russ.)
- Granovetter M.** Economic action, social structure, and embeddedness. *American Journal of Sociology*, 1985, no. 91, pp. 481–510.
- Greve H.** Jumping ship: the diffusion of strategy abandonment. *Administrative Science Quarterly*, 1995, no. 40, pp. 444–473.
- Shvab K.** Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, Eksmo, 2016, 208 p. (in Russ.)
- Strang D.** Diffusion in Organisations and social movements. *Annual Review of Sociology*, 1998, vol. 24, no. 1, pp. 265–290.
- Ziegler R.** Market structure and cooperation. München, 1982.

Информация об авторе

Иосиф Михайлович Дзялошинский, доктор филологических наук

Information about the Author

Iosif M. Dzyaloshinsky, Doctor of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 01.02.2022;
одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 10.02.2022
The article was submitted 01.02.2022;
approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 10.02.2022

Научная статья

УДК 070

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-30-39

Журналистика периода COVID-19: актуальные вызовы, пути трансформации

Владимир Федорович Олешко¹

Ольга Сергеевна Мухина²

^{1,2} Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

¹ vladimir.oleshko@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3001-7391>

² olga.mukhina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8791-6086>

Аннотация

Пандемия коронавируса кардинально трансформировала жизнедеятельность россиян во всех сферах. Изменились в этих условиях и методы организации работы массмедиа. Уменьшилось число информационных поводов, а коммуникация с интервьюируемыми и экспертами всё чаще проходит дистанционно, это сказывается на качестве информационных продуктов. Журналисты зачастую вынужденно переходят на удаленную работу и фриланс, но остаются представителями профессии, имеющей повышенные риски заражения. Авторы провели экспертный опрос сотрудников нескольких редакций с целью проанализировать, как именно изменилась их работа за период пандемии. Результаты демонстрируют существенный слом сформировавшейся ранее системы: у нас на глазах создаются новые форматы творческой деятельности, а журналисты находят в этой альтернативе как отрицательные, так и положительные стороны.

Ключевые слова

удаленная работа, фриланс, медиафриланс, внештатный журналист, журналист-фрилансер, пандемия, коронавирус

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 19-18-00264 в рамках научного проекта «Цифровизация коммуникативно-культурной памяти и проблемы ее межпоколенческой трансляции»

Для цитирования

Олешко В. Ф., Мухина О. С. Журналистика периода COVID-19: актуальные вызовы, пути трансформации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 30–39. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-30-39

Journalism in the Time of COVID-19: Current Challenges, Ways of Transformation

Vladimir F. Oleshko¹, Olga S. Mukhina²

^{1,2} Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russian Federation

¹ vladimir.oleshko@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3001-7391>

² olga.mukhina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8791-6086>

Abstract

The coronavirus pandemic has radically transformed the life of Russians in all spheres: the economic crisis, lockdown, border closures, the flow of fakes and disinformation affected everyone. In these conditions, the methods of organiz-

© Олешко В. Ф., Мухина О. С., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 30–39

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 30–39

ing the work of the mass media have also changed. Since the number of newsbreaks has decreased, and communication with interviewees and experts is increasingly taking place remotely, this affects the quality of information products. Journalists are often forced to switch to remote work and freelancing, but they remain representatives of a profession with increased risks of infection. The latest practice shows that as a result, the quality of created information products often declined. There were also financial losses because advertisers refused to cooperate with media that were losing their audience. The authors conducted an expert survey of employees of several editorial offices in order to analyze exactly how their work has changed during the pandemic. The results demonstrate a significant breakdown of the previously formed system: new formats of creative activity are being created right now, and journalists find both disadvantages and advantages in this alternative. The work of freelance journalists is becoming more and more relevant in this situation. Their presence in the office is not necessary, and at the same time they can work 24/7.

Keywords

remote work, freelance, media freelance, freelance journalist, pandemic, coronavirus, COVID-19

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant no. 19-18-00264 in the framework of the scientific project "Digitalization of communicative-cultural memory and problems of its intergenerational transmission"

For citation

Oleshko V. F., Mukhina O. S. Journalism in the Time of COVID-19: Current Challenges, Ways of Transformation. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 30–39. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-30-39

Введение

Пандемия коронавируса за прошедшие два года повлияла на все сферы жизнедеятельности российского общества в целом и представителей отдельных его социумов. Экономический кризис, закрытие границ, локдаун, волна фейков и дезинформации – это коснулось практически каждого из нас. В активный оборот учеными сегодня даже включено понятие «инфодемия» – плохо контролируемый поток дезинформации о вирусе [Ерофеева и др., 2021, с. 81; Землянский, 2021]. Зарубежные исследователи акцентируют внимание на том, что «пандемия COVID-19 представляет собой форму кризиса, который оказывает прямое и косвенное воздействие во всем мире» [Simons, 2021, p. 143].

Журналистика стала одной из сфер, наиболее пострадавших от COVID-19. Ведь журналисты, как и врачи, сталкиваются с высоким риском заражения ввиду необходимости постоянной коммуникации. Поэтому многие из них в период пандемии были переведены на удаленную работу и фриланс. Как отмечали наши респонденты, «первая волна пандемии резко бросила в дистанционную реальность» (Рада Боженко, «Аргументы и факты Урал»).

Показательно, что накануне локдауна, в начале марта 2020 г., ВЦИОМ опубликовал результаты проведенного им опроса на тему фриланса. На тот момент фрилансером себя назвал каждый десятый респондент (11 %) ¹. Этот стиль работы индивидуума, не связанного трудовым договором с одним конкретным предприятием, получил также название экономики свободной занятости, гиг-экономики или гигномики. Само слово «фрилансер» (от англ. *«freelancer»* – «вольнонаемный воин» или «вольный копьеносец») означает по факту самозанятого, свободного предпринимателя, который самостоятельно ищет заказчиков и не связан трудовыми отношениями ни с одним из них [Massey, Elmore, 2018].

Коронавирусная пандемия ускорила процессы развития гигномики. В этой волне удаленной работы и фриланса можно найти множество как положительных тенденций, так и отрицательных (что и показали результаты нашего исследования). Говоря об исследованиях других авторов, добавим, что некоторые из них настроены более позитивно: например, указывают, что спрос на удаленных сотрудников растет [Вольф, Бархатов, 2020, с. 94], или отмечают, что качество работы в такой ситуации не падает [Писаренко, 2020, с. 64–65].

¹ Россияне полюбили фриланс // ВЦИОМ. 04.03.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-polyubili-frilans> (дата обращения 27.11.2021).

В свою очередь, журналистика является одной из наиболее популярных для фрилансеров профессий. По статистике, она занимает четвертое место в рейтинге видов деятельности для фрилансеров [Гордеева, Кононенко, 2020, с. 155].

Вместе с тем большинство индивидуумов, перешедших в период пандемии на удаленную работу и фриланс, сделали это не по собственному желанию. И в таком случае к ним в полной мере может быть отнесен термин «прекариат», означающий эксплуатируемый класс с нестабильной занятостью [Прекариат..., 2020]. Неверно относить к классу прекариата абсолютно всех фрилансеров, но работники, переведенные в эту группу насильно и фактически не имеющие выбора, безусловно, относятся именно к прекариату. При этом в результате пандемии, как отмечают исследователи, в числе прекариата оказались миллионы людей [Кокшаров и др., 2020, с. 1062].

Как добавил один из наших респондентов, редактор Александр Ашбель, *«пандемия появилась не резко, а развивалась медленно и поэтапно. Со стороны журналиста я наблюдал за всем, и мне было интересно, куда это всё приведет»*. Нам, в свою очередь, стало интересно проанализировать, как изменилась работа журналистов за период пандемии, каковы положительные и отрицательные моменты перехода на удаленную работу и фриланс и каковы в целом коронавирусные последствия для индустрии медиа глазами ее представителей.

Методы исследования

В целях реализации настоящего исследования в октябре 2021 г. мы провели экспертный опрос практикующих журналистов. В качестве помощников были привлечены студенты бакалавриата факультета журналистики Уральского федерального университета. Всего было опрошено 87 журналистов из более чем 70 редакционных коллективов УрФО. Экспертам задавался вопрос, как изменилась их жизнь в период пандемии, но не было установлено никаких конкретных дополнительных координат. В результате одни респонденты сосредоточились на технической стороне работы, другие – на экономической, третьи говорили о медицинских нюансах эпохи пандемии – таких, как обязательное ношение масок или вакцинация. Полученные таким образом ответы можно считать более искренними и объективными, поскольку эксперты отмечали именно то, что повлияло на них и оказалось наиболее значимым.

Добавим, что мы не предъявляли обязательных требований к формату представления респондента. Мы, безусловно, предпочитали полностью открытый вариант с указанием фамилии, имени, должности и издания. Тем не менее мы оставляли за респондентом право на анонимность, в результате чего некоторые реплики содержат не полные сведения о респонденте. Однако это не меняет общую картину работы журналистов в период коронавируса, исследование которой мы ставили своей задачей.

Результаты исследования

Общие данные

Абсолютное большинство опрошенных (39 человек, 44 %) считают, что прошедшие полтора года пандемии были обычными или, по крайней мере, имеют свои минусы и плюсы. Этот период стал сложным для 24 человек (27 %), а для пяти респондентов он был даже удачным. Например, SMM-специалист Анна Широкова отметила, что *«всё ушло в онлайн»*, и социальные сети стали площадкой для развития людей, которым понадобилась помощь. Были и те, кто сообщил, что *«ничего особо не изменилось <...> главное – всегда иметь при себе маску»*.

Количество инфоповодов

Важный момент для работы журналистов – количество событий, инфоповодов. Надо сказать, что данная сфера в этом смысле оказалась уязвимой для конкуренции с теми же блогерами, поскольку работа профессионалов часто зависит именно от офлайн-мероприятий, которые были массово отменены. Большинство респондентов, отметивших эту тему (на ней сосредоточились 33 человека), сказали, что инфоповодов стало меньше: это заметили 48 % из числа отметивших данный пункт – в основном журналисты небольших местных изданий, а также работающие в сфере спорта и культуры. Новостные отделы сильно пострадали, *«потому что все новости были очень однотипными»*.

Еще 27 % были настроены более позитивно, отметив, что одних событий стало меньше, зато других – больше. Как, например, добавила корреспондент Ксения Маринина, *«любой журналист найдет инфоповод для любой новости, поэтому для меня это был очередной вызов, и я не сдалась»*. Добавим, что для 21 % этот момент никак не изменился, а один респондент даже отметил, что событий стало больше.

Общение с героями

Следующий важный пункт журналистской работы – общение с героями публикаций, поскольку даже в теории понятно, что увеличилось число дистанционных контактов. И действительно, это отметили больше четверти респондентов: 25 человек (28 %). Двое указали, что, когда личное общение всё же происходит, герои не раскрываются, боятся заражения, да и из-за маски контакт снижается. Дарья Углинских, сотрудник пресс-службы штаба ЦВО, добавляет: *«Согласитесь, куда приятнее общаться с человеком, когда он не скрывает лицо за “тряпкой”!»*

Переход на удаленную работу или фриланс

Абсолютное большинство наших респондентов (50 человек, 57 %) в том или ином варианте коснулось темы перехода на удаленную работу или фриланс. Из них 28 % переходили на удаленную работу временно, а еще 22 % находились на частичном дистанте. *«Возвращение к офисной работе далось с большим трудом, до сих пор приходится напоминать молодым коллегам об отмене удаленного режима»*, – добавила Рада Боженко («Аргументы и факты Урал»).

Полностью на удаленку перешли 18 % из числа отметивших данную тему. Павел Архипов, один из респондентов, указал: *«Вся работа полностью перешла в онлайн, и неожиданно оказалось, что присутствие в редакции – это то, что совершенно не нужно»*.

Еще 16 % весь период пандемии работали в офисе, а 14 % изначально работали удаленно. Интересно, что один респондент счел формой удаленки работу исключительно в офисе, имея в виду, что не было работы «в поле».

Экономические вопросы

Немногие журналисты (в основном занимающие руководящие должности или изначально работавшие фрилансерами, т. е. самостоятельно решавшие экономические проблемы) отметили и изменения в экономической ситуации работы СМИ в период пандемии: данную тему затронули 8 человек. Трое указали, что в этот период упал заработок, и многие отмечали трудности: *«Конкуренция на интернет-платформах возросла, поэтому получить хороший заказ, да и вообще заказ, стало намного сложнее»* (Анна Неретина, журналист-фрилансер).

Респонденты отмечали и упадок в сфере взаимоотношений с рекламодателями, что понятно: они сами в период пандемии испытывали кризис. Уменьшение доходов от рекламы отметили сразу несколько респондентов. Указывали, например, следующее: *«Все долгосрочные сделки с рекламодателями были приостановлены – люди просто боялись вкладываться в рекламу, потому что было непонятно, что будет дальше»* (Андрей Данилов, редактор информационного агентства «Miass Live»).

Но справедливости ради добавим, что один респондент даже повысил свой доход в период пандемии.

Объем работы

Тему изменений объема работы затронули 12 опрошенных. Интересно, что из них количество респондентов, отметивших, что работы в пандемию стало больше (41 %), не очень отличается от количества тех, кто испытывал нехватку работы (33 %). Некоторые даже указывали, что им пришлось приостановить реализацию медийного проекта. А видеооператор медиахолдинга «Гонг» Алексей отметил особые трудности своей профессии: *«Пандемия очень сильно ударила по операторской работе. Количество съемок в разы уменьшилось»*. Еще два респондента добавили, что замедлился сам процесс творческой деятельности.

Но, как уже отмечалось, были и те, чей объем непосредственной редакционной работы увеличился. Например, главный редактор информационного интернет-агентства «Ura.ru» Иван Некрасов пояснил, что *«сократилось количество мероприятий для посещения, но при этом в нашей редакции в работе журналистов увеличился объем звонков, работы с документами, расширился функционал страницы “Ura.ru” в социальных сетях, стало развиваться постоянное информирование читателей в нашем Телеграм-канале»*.

Саморазвитие

Несмотря на все трудности, период пандемии стал вызовом и стимулом к саморазвитию – как для отдельных журналистов, так и для средств массовой информации и сферы журналистики в целом. Этот момент отразили в своих комментариях 23 респондента. Из них 52 % отметили появление новых форматов в своем издании: *«Пришлось переключаться с большого количества событийки и репортажей на другие форматы, направления, уделять внимание тому, чего раньше в потоке не замечали»* (Дмитрий Коршунов, главный редактор газеты «Золотая горка»).

Развивали личные навыки и отдельные журналисты, это отметили 48 % из числа респондентов, выделивших пункт о саморазвитии. Отмечали они при этом как содержательную часть своей работы, необходимость осваивать новые темы, так и организационно-техническую: погружение в актуальные технологии.

Меры по охране здоровья

Больше половины респондентов (44 человека) отмечали и чисто ковидные особенности своей работы в период пандемии. Из них 47 % рассказали про обязательные маски, перчатки, санитайзеры, антисептики, воздухоочистители, регулярное проветривание и социальную дистанцию. В ряде редакций были введены регулярные тесты на коронавирус, это отметили 18 % из числа тех, кто сосредоточился на вопросах здоровья. Еще 9 % добавили, что они сами и *«многие коллеги»* вакцинировались. Как отметил корреспондент ОТВ Артем Новоселов, *«не везде тебя готовы принять, если ты не привит»*.

Другой вариант заботы о здоровье – уход на удаленную работу, как только кто-то из коллег заболел. Об этом рассказали 15 %. Встречались также единичные ответы, подтверждающие, что значительное количество коллег переболело коронавирусом, и указание на то, что журналист должен особенно беречься.

Тематика публикаций в период пандемии

Предсказуемо, что многие респонденты (21 %) отметили шквал «коронавирусной» тематики в СМИ: *«Все, даже какие-то действительно важные новости оттеснил ковид»* (Антон Гатаулин, газета «Арамильские вести»).

Многие, правда, делали акцент и на том, что эта тема существенно надоела – и журналистам, и аудитории: *«От одной темы устаешь все равно, выматываешься. Слушать о количестве заболевших, об историях людей и врачей тяжело»* (Бэлла Волкова).

Еще семь человек отметили в целом увеличение медицинской тематики в СМИ, пропаганды ответственного отношения к здоровью и интерес к науке, когда биологи и химики стали самыми популярными экспертами. Однако в массе своей журналисты утверждали, повторим, что остались без инфоповодов, а тему пандемии невозможно раскручивать вечно (да и не каждое издание в целом для этого функционирует). Поэтому ответы отдельных респондентов можно рассматривать как предложения на тему того, как журналистам выйти из столь сложной ситуации, сохранив аудиторию. Так, например, были те, кто сосредоточился на исторических темах, вспоминали, что вешали в тот же день год, два, три назад. Другие искали всевозможные онлайн-курсы и мероприятия, отмечали, что и без офлайн-событий нас окружает много актуальных *со-бытий* (от термина «бытие», повседневно важное для жизни любого человека). Третьи осваивали новые темы: например, автор в сфере культуры сосредоточилась на цифровизации сферы культуры, вопросах психологии и организации досуга. Были благодарны журналисты и тем ньюсмейкерам, которые *«остались на плаву»* в этот сложный период, дав, таким образом, работу и средствам массовой информации. А на телеканале «Студия-41» реализовали целый ряд принципиально новых проектов: в частности, проект к юбилею Победы (истории жизни ветеранов, их фотографии) и программу «Учимся дома» (когда студия превращается в класс, приходят преподаватели и читают лекции). *«Выкрутились, одним словом»*, – добавила Ольга Медведева, креативный редактор телеканала.

Положительные стороны удаленной работы

Поскольку многие люди, в том числе и журналисты, перешли в период пандемии на удаленную работу или фриланс, нам показалось важным остановиться на положительных и отрицательных сторонах такой формы работы. Плюсы выделили 30 респондентов. Из них 66 % отметили экономию времени: *«Мы поняли, что режим онлайн невероятно экономит время журналистов, информацию с пресс-конференции можно сразу выпустить в эфир»* (Полина Дикушина, редактор информационного портала «66.ru»).

Эти респонденты отмечали и другие положительные факторы экономии времени: например, освобождается время для саморазвития, совершенствования навыков, а еще можно написать больше материалов. Во многом это стало возможным благодаря распространившимся пресс-конференциям онлайн, онлайн-трансляциям судебных заседаний, публикациям в социальных сетях результатов рассмотрения дел, а также вошедшим в моду интервью по телефону и Zoom (как отмечали некоторые журналисты, раньше герои приглашали в гости, а времени на это никогда нет).

Еще одна положительная новинка периода пандемии – новый спикер: оперштаб. Он принимает все запросы от журналистов, что очень облегчает работу, хотя есть и минус: другие ньюсмейкеры теперь часто посылают журналистов в оперштаб. Один из респондентов отметил и такой бонус пандемии, как легализация удаленной работы, имея в виду не столько юридическую сторону, сколько психологическую: раньше с трудом можно было уйти поработать вне редакции, приходилось долго объясняться.

Достаточно большое количество журналистов отметили удобство общения через Zoom: им оказалось легче так связаться с героями, которые оффлайн часто бывали недоступны. А еще это стало хорошим поводом объединить коллег из разных городов: там, где прежде на еженедельных совещаниях встречались только местные авторы, теперь общаются все, вне зависимости от города и даже страны.

Отмечали и чисто бытовые удобства: не надо вставать в 6:30, ехать в маршрутке, есть в столовой или брать еду в контейнере, и даже интернет-подключение у некоторых дома оказалось более стабильным, в отличие от офиса с постоянной перегрузкой общей сети.

Отрицательные стороны удаленной работы

Однако тех, кто отмечал негативные моменты перехода на удаленную работу и фриланс, было несколько больше: 39 человек. Наиболее популярным минусом удаленки стало отсут-

ствие живого общения с героями публикаций. Это отметили 30 % из числа тех, кто сосредоточился на отрицательных моментах такой формы работы: «С точки зрения общения, которое требует мимики, жестов, выражения глаз, вздохов, – то задушевное интервью, конечно, пострадало» (Наталья Юмашева, редактор детско-юношеской газеты «Сами»).

Еще один важный минус удаленной работы – отсутствие разделения между работой и отдыхом, в ряде ответов даже присутствовал термин «психологическое выгорание». Это отметили 10 % из тех, кто сосредоточился на отрицательных моментах: «Стало больше переработок – перестала чувствовать, где рабочее время, а где личное» (Людмила Орлова, корреспондент информагентства «Европейско-Азиатские Новости»).

Другие повторяющиеся минусы:

- отсутствие мероприятий и, соответственно, работы;
- сложность выйти лично на героя публикации, а если получилось – страх людей подойти к журналисту, имеющему повышенные риски заразиться, что формирует дистанцию, не дает герою расслабиться;
- наличие модератора в пресс-конференциях, который может проигнорировать вопрос.

Два респондента отметили и такой минус, как апатия у журналистов. Добавляли и то, что сложно работать дома, когда рядом дети, сложно выстроить систему, следить за сотрудниками («На привыкание ушло около двух недель» (Алина Имамова, ТАСС)), срывались интервью и планы. Респонденты добавляли, что онлайн-формат убирает возможность задавать вопросы, и возникают сложности с получением комментариев экспертов. Кроме того, некоторые респонденты отмечали нарушение межличностных коммуникаций в коллективе. Как сказала редактор информационного портала «66.ru» Полина Дикушина, «с сотрудниками на удаленке со временем возникает некий диссонанс».

Дискуссия

Таким образом, переход журналистов на удаленную работу и фриланс в период пандемии отмечен целым рядом как положительных, так и отрицательных моментов. Конечно, для многих СМИ фриланс стал спасением в это непростое время. Однако и он не в состоянии спасти медиа от финансового кризиса: потери медиасферы (несмотря на то, что общий спрос на продукцию СМИ вырос) составят порядка 100 млрд рублей, по словам бывшего замминистра Минцифры России Алексея Волина [Саримова, 2020]. Впрочем, кризис в медиасфере – общемировое явление: его отмечают и западные исследователи [Finneman, Thomas, 2021].

Несмотря на то что журналистика является творческой профессией, ряд специалистов, в особенности из числа представителей так называемого «аналогового» поколения, придерживаются, как свидетельствовал наш анализ [Олешко В., Олешко Е., 2021], стандартизированных подходов и рамок в повседневной работе. Однако кризисные ситуации – такие, как пандемия коронавируса, – становятся разрушителями этих рамок, бросают вызов устоявшимся процедурам. Они требуют быстрого реагирования, перераспределения персонала и материальных ресурсов [Hoak, 2021].

Для решения возникших проблем, как показывают результаты и нашего исследования, журналисты развивают новые форматы: осваивают онлайн-трансляции, онлайн-мероприятия, создают различные активности в социальных сетях. Роль медиаплатформ, агрегаторов и социальных сетей значительно усиливается [Коломийцева, 2021]. Именно в такой ситуации необходим труд внештатных журналистов, чье присутствие в офисе не обязательно.

Представляется интересным в связи с этим проанализировать и зарубежную статистику – особенно из стран, сильнее других пострадавших от пандемии коронавируса. Например, в Испании абсолютное большинство журналистов (73 %) выразили желание работать только в офисе, и лишь 5 % наших испанских коллег были готовы работать в удаленном режиме. При этом 70 % считают, что по итогам COVID-19 журналистские редакции станут менее централизованными, а 13 % предсказывают повсеместный переход на удаленную работу.

С этой мыслью согласны и итальянские журналисты, резюмируя, что *«золотой век итальянской прессы прошел»* [Каррерас, Дель Фрео, 2020].

Отечественные исследователи тоже считают, что общество не в состоянии игнорировать опыт, полученный в результате пандемии, и многие сферы жизни будут развиваться с учетом тех уроков, которые мы получили, когда огромное количество людей начало работать удаленно [Кашепов, 2020, с. 74–75], и около 20 % таких сотрудников больше никогда не вернутся к обычной службе в офисе [Беляков и др., 2020, с. 5].

Заключение

Эпоха пандемии (до сих пор, к сожалению, не завершенная) стала вызовом для населения всего мира. Миллиарды людей, запертые в своих домах, ищут альтернативные варианты и смысла жизни, и способов заработка. К счастью для большинства журналистов, у них всё же есть возможность продолжать деятельность в рамках своей профессии. Многие издания, как показало наше исследование, активно развивались, осваивая новые форматы. Как отметила одна из опрошенных нами журналисток, *«теперь я умею работать и в экстремальных, необычных условиях жизни, таких как пандемия, и в спокойном, стандартном ритме»* (Дина Веретельникова, ТАСС). Но, как добавил другой респондент – Сергей Сивопляс, *«повторять это очень не хочется, потому что спокойней, когда ты понимаешь, к чему ты идешь и что дальше будет»*.

Список литературы

- Беляков С. А., Степина И. О., Эйрих В. Е. Влияние пандемии covid-19 на рынок труда: социально-экономические изменения, цифровизация // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 5 (46). С. 4–8.
- Вольф К. В., Бархатов И. В. Фриланс как форма адаптации молодежи к рынку труда в условиях пандемии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10 (6). С. 93–96.
- Гордеева Е. В., Кононенко Д. С. Развитие фриланса в современной России // Лучший исследовательский проект 2020: Сб. ст. II Междунар. науч.-исслед. конкурса. Петрозаводск, 2020. С. 153–159.
- Ерофеева И. В., Толстокулакова Ю. В., Муравьев А. В. Пандемия коронавируса в концептуальной сфере медиадискурса России и Китая: стратегия выживания // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 1. С. 78–93.
- Землянский А. В. Причины возникновения инфодемии: сравнительный анализ освещения эпидемии SARS и пандемии COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26, № 3. С. 570–579.
- Каррерас Т., Дель Фрео А. Европейские журналисты о влиянии пандемии на профессию // Журналист. 09.08.2020. URL: <https://jrnlst.ru/pandemic> (дата обращения 27.11.2021).
- Кашепов А. В. Цифровизация и новые бизнес-технологии как факторы труда и занятости населения // Modern Science. 2020. № 8–1. С. 71–76.
- Кокшаров В. А., Агарков Г. А., Сущенко А. Д. Прекаризация труда, как растущая форма занятости молодых специалистов в условиях пандемии // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 4. С. 1061–1071.
- Коломийцева Е. Ю. Новые медиа в пандемию: пути трансформации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 1(34). С. 144–152.
- Олешко В. Ф., Олешко Е. В. К проблеме дисфункциональности информационной деятельности региональных массмедиа // Реклама, маркетинг, PR: теоретические и прикладные аспекты интегрированных коммуникаций. Материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В. В. Касьянов. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2021. С. 209–216.

- Писаренко Д. О.** Развитие сферы фриланса в условиях цифровизации и трансформации gig-экономики // Прогрессивные концепции развития отраслей народного хозяйства: Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2020. С. 62–69.
- Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.
- Саримова Л.** Алексей Волин: «Потери медиаотрасли от пандемии коронавируса составят примерно 100 млрд рублей» // Реальное время. 22.04.2020. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/172542-aleksey-volin-rasskazal-o-sudbe-smi-v-usloviyah-pandemii> (дата обращения 27.11.2021).
- Finneman T., Thomas R. J.** “You Had to be Reporting Constantly”: COVID-19’s impact on U.S. weekly newspapers’ journalistic routines. *Newspaper Research Journal*, 2021, vol. 42, no. 3, pp. 330–345.
- Hoak G.** Covering COVID: Journalists’ Stress and Perceived Organizational Support While Reporting on the Pandemic. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 2021, vol. 98, no. 3, pp. 854–874.
- Massey B., Elmore C.** Freelancing in Journalism. *ResearchGate*, 2018. DOI 10.1093/acrefore/9780190228613.013.818
- Simons G. J.** Communicating memory of historical pandemics in digital media during the COVID-19 pandemic // Региональная журналистика в новой коммуникационной среде: уроки пандемии COVID-19: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, 19–20 апреля 2021 г., г. Екатеринбург / Сост. О. Ф. Автохутдинова. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2021. С. 143–146.

References

- Belyakov S. A., Stepina I. O., Eirikh V. E.** Vliyaniye pandemii covid-19 na rynek truda: sotsial’no-ekonomicheskie izmeneniya, tsifrovizatsiya [Influence of the COVID-19 Pandemic on the Labor Market: Socio-Economic Changes, Digitalization]. *Kazanskii sotsial’no-gumanitarnyi vestnik* [Kazan Social and Humanitarian Bulletin], 2020, no. 5(46), pp. 4–8. (in Russ.)
- Erofeeva I. V., Tolstokulakova Yu. V., Muraviev A. V.** Pandemiya koronavirusa v kontseptse a’noji sfere mediadiskursa Rossii i Kitaya: strategiya vyzhivaniya [The Coronavirus Pandemic in the Conceptual Sphere of Media Discourse in Russia and China: A Survival Strategy]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Theoretical and Practical Issues of Journalism], 2021, vol. 10, no. 1, pp. 78–93. (in Russ.)
- Finneman T., Thomas R. J.** “You Had to be Reporting Constantly”: COVID-19’s impact on U.S. weekly newspapers’ journalistic routines. *Newspaper Research Journal*, 2021, vol. 42, no. 3, pp. 330–345.
- Gordeeva E. V., Kononenko D. S.** Razvitie frilansa v sovremennoi Rossii [The Development of Freelancing in the Modern Russia]. In: Luchshii issle-dovatel'skii proekt 2020 [The Best Research Project 2020]. Collection of articles of the 2nd International Research Competition. Petrozavodsk, 2020, pp. 153–159. (in Russ.)
- Hoak G.** Covering COVID: Journalists’ Stress and Perceived Organizational Support While Reporting on the Pandemic. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 2021, vol. 98, no. 3, pp. 854–874.
- Karreras T., Del Freo A.** Evropeiskie zhurnalisty o vliyanii pandemii na professiyu [European Journalists on the Impact of the Pandemic on the Profession]. *Zhurnalist* [Journalist], 09.08.2020. (in Russ.) URL: <https://jrnlist.ru/pandemic> (accessed 27.11.2021).
- Kashepov A. V.** Tsifrovizatsiya i novye biznes-tekhnologii kak faktory truda i zanyatosti nasele-niya [Digitalization and New Business Technologies as Factors of Labor and Employment of the Population]. *Modern Science*, 2020, no. 8–1, pp. 71–76. (in Russ.)
- Koksharov V. A., Agarkov G. A., Sushchenko A. D.** Prekarizatsiya truda kak rastushchaya forma zanyatosti molodykh spetsialistov v usloviyah pandemii [Precarisation of Labour as a Growing

- Form of Employment of Young Specialists in the Context of the COVID-19 Pandemic]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 2020, vol. 16, iss. 4, pp. 1061–1071. (in Russ.)
- Kolomiitseva E. Yu.** Novye media v pandemiyu: puti transformatsii [New Media into the Pandemic: Ways of Transformation]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva [Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatishchev]*, 2021, vol. 1, no. 1 (34), pp. 144–152. (in Russ.)
- Massey B., Elmore C.** Freelancing in Journalism. *ResearchGate*, 2018. DOI 10.1093/acrefore/9780190228613.013.818
- Oleshko V. F., Oleshko E. V.** K probleme disfunktsional'nosti informatsionnoi deyatel'nosti regional'nykh massmedia [To the Problem of Dysfunctionality of Information Activity of Regional Mass Media]. In: Kasyanov V. V. (ed.). *Reklama, marketing, PR: teoreticheskie i prikladnye aspekty integrirovannykh kommunikatsii [Advertising, Marketing, PR: Theoretical and Applied Aspects of Integrated Communications]*. Proc. of the IV All-Russian Scientific and Practical Conf. Krasnodar, KubSU Press, 2021, pp. 209–216. (in Russ.)
- Pisarenko D. O.** Razvitie sfery frilansa v usloviyakh tsifrovizatsii i transformatsii gig-ekonomiki [Development of Freelancing in the Context of Digitalization and Transformation of the Gig Economy]. In: Ivanov R. D. (ed.). *Progressivnye kontseptsii razvitiya otraslei narodnogo khozyaistva [Progressive Concepts for the Development of Sectors of the National Economy]*. Collection of reports of the International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2020, pp. 62–69. (in Russ.)
- Sarimova L.** Aleksei Volin: “Poteri mediaotrasli ot pandemii koronavirusa sostavyat primerno 100 mlrd rublei” [Alexey Volin: “The Estimated Losses of the Media Industry from the Coronavirus Pandemic Will Be About 100 Billion Rubles”]. *Real'noe vremya [Real time]*, 22.04.2020. (in Russ.) URL: <https://realnoevremya.ru/articles/172542-aleksey-volin-rasskazal-o-sudbe-smi-v-usloviyah-pandemii> (accessed 27.11.2021).
- Simons G. J.** Communicating memory of historical pandemics in digital media during the COVID-19 pandemic. In: *Regional Journalism in a New Communication Environment: Lessons from the COVID-19 Pandemic*. Proc. of the All-Russia Scientific and Practical Conference with International Participation, April 19–20, 2021. Yekaterinburg, UrFU Press, 2021, pp. 143–146.
- Toshchenko Zh. T.** (ed.). *Prekariat: stanovlenie novogo klassa [Precariat: The Establishment of a New Class]*, Moscow, Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2020, 400 p. (in Russ.)
- Volf K. V., Barkhatov I. V.** Frilans kak forma adaptatsii molodezhi k rynku truda v usloviyakh pandemii [Freelancing as a Adaptive Form of Youth to the Labor Market in a Pandemic]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University]*, 2020, no. 10 (6), pp. 93–96. (in Russ.)
- Zemlyansky A. V.** Prichiny vozniknoveniya infodemii: sravnitel'nyi analiz osveshcheniya epidemii SARS i pandemii COVID-19 [Causes of the Infodemic Outbreak: Media Coverage of the SARS Epidemic and the COVID-19 Pandemic Comparative Analysis]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism]*, 2021, vol. 26, no. 3, pp. 570–579. (in Russ.)

Информация об авторах

Владимир Федорович Олешко, доктор философских наук, профессор
Ольга Сергеевна Мухина, аспирант, ассистент

Information about Authors

Vladimir F. Oleshko, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Olga S. Mukhina, Post-Graduate Student, Assistant

Статья поступила в редакцию 03.12.2021;
 одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 20.01.2022
 The article was submitted 03.12.2021;
 approved after reviewing 12.01.2022; accepted for publication 20.01.2022

Научная статья

УДК 004.031.42 + 008.2

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-40-49

Постструктуралистская модель IT-журналистики

Тамара Алексеевна Семилет ¹

Ирина Валерьевна Фотиева ²

^{1, 2} Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

¹ 7let@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1680-9707>

² fotieva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9918-1635>

Аннотация

Под влиянием цифровых технологий произошло тотальное переструктурирование современной журналистики как социального института и коммуникативной деятельности. Появился новый феномен – IT-журналистика, модель системного существования которой может быть определена как *постструктуралистская*. Это проявляется в изменении социокультурного статуса; в структурно-функциональных трансформациях редакций СМИ и журналистской профессии; в изменении структуры и способов дистрибуции журналистской продукции; в диверсификации «упаковки» контента; в коммуникативной инверсии в пространстве медиатекстов; в «размывании» конфигурации и смысловой структуры традиционного медийного текста; в отступлении от профессиональных этических стандартов журналистики. Авторы статьи считают, что постструктуралистская трансформация традиционной модели журналистики необратима и в ряде аспектов обогатила журналистскую коммуникативную практику, но согласны с исследователями, отмечающими ее негативные следствия, которые нуждаются в более детальном анализе и институциональной коррекции.

Ключевые слова

IT-журналистика, медиакommunikация, постструктурализм, структурно-функциональные трансформации

Для цитирования

Семилет Т. А., Фотиева И. В. Постструктуралистская модель IT-журналистики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 40–49. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-40-49

Post-Structural Model of IT-Journalism

Tamara A. Semilet ¹, Irina V. Fotieva ²

^{1, 2} Altai State University
Barnaul, Russian Federation

¹ 7let@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1680-9707>

² fotieva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9918-1635>

Abstract

Under the influence of digital technologies, there has been a total restructuring of contemporary journalism as a social institution and communication activity. The new phenomenon of IT-journalism was established, and, characterizing the form of its existence as a system, was based on the post-structural model. This is manifested in a change in sociocultural status; in the structural and functional transformations of media editorial offices and the journalism as profession; in change in the structure and methods of distribution of journalistic products; in diversifying of the “packaging” of content; in communicative inversion in the space of media texts; in “erosion” of the configuration and semantic structure of the traditional media text; in deviation from professional ethical standards of journalism.

© Семилет Т. А., Фотиева И. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 40–49

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 40–49

The authors of the article believe that the post-structuralist transformation of the traditional model of journalism is irreversible and in a number of aspects has enriched journalistic communicative practice. However, at the same time, they agree with the researchers who note its negative consequences that require more detailed analysis and institutional correction.

Keywords

IT-journalism, media communication, post-structuralism, structural and functional transformations

For citation

Semilet T. A., Fotieva I. V. Post-Structural Model of IT-Journalism. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 40–49. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-40-49

Введение

Современная журналистика под влиянием целого ряда факторов, прежде всего необходимости освоения новой цифровой «среды обитания» и адаптации к ней, претерпевает радикальные системно-структурные и структурно-функциональные трансформации, что является актуальной темой многих современных исследований.

Как доминантная форма современного существования журналистики IT-журналистика рассматривается в разных аспектах: с акцентом на технику и технологии как на детерминанты изменения организационных и продуктивных форм журналистской деятельности [Как новые медиа..., 2016; Вартанова, 2020]; с акцентом на изменившиеся способы публичной коммуникации [Neuman, 1991; Manovich, 2003]; на сетевую модель распространения информации [Филь, 2016]; на содержательные и функциональные трансформации журналистской деятельности [Жолудь, 2018].

Но можно констатировать явную необходимость целостного обобщенного взгляда на данные процессы, их комплексного рассмотрения в философском ракурсе, что и определило цель исследования – системно-структурный и структурно-функциональный анализ феномена IT-журналистики, обоснование ее постструктуралистской модели. Как отмечает Роберт Гутче, доминирование цифровой коммуникации «требуется пересмотра критических теорий в области медиа и коммуникационных исследований» [Gutsche, 2021, p. 86]. Подобные исследования ведутся, но, на наш взгляд, явно недостаточны и касаются лишь некоторых аспектов данной темы. Так, например, И. А. Гильмутдинова [2019] анализирует с постструктуралистских позиций лишь функционирование Интернета в целом; авторы статьи «Публичная сфера, виртуализация, ризома: коммуникативные практики социальных медиа Рунета» [Млечко и др., 2018] акцентируют внимание на «ризомности» социальных сетей и т. д.

Постструктурализм, возникший как выражение философской интенции к глубинному анализу лингвистических форм, к критике идеологической предопределенности дискурса, его ангажированности властными устремлениями элиты, к панлингвистической интерпретации действительности, с его манифестами «нет ничего, кроме текста» (Ж. Деррида) и «в конечном счете всё – политика» (Ж. Делёз), не получил статуса авторитетного философско-методологического основания для анализа социокультурной реальности. Представляется, что этому способствовал ряд объективных обстоятельств: и то, что он «не образует организационного единства и не имеет общей программы»¹, и односторонний характер его исходных положений и, соответственно, выводов. Поэтому, по мнению многих исследователей, философия постструктурализма «оказалась преходящим феноменом, ограниченным в пространстве и времени. На сегодняшний день в западноевропейской традиции постструктурализм не является определяющим вектором интеллектуальных поисков» [Краснов и др., 2017, с. 131].

С этими выводами в целом можно согласиться. Однако, по мнению авторов данной статьи, постструктурализм и сегодня входит, хотя и особым образом, в арсенал структурно-

¹ См.: Автономова Н. С. Постструктурализм // Современная западная философия. Словари. URL: <http://www.cyclopedia.ru/97/207/2680657.html> (дата обращения 10.09.2021).

функционального анализа как метода исследования упорядоченности элементов и их функций внутри системы. Объект внимания постструктурализма – тоже структуры и функции, но рассматриваемые не с позиций их инвариантности, устойчивости и целостности, а с позиций их изменчивости, отступлений от норм и алгоритмов, инверсий и диверсификации. Эффективность данного методологического подхода связана в первую очередь с тем, что, уйдя на периферию интеллектуальных поисков, постструктурализм под влиянием целого ряда различных факторов превратился во влиятельную идеологию и еще больше – в праксиологию современности, которая ярко проявляет себя в социокультурной, экономической, политической сферах.

Гносеологический, праксиологический и онтологический уровни постструктурализма

Авторы статьи постулируют возможность рассматривать постструктурализм в трех ипостасях и уровнях существования: 1) как вариант ментальных игр и экспериментов с языковыми структурами (гносеологический постструктурализм); 2) как методологический посыл для креаторов художественного преобразования действительности (практический постструктурализм); 3) как модель трансформаций, происходящих в социокультурной реальности (онтологический постструктурализм).

С этих позиций можно констатировать, что Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёз – теоретики *гносеологического* постструктурализма, так как основное внимание уделяют *познанию* языка, интерпретациям текста, выявлению интенций автора и т. п. Трактовка структуры как статической упорядоченности, критический пафос относительно «диктата структур», их аффирмативности, жесткости, нормативности, а также призывы к преодолению такого положения вещей и «выхода за пределы структуры», за границы установленного и общепринятого, нашли отклик у практиков постструктурализма уже в 1970–1980-е гг. во многих прикладных областях. Наиболее ярко *практический* постструктурализм проявился в изобразительном искусстве и архитектуре [Venturi, 1965; Невлютов, 2020; Кузнецова, 2011], а также в дизайне моды. Здесь первичным является сознательное устремление создателя на преодоление канонов, нормативов, традиций, правил, пропорций и проч.

XXI век продемонстрировал доминирование *онтологического* постструктурализма в социокультурной реальности. Особую роль в этом сыграли ИТ-технологии, создавшие новую цифровую вселенную («галактику Интернет», по М. Кастельсу), существование в которой приводит к ломке прежних укладов: структурно-функциональных, структурно-нормативных, ролевых и статусных иерархий. Такое положение вещей получило научное осмысление уже в конце прошлого и в первом десятилетии нынешнего века в рамках изучения реалий информационного общества. В частности, оно констатируется в теориях виртуальной экономики [Castells, 1996; Ковалев, 2004; Виртуальная экономика..., 2000] и виртуальной политики [Wilson, 2005; Семенов, 2015]. Но в наибольшей степени онтологический постструктурализм проявился в сфере медиакommunikации и, в частности, цифровой, или ИТ-журналистики. Эти процессы нуждаются в специальном анализе и осмыслении. Соответственно, далее мы предпримем попытку представить обозначенные тенденции в виде модели ИТ-журналистики.

Постструктуралистские черты модели ИТ-журналистики

Прежде всего напомним, что в вопросе соотношения понятий медиакommunikации и журналистики нет единого мнения. Ряд авторов полагает, что журналистика, несмотря на практически полный переход в цифровую среду, всё же во многом сохраняет свой статус; другие исследователи, напротив, утверждают всё большее ее «растворение» в общем пространстве медиакommunikации.

Определенная правота присутствует в обеих позициях. Но, тем не менее, сегодня всё очевиднее становится вторая тенденция. При этом профессиональная журналистика не исчезает, но подвергается непрерывной диффузии во всех аспектах. Именно эти процессы позволяют говорить о новой, постструктуралистской модели функционирования IT-журналистики.

Ее зарождение вызвано, конечно, не только техническими и организационными инновациями, но целым комплексом социокультурных факторов, которые привели, в свою очередь, к трансформации всех сфер жизнедеятельности. В то же время, на наш взгляд, именно новые технические возможности создали ту питательную среду, в которой социокультурные «зародыши» идущих сегодня трансформаций получили свое полное развитие.

Таким образом, можно говорить о том, что *IT-журналистика по сравнению с традиционной характеризуется рядом принципиально новых черт, которые, во-первых, смогли сформироваться лишь в цифровой среде; во-вторых, обрели в ней свою адекватную «оболочку» и, в-третьих, сформировались в русле постструктурализма.*

Рассмотрим более подробно эти новые черты, или, иными словами, основные составляющие постструктуралистской модели IT-журналистики.

1. Изменение *генерального социокультурного статуса и приоритетного функционального набора*. Профессиональная журналистика фактически перестает быть главным коммуникатором публичной сферы, уравниваясь статусом производителя и поставщика информации с квазижурналистикой пользователей социальных сетей, самым авторитетным интерпретатором действительности, субъектом формирования общественного мнения и новостной повестки дня.

2. *Структурно-функциональные трансформации редакций СМИ и журналистской профессии*. Это проявляется, в частности, в редакционных субституциях, в универсализации функций журналистов, в использовании технических заменителей (как выразился Кен Доктор: «Нет больше спора, кто важнее: человек или машина. Используйте технологии»²). Современные редакции отходят от профессионально-должностной иерархии, исследователи констатируют, в частности, отход от единоличной диктатуры редактора, при этом он полностью, вплоть до принятия окончательных решений, делегирует свои полномочия специализированным менеджерам и отдельным исполнителям (арт-директор, руководитель службы продвижения, инфографика). Сегодня формируется журналистика, которая из исключительно творческой профессии превращается в технологическую. Работа с текстом уходит на периферию, и перед журналистом встают в качестве первоочередных организационно-технологические задачи: решать менеджерские вопросы, заниматься привлечением аудитории и партнеров и т. д.

3. Изменение *структуры и способов дистрибуции журналистской продукции*. «В отличие от классических медиа (от печати до телевидения), которые полностью занимают собой “канал связи с читателем”, интернет-издания... конкурируют за внимание с другими программами, установленными на устройствах пользователя... За интерес человека одновременно борются уведомления от мессенджеров, социальных сетей, почтовых клиентов» [Паранько, 2016]. В итоге тот или иной журналистский материал (как, отметим, и реклама), принудительно поставляется (навязывается) потребителю по сложным, пересекающимся и разветвляющимся каналам: доставка по соцсетям, лентам подписки, посредством попадания в подборки агрегаторов или пересказа и дискуссии в соцсетях и блогосфере (вирусный редактор). В связи с этим многие авторы говорят о напряженности, которая возникает, «когда новости появляются бесчисленным множеством способов и форм за пределами институциональной логики традиционной журналистики» [Melladoa, Hermida, 2021]. При этом деструктурируется как целостная, выборочная и целенаправленная ментальная система потребления журналистского продукта аудиторией, так и сама традиционная модель журналистского издания

² Кен Доктор: «Newsonomics: 12 новых трендов, которые изменят новости». URL: <http://www.michelino.ru/2015/04/newsonomics-12.html> (дата обращения 23.10.2021).

с определенной концепцией, миссией и форматом, рассчитанная на более или менее постоянную и заинтересованную аудиторию.

4. *Диверсификация «упаковки» контента* – для актуального сайта, в подкастах, лонгридах, в соцсетях и мессенджерах, в ссылках на персональные блоги и каналы своих журналистов – посредством трансмедийной трансформации контента при переходе между различными медиаплатформами [Jenkins, 2011]. Налицо активное соединение различных видов текстовой, графической, речевой, музыкальной, видео-, фотоинформации и разнообразие способов их извлечения (мультимедиа). В результате возможно получение вполне органичного и цельного материала, но это далеко не всегда является искомой целью. Напротив, чаще создатели мультимедийного продукта намеренно стремятся хаотизировать его, сломать естественно возникающую структуру, так как это позволяет использовать данный продукт в различных манипулятивных практиках.

5. *Коммуникативная инверсия в пространстве медиатекстов*. Это выражается в стирании границ между качественной профессиональной журналистикой и так называемой гражданской (во втором из двух известных смыслов этого понятия: массив информационных продуктов, произведенных и распространяемых аудиторией – в социальных сетях, блогах, ЖЖ, комментариях). «Платформы социальных сетей работают как пространства, которые пересекают... и разрушают границы журналистских ролей» [Melladoa, Hermida, 2021]. По заключению Кена Доктора, «мир медиа теперь – профессионально-любительский! Больше нет правила: “мы издаем – вы читаете”. Теперь аудитория дискутирует со СМИ и сама создает контент»³. В постоянно разрастающуюся динамическую «ризому» попадает продукция как абсолютно неграмотных, непрофессиональных и социально незначимых авторов («хомячков»), так и блоги профессиональных журналистов, политиков, видных и социально значимых общественных деятелей, изменяя статус и роли коммуникатора общественного дискурса, которыми обладали только СМИ.

6. *«Размывание» конфигурации и смысловой структуры традиционного медийного текста* – новости, статьи, репортажи и проч. Этот процесс происходит на двух уровнях. Во-первых, на уровне первичного создания журналистского текста, который сегодня предстает как *гипертекст*, содержащий в себе целый ряд гиперссылок; при этом многие авторы интерпретируют доминирование гипертекстов именно как проявление постструктуралистского подхода в журналистике. Но еще показательнее наличие второго уровня, когда первичный текст в цифровой среде в процессе его транслирования обрывает за счет «квантов» информации, поступающих «...от неограниченного числа самых различных корреспондентов и зачастую лишенных структуры и достоверности» [Самарцев, 2020, с. 9]. Современные технологии позволяют «элегантно, в режиме “on line” изменить текст, поскольку оперативное управление контентом становится современным *credo* и даже не требует высокой квалификации [Там же, с. 18]. В итоге исходный материал – возможно, вполне цельный и композиционно выстроенный – превращается в некую постоянно и произвольно разрастающуюся информационную ризому.

7. *Отступление от профессиональных этических кодексов журналистики* – прежде всего, от принципов объективности, достоверности и соответствующих им методов проверки фактов, отделения фактов от мнений и т. п. Как подчеркивает Б. Н. Киршин, цифровые технологии «обрушили последний рубеж объективной журналистики» [2020, с. 148]. Второй, еще более явной тенденцией является отступление от языковых норм и языковой культуры; третьей – отказ от традиционной информационно-просветительской миссии журналистики в целом, которая включает социальную ответственность за производимый журналистом материал. Ф. Карслен и Б. Утре-Арн в результате проведенного ими социологического опроса отмечают: «Во время интервью мы спрашивали наших информаторов, считают ли они, что цифровые медиа угрожают любым нормам или ценностям. Ответы были

³ Кен Доктор: «Newsonomics: 12 новых трендов, которые изменят новости». URL: <http://www.michelino.ru/2015/04/newsonomics-12.html> (дата обращения 23.10.2021).

положительными и включали снижение уровня знаний, разрушение естественных социальных иерархий...» [Karlsen, Ytre-Arne, 2021].

В то же время некоторые, хотя и немногочисленные, исследователи придерживаются другой точки зрения. Так, К. Р. Нигматуллина, задаваясь вопросом, что именно цифровая трансформация привнесла в профессиональные стандарты, утверждает: «Если за точку отсчета брать классическую модель западных ценностей журналистики – общественное служение, объективность, автономность, оперативность, этику, то в цифровых границах эти ценности могут приобретать дополнительный контекст – служение обществу с учетом его цифровых прав и свобод, объективность через призму прозрачности позиций... автономность как независимость от регуляторов цифрового рынка и монополистов... цифровая этика, включающая не только ее гуманитарное, но и машинное измерение» [2020, с. 129]. Но здесь следует подчеркнуть, что все перечисленные новые измерения традиционных норм пока остаются лишь благими пожеланиями. Тем более, что сама К. Р. Нигматуллина признает: «Еще одно недавнее американское исследование продемонстрировало поколенческую разницу в восприятии профессиональных норм и стандартов. Закономерно выяснилось, что для опытных журналистов нормы важны, а для молодых специалистов важнее личный успех» [Там же, с. 131].

Заключение

Все вышеотмеченные тенденции, на наш взгляд, позволяют заключить, что профессиональная журналистика, перейдя в цифровую область, – т. е. став IT-журналистикой, – хотя и не исчезает полностью, но подвергается непрерывной деструктуризации и трансформации во всех аспектах: и как социальный институт, и как достаточно четко очерченная сфера социокультурной действительности, и как профессиональная деятельность с определенными стандартами качества и этическими принципами. Сегодня системы IT-журналистики стали неустойчивыми, с рассыпающимися и соединяющимися в новых непредсказуемых конфигурациях элементами, предполагающими выход за стандартные и нормативные системы, элиминацию одних элементов и инкорпорирование других, сущностных и содержательных перерождениях элементов структуры. Журналистика «галактики Интернет» коллаборационна с аудиторией; в ней размыты границы между должностными обязанностями и ролями в журналистской деятельности, между фактом и мнением, эмоциями и доказательствами, с легко пересекаемой линией этически допустимого.

Многие исследователи (в том числе авторы этой статьи [Семилет и др., 2020]) анализируют данные процессы с точки зрения социокультурных следствий, отмечая целый ряд негативных тенденций, связанных с растущим доминированием постструктуралистской модели журналистики: легитимизацию феномена «постправды», вытеснение базовых функций журналистики дисфункциями («постжурналистика») и т. п. «...Постмодернистский скепсис в отношении рациональности и основанного на ней поиска истины, подавление когнитивной функции журналистики превращают массмедиа в кривое зеркало действительности... формирующее аполитичных, потребительски ориентированных пассивных реципиентов медийной информации» [Короченский, 2019, с. 21].

Кроме того, общеизвестны исследования по влиянию современного хаотичного, динамически-«ризомного» медиапространства на психику и когнитивные функции человека. Так, Ф. Карслен и Б. Утре-Арн, выявляя это влияние в сфере профессий, которые предполагают работу в информационном поле, но требуют сосредоточенности и концентрации внимания, отмечают, что люди здесь постоянно сталкиваются с «угрозой вторжения медиа», нарушающей ритм работы и сосредоточенность. В качестве одного из путей решения данной проблемы они видят развитие программ цифровой детоксикации, которые помогают взять цифровые технологии под контроль и вернуться к самоуправлению собственным, «легко отвлекаемым человеческим мозгом, демонстрируя, что отключение также является частью нашего отношения к технологиям» [Karlsen, Ytre-Arne, 2021].

В то же время можно, по-видимому, утверждать, что в ряде аспектов постструктуралистская трансформация традиционной модели журналистики необратима и, более того, обогатила журналистскую коммуникативную практику, предоставляя аудитории практически неограниченный и моментальный доступ к огромной сети информации; предельно расширив пространство выбора, облегчив поиск требуемого и т. д. Проблема, как и всегда, заключается в том, чтобы найти адекватные и работающие механизмы контроля над негативными следствиями.

Возможно, одним из таких механизмов стало бы целенаправленное сохранение – усилиями как самого журналистского сообщества, так и властных структур – исходного института журналистики в его базовых основаниях, но с учетом новых тенденций и возможностей. «Я утверждаю, что институт журналистики всё еще остается, несмотря на эклектичную среду, даже если его структуру не всегда легко обнаружить. Мы должны сформулировать более четкие вопросы относительно того, как различные “сборки” могут поддерживать институциональную согласованность и устойчивость. Несмотря, как уже сказано, на хаотичную гибридную среду, всё же существуют социологические закономерности формирования и поддержания институтов, и их следует не только глубже изучить, но и целенаправленно поддерживать» [Reese, 2021]. Таким образом, мы можем получить на выходе вполне жизнеспособную и успешно функционирующую «гибридную медийную систему, в которой остается институциональное ядро, которое впитывает новые практики и защищает от угроз для стабильности» [Ibid.].

Список литературы

- Вартанова Е. Л.** Развивая понимание медиа: от технологий к социальному пространству // Медиаальманах. 2020. № 5. С. 12–24.
- Виртуальная экономика и сюрреалистическое бытие. Россия. Порог XXI века. Экономика. М.: ИНФРА-М, 2000. 592 с.
- Гильмутдинова Н. А.** К вопросу о ризоматичности Интернета // In Memoriam: Георгий Федорович Миронов. Сборник памяти Г. Ф. Миронова. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. техн. ун-та, 2019. С. 157–164.
- Жолудь Р. В.** «Эра постправды» в западной журналистике: причины и последствия // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 117–124.
- Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016. Путеводитель по журналистике в окружении новых медиа / Под ред. С. Балмаевой, М. Лукиной. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. URL: <http://newmedia2016.digital-books.ru/> (дата обращения 20.10.2021).
- Киришин Б. Н.** Концепция объективной журналистики в новых медиаусловиях // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 1 (35). С. 147–150. DOI 10.24411/2070-0695-2020-10119
- Ковалев Д. А.** Постиндустриальное общество и виртуализация экономики в развитых странах // Проблемы современной экономики. 2004. № 4 (12). С. 59–61.
- Короченский А. П.** Постжурналистика как рыночный эрзац журналистики // Век информации. 2019. Т. 7, № 2. С. 18–26.
- Краснов А. С., Волчкова О. О., Биккинин А. М.** Нищета философии постмодерна // Грамота. 2017. № 1 (75). С. 130–132.
- Кузнецова А.** Динамическая живопись – искусство XXI века // LiveInternet. 2011. URL: <https://www.liveinternet.ru/community/1726655/post158030906/> (дата обращения 23.10.2021).
- Млечко А. В., Шамаев И. В., Диденко О. Н., Козлова О. А.** Публичная сфера, виртуализация, ризома: коммуникативные практики социальных медиа Рунета // Logos et Praxis. 2018. Т. 17, № 4. С. 18–29.

- Невлютов М.** Башня и лабиринт // Параметрическая архитектура. 2020. URL: http://papardes.blogspot.com/2013/04/blog-post_8885.html (дата обращения 10.10.2021).
- Нигматуллина К. Р.** Дискурсивность понимания профессионализма в современной журналистике // Вестник Перм. ун-та. Серия: Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 127–139.
- Паранько С.** Инструментарий и навыки журналиста // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016. Путеводитель по журналистике в окружении новых медиа / Под ред. С. Балмаевой, М. Лукиной. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. URL: <http://newmedia2016.digital-books.ru/> (дата обращения 20.10.2021).
- Самарцев О. Р.** Цифровая реальность: Журналистика информационной эпохи: факторы трансформации, проблемы и перспективы. М.: Издательские решения, 2020. 120 с.
- Семенов Е. Е.** Виртуальная сетевая парадигма политической активности // Власть. 2015. № 21 (4). С. 34–38.
- Семилет Т. А., Фотиева И. В., Иванов А. В.** Ситуация постсовременности в медиакommunikации: прогнозы и реальность // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 6: Журналистика. С. 200–211. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-200-211
- Филь М. С.** Социальные сети. Новые технологии управления миром. М.: Синергия, 2016. 240 с.
- Castells M.** The Information Age: Economy, Society and Culture, vol. 1: The Rise of the Network Society. Cambridge, Oxford, Blackwell, 1996, 625 p.
- Gutsche R. E.** Critical Theory and Being Critical: Connections and Contradictions. *Media and Communication*, 2021, vol. 9, no. 2, pp. 86–87.
- Jenkins H.** Transmedia 202: Further Reflections. *Confessions of an Aca-Fan*, 2011. URL: http://henryjenkins.org/2011/08/defining_transmedia_further_re.html#sthash.Yii3z5Vb.dpuf (accessed 20.10.2021).
- Karlsen F., Ytre-Arne D.** Intrusive media and knowledge work: how knowledge workers negotiate digital media norms in the pursuit of focused work. *Information, Communication & Society*, 2021. DOI 10.1080/1369118X.2021.1933561
- Manovich L.** New Media from Borges to HTML. In: The New Media Reader. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 2003, pp. 13–25.
- Melladoa C., Hermida A.** A Conceptual Framework for Journalistic Identity on Social Media: How the Personal and Professional Contribute to Power and Profit. *Digital Journalism*, 2021. URL: <https://en.x-mol.com/paper/article/1390058896568115200> (accessed 12.09.2021).
- Neuman R.** The Future of the Mass Audience. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1991, 196 p.
- Reese St. D.** The Institution of Journalism: Conceptualizing the Press in a Hybrid Media System. *Digital Journalism*, 2021. DOI 10.1080/21670811.2021.1977669
- Venturi Mr.** Complexity and Contradiction in Architecture. *Perspecta*, 1965, vol. 9, pp. 17–56.
- Wilson A.** Virtual Politics. Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven, Yale, Uni. Press, 2005, 332 p.

References

- Balmaeva S., Lukina M.** (eds.). Kak novye media izmenili zhurnalistiku. 2012–2016. Putevoditel' po zhurnalistike v okruzhении novykh media [How New Media Have Changed Journalism. 2012–2016. A Guide to Journalism Surrounded by New Media]. URL: <http://newmedia2016.digital-books.ru/> (accessed 20.10.2021). (in Russ.)
- Castells M.** The Information Age: Economy, Society and Culture, vol. 1: The Rise of the Network Society. Cambridge, Oxford, Blackwell, 1996, 625 p.
- Fil M. S.** Sotsial'nye seti. Novye tekhnologii upravleniya mirom [Social Networks. New Technologies for Ruling the World]. Moscow, Sinergiya Publ., 2016, 240 p. (in Russ.)

- Gilmutdinova N. A.** K voprosu o rizomatichnosti interneta [On the Issue of the Rhizomaticity of the Internet]. In: *Memoriam: Georgii Fedorovich Mironov. Sbornik pamyati G. F. Mironova* [In Memoriam: Georgy Fedorovich Mironov. Collection in Memory of G. F. Mironov]. Ulyanovsk, USTU Press, 2019, pp. 157–164. (in Russ.)
- Gutsche R. E.** Critical Theory and Being Critical: Connections and Contradictions. *Media and Communication*, 2021, vol. 9, no. 2, pp. 86–87.
- Jenkins H.** Transmedia 202: Further Reflections. *Confessions of an Aca-Fan*, 2011. URL: http://henryjenkins.org/2011/08/defining_transmedia_further_re.html#sthash.Yii3z5Vb.dpuf (accessed 20.10.2021).
- Karlsen F., Ytre-Arne D.** Intrusive media and knowledge work: how knowledge workers negotiate digital media norms in the pursuit of focused work. *Information, Communication & Society*, 2021. DOI 10.1080/1369118X.2021.1933561
- Kirshin B. N.** Kontseptsiya ob'ektivnoi zhurnalistiki v novykh mediausloviyakh [Concept of objective journalism in the new media conditions]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign. Problematic field of media education], 2020, no. 1 (35), pp. 147–150. (in Russ.) DOI 10.24411/2070-0695-2020-10119
- Korochensky A. P.** Postzhurnalistika kak rynochnyi erzac zhurnalistiki [Postjournalism as a Market Ersatz of Journalism]. *Vek informatsii* [Information Age], 2019, vol. 7, no. 2, pp. 18–26. (in Russ.)
- Kovalev D. A.** Postindustrial'noe obshchestvo i virtualizatsiya ekonomiki v razvitykh stranah [Post-Industrial Society and Virtualization of the Economy in Developed Countries]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of the Modern Economy], 2004, no. 4 (12), pp. 59–61. (in Russ.)
- Krasnov A. S., Volchkova O. O., Bikinin A. M.** Nishcheta filosofii postmoderna [The Poverty of Postmodern Philosophy]. *Gramota* [Gramota], 2017, no. 1 (75), pp. 130–132. (in Russ.)
- Kuznetsova A.** Dinamicheskaya zhivopis' – iskusstvo XXI veka [Dynamic Painting – Art of the 21st Century]. *LiveInternet*, 2011. (in Russ.) URL: <https://www.liveinternet.ru/community/1726655/post158030906/> (accessed 23.10.2021).
- Manovich L.** New Media from Borges to HTML. In: *The New Media Reader*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 2003, pp. 13–25.
- Melladoa C., Hermida A.** A Conceptual Framework for Journalistic Identity on Social Media: How the Personal and Professional Contribute to Power and Profit. *Digital Journalism*, 2021. URL: <https://en.x-mol.com/paper/article/1390058896568115200> (accessed 12.09.2021).
- Mlechko A. V., Shamaev I. V., Didenko O. N., Kozlova O. A.** Publichnaya sfera, virtualizatsiya, rizoma: kommunikativnye praktiki sotsial'nykh media Runeta [Public Sphere, Virtualization, Rhizome: Communicative Practices of Runet Social Media]. *Logos et Praxis*, 2018, vol. 17, no. 4, pp. 18–29. (in Russ.)
- Nevlyutov M.** Bashnya i labirint [Tower and Labyrinth]. *Parametricheskaya arhitektura* [Parametric Architecture]. 2020. (in Russ.) URL: http://papardes.blogspot.com/2013/04/blog-post_8885.html (accessed 10.10.2021).
- Neuman R.** The Future of the Mass Audience. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1991, 196 p.
- Nigmatullina K. R.** Diskursivnost' ponimaniya professionalizma v sovremennoj zhurnalistike [Discourse on Professionalism in Modern Journalism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, iss. 1, pp. 127–139. (in Russ.)
- Paranko S.** Instrumentarii i navyki zhurnalista [Journalism Toolkit and Skills]. In: Balmaeva S., Lukina M. (eds.). *Kak novye media izmenili zhurnalistiku. 2012–2016. Putevoditel' po zhurnalistike v okruzenii novykh media* [How New Media Have Changed Journalism. 2012–2016. A Guide to Journalism Surrounded by New Media]. URL: <http://newmedia2016.digital-books.ru/> (accessed 20.10.2021). (in Russ.)

- Reese St. D.** The Institution of Journalism: Conceptualizing the Press in a Hybrid Media System. *Digital Journalism*, 2021. DOI 10.1080/21670811.2021.1977669
- Samartsev O. R.** Tsifrovaya real'nost': Zhurnalistika informacionnoi epohi: faktory transformatsii, problemy i perspektivy [Digital Reality: Journalism of the Information Age: Transformation Factors, Challenges and Prospects]. Moscow, Izdatel'skie resheniya, 2020, 120 p. (in Russ.)
- Semenov E. E.** Virtual'naya setevaya paradigma politicheskoi aktivnosti [Virtual Network Paradigm of Political Activity]. *Vlast'* [The Authority], 2015, no. 21 (4), pp. 34–38. (in Russ.)
- Semilet T. A., Fotieva I. V., Ivanov A. V.** Post-Modern Situation in Media Communication: Forecasts and Reality. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 6: Journalism, pp. 200–211. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-200-211
- Vartanova E. L.** Razvivaya ponimanie media: ot tekhnologii k sotsial'nomu prostranstvu [Developing an Understanding of Media: From Technology to Social Space]. *Mediaal'manakh [Media Almanac]*, 2020, no. 5, pp. 12–24. (in Russ.)
- Virtual'naya ekonomika i syurrealisticheskoe bytie. Rossiya. Porog XXI veka. Ekonomika [Virtual Economy and Surreal life. Russia. The Threshold of the 21st century. Economy]. Moscow, INFRA-M, 2000, 592 p. (in Russ.)
- Venturi Mr.** Complexity and Contradiction in Architecture. *Perspecta*, 1965, vol. 9, pp. 17–56.
- Wilson A.** Virtual Politics. Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven, Yale, Uni. Press, 2005, 332 p.
- Zholud R. V.** “Era postpravdy” v zapadnoi zhurnalistike: prichiny i posledstviya [The Post-Truth Era in Western Journalism: Causes and Consequences]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2018, no. 3, pp. 117–124. (in Russ.)

Информация об авторах

Тамара Алексеевна Семилет, доктор философских наук
Ирина Валерьевна Фотиева, доктор философских наук

Information about the Authors

Tamara A. Semilet, Doctor of Sciences (Philosophy)
Irina V. Fotieva, Doctor of Sciences (Philosophy)

Статья поступила в редакцию 31.01.2022;
одобрена после рецензирования 03.02.2022; принята к публикации 13.02.2022
The article was submitted 31.01.2022;
approved after reviewing 03.02.2022; accepted for publication 13.02.2022

Научная статья

УДК 070

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-50-58

Лидеры научных коммуникаций сквозь призму премии «Коммуникационная лаборатория» АКСОН

Елена Александровна Сидорова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

krasivaya_tv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0584-66681>

Аннотация

Рассматривается премия «Коммуникационная лаборатория» АКСОН как площадка для дискуссий и обмена опытом научных коммуникаторов. Экспертное интервью с организатором премии позволило понять принципы, на которых она создавалась, а анализ победителей премии за все годы ее существования – охарактеризовать организации, которые заявили себя как наиболее серьезные участники этой сферы деятельности. Появление премии «Коммуникационная лаборатория» сыграло огромную роль в процессе формирования профессионального сообщества коммуникаторов. Можно утверждать, что премия стала важным аспектом институционализации, формирующим рамки профессии «научного коммуникатора», информационное поле для этой сферы, и начала формировать систему знаний о проектах и практиках, которые могут рассматриваться в этой области как образцовые.

Ключевые слова

научная коммуникация, премия «Коммуникационная лаборатория», АКСОН, научный коммуникатор, популяризация науки, научный пиар, имидж науки

Для цитирования

Сидорова Е. А. Лидеры научных коммуникаций сквозь призму премии «Коммуникационная лаборатория» АКСОН // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 50–58. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-50-58

Leaders in Science Communications through the Prism of the AKSON Communications Laboratory Award

Elena A. Sidorova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

krasivaya_tv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0584-66681>

Abstract

The article considers the AKSON Communications Laboratory award as a platform for discussions and exchange of experience between scientific communicators. An expert interview with the organizer enables the author to understand the principles that underlie the award, and an analysis of the list of award winners over the years of its existence helps to characterize the organizations that have declared themselves the most competitive participants in this field of activity. The article outlines the structure of the award and gives an impression about the degree of involvement in its competition of leading Russian universities along with research institutes and other scientific and educational organizations. This makes it possible to assess the state of the scientific communication industry in Russia and to identify the

© Сидорова Е. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 50–58

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 50–58

best results of the application of communication methods. In general, the establishment of the AKSON Communications Laboratory award played a huge role in the formation of the professional community of communicators. It can be argued that the award has become an important aspect of institutionalization, forming the framework of the profession of “scientific communicator”, the information field for this area, and a system of knowledge about projects and practices that can be considered exemplary for this area.

Keywords

scientific communication, AKSON Communications Laboratory award, project 5-100, communication practices, science journalist, communicator, popularization of science, science PR, image of science

For citation

Sidorova E. A. Leaders in Science Communications through the Prism of the AKSON Communications Laboratory Award. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 50–58. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-50-58

В последнее десятилетие отмечаются принципиальные изменения во взаимодействии науки и общества, проникновение медиатизации и медийной культуры в академическое сообщество [Фаустов, 2019, с. 138]. Публикация результатов исследований для широкой аудитории становится требованием к научным проектам и организациям со стороны государства, грантовых фондов. Возникает осознание, что необходимо развивать и поощрять интерес к науке в общественном сознании и диалогичность акторов научной коммуникации: академического сообщества и «простых граждан». По сути, сегодня именно это обеспечивает развитие и определяет ключевые тенденции в сфере научных коммуникаций.

Понятие «научная коммуникация» толкуется двояко: communication in science, или коммуникация в науке (см., например, [Замощанский и др., 2016; Сайко, 2015; Савченко, 2017]), и science communication, или научная коммуникация (см., например, [Медведева, 2014а; Астахова, 2013]). Для концептуального понимания расхождения этих понятий используются выражения «внутренняя» и «внешняя» коммуникация [Шиповалова, 2019]. Следуя логике коммуникативного поворота в социально-гуманитарных дисциплинах, в соответствии с концепцией С. Хилгарднера, процессы взаимодействия в научном сообществе также происходят с помощью метафоры восходящего (профессиональное научное общение) и нисходящего (новости исследований, отчеты для политиков) потоков [Астахова, 2013, с. 181].

В данной работе мы придерживаемся видения, что научные коммуникации – это всё-таки не о наукометрии и не о коммуникации в академической среде, а об освещении достижений науки, которое запускает демократические процессы, необходимые для продвижения рациональных научных идей. В публикации «Science Communication: A Contemporary Definition» Т. Бёрнс говорит о том, что термин «научная коммуникация» можно использовать как синоним для общественного понимания науки, научной культуры или научной грамотности [Burns et al., 2003, p. 183]. Примерно такое же видение отражено в трудах теоретиков и практиков в области научной коммуникации: А. Г. Ваганова [2007], О. В. Бойченко [2012], С. М. Медведевой [2014б], Т. Бёрнса [Burns et al., 2003], М. Букки и Б. Тренча [2018], Р. М. Качалова и др. [Качалов и др., 2017; Качалов, Слепцова, 2018], М. А. Косякова и Т. Т. Шайдулиной [2016].

Площадки для дискуссий и обмена опытом позволяют увидеть современные трансформации, в том числе необходимость обновления методологических основ изучения научной коммуникации как социального института науки. Заметно противостояние двух эпистемологических культур в научной коммуникации: гражданской (использующей классический подход, включающий научно-популярные лекции, публикации в специализированных журналах) и фан-науки (ток-шоу, ивент-мероприятия, развлекательные приложения), которое продолжает нарастать. «Новые медиа создали спрос на “хипстерскую” науку, интегрированную в программные платформы для смартфонов и “нарезанную” небольшими порциями в формате увлекательных видеороликов. Быть ученым сегодня – это модно, это значит работать в хакерском пространстве и выкладывать фотографии лабораторных экспериментов и оборудования в Instagram» [Абрамов, Кожанов, 2015, с. 47].

Развитие сферы научной коммуникации неотделимо от появления соревновательных платформ, отражающих реальное положение дел и берущих на себя необходимую функцию по объединению коммуникаторов.

Одной из таких площадок можно назвать премию «Коммуникационная лаборатория» Ассоциации коммуникаторов в сфере образования и науки (АКСОН), созданную при содействии Российской венчурной компании (РВК) в 2017 г. Исследуя причины и факторы, детерминирующие появление стартапов и развитие среды для успешного трансфера технологий, специалисты РВК в свое время пришли к выводу, что научным разработкам и инновациям необходима информационная открытость. По мнению Евгения Кузнецова, члена Правления ОАО «РВК» с 2014 по 2017 г., репутационный капитал, с которым работают специалисты в области коммуникаций, легко конвертируется в эффективное сотрудничество изобретателей с представителями экономического сектора. Функционируя как нематериальная привилегия, он является тем самым базовым инструментом, которым управляют современные корпоративные университетские коммуникации¹.

В 2016 г. РВК совместно с АКСОН было проведено исследование, посвященное оценке состояния отрасли научной коммуникации и выявлению лучших результатов применения коммуникационных методик². Итогом эксперимента стало появление премии «Коммуникационная лаборатория» АКСОН, которая продемонстрировала различие ключевых показателей эффективности рабочих процессов, организуемых коммуникаторами, и их готовность повышать свой уровень.

В экспертном интервью исполнительного директора АКСОН, кандидата химических наук, академического руководителя магистратуры по научной коммуникации НИУ ИТМО Александры Борисовой-Сале, которое мы взяли в апреле 2021 г., приводятся принципы, на которые ориентировались организаторы.

1. Формирование большого жюри участников, включающего сильных претендентов на победу (50 % – в первом туре, 75 % – во втором туре).

2. Подбор представительного экспертного жюри, включающего в себя научных журналистов, сотрудничающих с большинством федеральных экспертных редакций, высокоцитируемых медийных ученых, сотрудников государственных структур, вовлеченных в коммуникационную деятельность, пиар-специалистов высокотехнологичных корпораций, представителей научно-популярного ивента, коммуникаторов – победителей прошлых лет. Эксперты представляют разные регионы, имеют различную профессиональную спецификацию и индивидуальные взгляды на коммуникационные стратегии.

3. Вдумчивая работа оргкомитета, включающая в себя составление компактных, но при этом информативных анкет, качественная обработка входящей информации и технический отсев заявок, не соответствующих единому стандарту.

4. Прозрачная методология, исключающая случайные результаты, элемент случайности и фактор субъективности. К положительным характеристикам данной методики также можно отнести отсутствие смещения оценочного баланса в сторону публикационной активности в ущерб практическим достижениям. Используемая технология адаптирована для премии специалистами в области эконометрии и включает в себя два тура рангового голосования от 1 до 5.

Существенную роль в поддержании высокого уровня экспертности проводимого конкурса играет качество жюри³. В его первый экспертный состав вошли: 6 представителей науки, которые одновременно являлись научными популяризаторами и авторами книг об исследовательской деятельности для широкой аудитории, среди которых присутствовали молеку-

¹ https://www.rvc.ru/upload/iblock/9ae/scientific_formula_PR.pdf (дата обращения 07.08.2021).

² https://www.rvc.ru/upload/iblock/0b3/201605_dynamics_of_scientific_communication.pdf (дата обращения 07.08.2021).

³ <https://akson.science/projects/project-archive/jekspertnyj-sovet-premii-kommunikacionnaja-laboratorija-2017/> (дата обращения 07.08.2021).

лярный биолог, кристаллограф, физик, биотехнолог, морской биолог, астроном; 17 редакторов российских научных изданий, научных обозревателей, корреспондентов известнейших российских СМИ, подробно занимающихся научной проблематикой; научный блогер; основатель некоммерческого научного волонтерского проекта.

В последующие годы к оценке коммуникационных проектов присоединились победители прошлых лет, представители научно-популярного ивента, специалисты в области научного пиара.

Говоря о применяемой методологии, следует упомянуть о подходе, который лег в основу премии «Коммуникационная лаборатория» АКСОН. С разрешения авторов элементы данного подхода были заимствованы из другого конкурса – Всероссийской премии «За верность науке». Речь идет о системе голосования, исключающей субъективную оценку отдельных членов жюри при присвоении итогового балльного статуса.

Данная методика позволяет исследовать коммуникационную активность научных и научно-образовательных организаций на основе анализа информации из открытых источников и включает в себя метрики, каждой из которых присвоено определенное количество баллов: позиционирование пресс-службы на сайте, количество научных новостей и частота их обновления, присутствие организации в социальных сетях, цитируемость публикаций в российских СМИ, англоязычная версия сайта. Таким образом, данная технология моделирует реальную ситуацию поиска информации научным журналистом.

Из заявок на участие формируется лонг-лист. Необходимо отметить, что с 2019 г. сведения об организациях, попавших в лонг-лист, не являются публичными. Данное решение было принято оргкомитетом премии для исключения возможности негативной репутационной оценки той команды, чьи кейсы оказались слабее и не прошли в шорт-лист. После определения шорт-листа экспертный совет премии двухступенчатым голосованием выбирает организации с наиболее успешными коммуникационными проектами.

В первом туре происходит голосование по трем тематическим номинациям. В «Малый Гран-при» и «Гран-при» участники номинируются по их сумме. Это те номинации, в которые нельзя заявиться. Жюри определяет победителей по результатам рассмотрения их проектов в других номинациях. Победители «Малого Гран-при» и «Гран-при» не могут повторно участвовать в конкурсе в течение пяти лет. Такая позиция организаторов способствует ежегодному обновлению состава претендентов, что положительно сказывается на конкурсном портфолио. Так, по результатам 2020 г., несмотря на отсутствие призового фонда, на участие в конкурсе подали заявки около 300 организаций.

Для премии были разработаны пять номинаций⁴. Их количество, применяемые методы оценивания и порядок присуждения премии не меняются. Ежегодно мониторится и анализируется обратная связь от участников, что позволяет не только избегать организационных ошибок при проведении мероприятия в дальнейшем, но и учитывать пожелания по его совершенствованию.

Чтобы понять, как менялись лидеры и практики научных коммуникаций России, мы проанализировали шорт-листы и проекты победителей с 2017 по 2021 г. (см. таблицу).

1. Ряд организаций можно отнести к безусловным лидерам научных коммуникаций в нашей стране, поскольку они становились победителями в различных номинациях неоднократно. НИУ «Высшая школа экономики» трижды завоевывала первое место в номинациях «Эксперимент» (2017–2018 гг.) и Гран-при «Коммуникационная лаборатория» (2019 г.) за успешно реализованные коммуникативные практики в неэкспертной среде, среди которых можно отметить совместный лекционный проект с Еврейским музеем и Центром толерантности «Сампрус». Университет ИТМО дважды становился победителем в номинациях «Сверхтекучесть» (2017 г.) и получил Гран-при «Коммуникационная лаборатория» (2018 г.)

⁴ <https://akson.science/project-list/commlab-landing-2020/#about> (дата обращения 07.08.2021).

Обладатели премии «Коммуникационная лаборатория» AKSON (2017–2021)
Winners of the “Communication Laboratory” award AKSON (2017–2021)

Год	Номинация					Общее количество работ	
	«Гран-при»	«Эврика! Малый Гран-при»	«Сверхтекучесть»	«Эффект присутствия»	«Эксперимент»	лонг-лист	шорт-лист
2017	Московский физико-технический институт	Институт биогоранической химии РАН / Институт космических исследований РАН	Университет ИТМО	Институт проблем передачи информации РАН	НИУ «Высшая школа экономики»	197	16
2018	Университет ИТМО	Российский научный фонд	НИТУ «МИСиС»	Сибирское отделение РАН	НИУ «Высшая школа экономики»	161	18
2019	НИУ «Высшая школа экономики»	Красноярский научный центр СО РАН	Сибирское отделение РАН	МГУ имени М. В. Ломоносова	Карельский научный центр РАН	нет данных	15
2020	НИТУ «МИСиС»	Иркутский планетарий	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева	Институт прикладной физики РАН	нет данных	15
2021	Томский государственный университет	Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева	Сибирское отделение РАН	Сколтех	Томский политехнический университет	нет данных	15

за организацию многочисленных научных фестивалей и кампаний по продвижению имиджа науки для школьников, в том числе в соцсетях. НИТУ «МИСиС» дважды завоевывал первое место в номинациях «Сверхтекучесть» (2018 г.) и Гран-при «Коммуникационная лаборатория» (2020 г.) за проведение 53-х мероприятий в рамках проекта «Бесконечная наука» в 2019 г. и продвижение имиджа ученых в СМИ. Сибирское отделение РАН трижды становилось обладателем первых мест в номинациях «Эффект присутствия» (2018 г.) и «Сверхтекучесть» (2019 и 2021 гг.) за подготовку научных материалов и включение издания СО РАН «Наука в Сибири» в число самых цитируемых СМИ по научному критерию во втором квартале 2018 и в 2020 г.

2. Среди победителей в различных номинациях больше всего университетов. Они становились победителями четырнадцать раз с 2017 по 2021 г. Это НИУ ВШЭ, НИУ ИТМО, МФТИ (г. Долгопрудный), НИТУ «МИСиС», НИУ ИТМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, РХТУ им. Д. И. Менделеева, СПбПУ им. Петра Великого, ТГУ. Десять раз становились победителями институты и отделения РАН: Институт проблем передачи информации РАН, Институт биоорганической химии им. академиков М. М. Шемякина и Ю. А. Овчинникова РАН, Институт космических исследований РАН, Институт прикладной физики РАН, Сибирское отделение РАН (Новосибирск), Российский научный фонд, Карельский научный центр РАН, Красноярский научный центр (СО РАН). Один раз победителем стал Иркутский планетарий.

Можно предположить, что толчок к развитию коммуникативных практик в университетах дал Проект 5-100. Это единственная программа, которая определила научную коммуникацию как целевой показатель успешной деятельности вузов. Очевидно, что государственное финансирование флагманских университетов, участвующих в Проекте 5-100, позволяет реализовывать масштабные коммуникативные стратегии. Программа опорных вузов также поощряет развитие коммуникационных каналов, однако опорные университеты находятся на более слабых ресурсных позициях, что не позволяет им попасть в топ-лист участников. Тем не менее наблюдается устойчивая инициативность и этой группы номинантов, ежегодно представляющих экспертному жюри коммуникационные кейсы.

3. Подают заявку на участие в конкурсе исключительно представители государственных научных организаций. Инициативы по включению в заявочный список представителей бизнес-сектора не нашли поддержки у организаторов конкурса в связи с разницей имеющихся ресурсов, а следовательно, с неравными возможностями участия в конкурсе для остальных номинантов. Это понимание возникло в результате анализа проектов и подтвердилось в ходе экспертного интервью. Вообще, надо отметить бережное отношение организаторов премии к участникам, в частности отказ от обнародования списка тех, кто «пытался, но не смог», запрет на участие в той же номинации проектов – победителей прошлых лет.

4. Анализ шорт-листов и победителей премии с 2017 по 2021 г. показал недостаточную активность научно-исследовательских институтов. Причина может быть в нежелании рассматривать всерьез идею научной открытости в качестве одного из главных приоритетов развития научной отрасли. В этой связи актуален вопрос всесторонней поддержки и содействия конкурсу со стороны государства. Пока же формат взаимодействия с Минобрнауки России по вопросам проведения премии «Коммуникационная лаборатория» выражается в периодической информационной поддержке.

При этом необходимо отметить успешное участие в премии Российского научного фонда (РНФ), который, в свою очередь, демонстрирует понимание эффективности коммуникационного процесса, например, тем, что включает структурный стимул во внутренний документооборот сотрудников в виде указания научно-популярных публикаций в СМИ наряду с экспертными публикациями.

5. Портфолио команд, принявших участие в конкурентной борьбе и получивших высокую оценку экспертного совета, размещается на сайте премии «Коммуникационная лаборатория» АКСОН, а их идеи получают рекомендацию к масштабированию. Хочется отметить, что

практические кейсы победителей, собранные за четырехлетнюю практику, можно отнести к профессиональному методическому справочнику коммуникатора, отражающему настоящее положение научной коммуникации в России и мотивирующему на новые достижения.

Появление премии «Коммуникационная лаборатория» АКСОН сыграло огромную роль в процессе формирования профессионального сообщества коммуникаторов. Несмотря на то что премия напрямую не формирует стандарты и бенчмарки, она является механизмом, позволяющим выявить практики, которые признаны лучшими непосредственно представителями научного комьюнити на правах реер-review (экспертной оценки). Можно утверждать, что премия стала важным аспектом институционализации, формирующим рамки профессии и общее информационное поле для научных коммуникаторов.

Однако при всем многообразии достижений в результате взаимодействия коммуникаторов в конкурсной среде до сих пор существует сложность признания важности функции данных специалистов. Необходимо поддерживать стратегическую значимость научного пиара и работать над повышением статуса научного коммуникатора среди дирекций научно-исследовательских институтов. С этой точки зрения премия «Коммуникационная лаборатория» АКСОН добросовестно выполняет функцию утверждения имиджа научного коммуникатора и формирования уважения к профессии внутри научно-образовательной среды.

Список литературы

- Абрамов Р. Н., Кожанов А. А.** Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа // Социология науки и технологий. 2015. № 2. С. 45–99.
- Астахова А. С.** Публичная репрезентация профессионального сообщества: популяризация науки и общественные дебаты // Эпистемология и философия науки. 2013. № 3. С. 179–189.
- Бойченко О. В.** Современные социологические теории научной коммуникации // Вестник Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 1. С. 207–216.
- Букки М., Тренч Б.** Пособие по общественным связям в науке и технологиях / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 592 с.
- Ваганов А. Г.** Научно-популярная журналистика и престиж науки в общественном сознании // Российский химический журнал (ЖРХО им. Д. И. Менделеева), 2007. № 3. С. 86–90.
- Замошанский И. И., Конашкова А. М., Красавин И. В.** Научные коммуникации: ученый в современном обществе // Изв. Урал. федерального ун-та. Серия 3, Общественные науки. 2016. № 1 (149). С. 30–41.
- Качалов Р. М., Слепцова Ю. А.** Структурный подход к выбору коммуникационных решений стратегии маркетинга научной организации // Экономическая наука современной России. 2018. № 3 (82). С. 80–93.
- Качалов Р. М., Слепцова Ю. А., Климанова А. Р.** Формирование позитивного образа научной организации в социальном пространстве // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 3. С. 16–29.
- Косяков М. А., Шайдулина Т. Т.** Коммуникационные стратегии ведущих российских вузов // Креативная экономика. 2016. Т. 10, № 7. С. 813–828.
- Медведева С. М.** Научная коммуникация в современном мире: проблемы и перспективы // Вестник МГИМО. 2014а. № 2 (35). С. 253–255.
- Медведева С. М.** От научного творчества к популяризации науки: теоретическая модель научной коммуникации // Вестник МГИМО. 2014б. № 4 (37). С. 278–286.
- Савченко А. П.** Открытое информационное пространство научной коммуникации как фактор развития экономики знаний в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 1. С. 129–135.

- Сайко Е. А.** Научные коммуникации в России: реалии и перспективы исследования проблемы // Научная периодика: проблемы и решения. 2015. Т. 5, № 5. С. 208–212.
- Фаяустов А. В.** Обеспечение коммуникации между научным сообществом и СМИ: проблемы и пути их решения медиаслужбой федерального университета // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 3 (33). С. 138.
- Шиповалова Л. В.** Научная коммуникация и образование будущего ученого. К вопросу о преподавании истории и философии науки в вузе // Высшее образование в России. 2019. № 28 (6). С. 115–128.
- Burns T. W., O'Connor D. J., Stocklmayer S. M.** Science communication: a contemporary definition. *Public understanding of science*, 2003, no. 12, pp. 183–202.

References

- Abramov R. N., Kozhanov A. A.** Kontseptualizatsiya fenomena Popular Science: modeli vzaimodeistviya nauki, obshchestvai media [Conceptualization of the Popular Science phenomenon: models of interaction between science, society and media]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology], 2015, no. 2, pp. 45–99. (in Russ.)
- Astakhova A. S.** Publichnaya reprezentatsiya professional'nogo soobshchestva: populyarizatsiya nauki i obshchestvennye debaty [Public representation of the professional community: popularization of science and public debate]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2013, no. 3, pp. 179–189. (in Russ.)
- Boichenko O. V.** Sovremennye sotsiologicheskie teorii nauchnoi kommunikatsii [Modern sociological theories of scientific communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science], 2012, no. 1, pp. 207–216. (in Russ.)
- Bukki M., Trench B.** Posobie po obshchestvennym svyazyam v nauke i tekhnologiyah [Manual of public relations in science and technology]. Trans. from Eng. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2018, 592 p. (in Russ.)
- Burns T. W., O'Connor D. J., Stocklmayer S. M.** Science communication: a contemporary definition. *Public understanding of science*, 2003, no. 12, pp. 183–202.
- Fayustov A. V.** Obespechenie kommunikatsii mezhdu nauchnym soobshchestvom i SMI: problemy i puti ih resheniya mediasluzhboj federal'nogo universiteta [Ensuring communication between the scientific community and the media: problems and ways to solve them by the media service of the Federal University]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problematic Field of Media Education], 2019, no. 3 (33), pp. 138. (in Russ.)
- Kachalov R. M., Sleptsova Yu. A.** Strukturnyi podhod k vyboru kommunikatsionnykh reshenii strategii marketinga nauchnoi organizatsii [Structural approach to the choice of communication solutions for the marketing strategy of a scientific organization]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economic Science of Modern Russia], 2018, no. 3 (82), pp. 80–93. (in Russ.)
- Kachalov R. M., Sleptsova Yu. A., Klimanova A. R.** Formirovanie pozitivnogo obraza nauchnoi organizatsii v sotsial'nom prostranstve [Formation of a positive image of a scientific organization in the social space]. *Aktua'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual Problems of Economics and Law], 2017, vol. 11, no. 3, pp. 16–29. (in Russ.)
- Kosyakov M. A., Shaidulina T. T.** Kommunikatsionnye strategii vedushchikh rossiiskikh vuzov [Communication strategies of leading Russian universities]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], 2016, vol. 10, no. 7, pp. 813–828. (in Russ.)
- Medvedeva S. M.** Nauchnaya kommunikatsiya v sovremennom mire: problemy i perspektivy [Scientific Communication in the Modern World: Problems and Prospects]. *Vestnik MGIMO* [Bulletin of MGIMO], 2014, no. 2 (35), pp. 253–255. (in Russ.)

- Medvedeva S. M.** Ot nauchnogo tvorchestva k populyarizatsii nauki: teoreticheskaya model' nauchnoj kommunikatsii [From scientific creativity to the popularization of science: a theoretical model of scientific communication]. *Vestnik MGIMO [Bulletin of MGIMO]*, 2014, no. 4 (37), pp. 278–286. (in Russ.)
- Saiko E. A.** Nauchnye kommunikatsii v Rossii: realii i perspektivy issledovaniya problem [Scientific communications in Russia: realities and prospects for researching the problem]. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya [Scientific Periodicals: Problems and Solutions]*, 2015, vol. 5, no. 5, pp. 208–212. (in Russ.)
- Savchenko A. P.** Otkrytoe informatsionnoe prostranstvo nauchnoi kommunikatsii kak factor razvitiya ekonomiki znaniy v Rossii [Open information space of scientific communication as a factor in the development of the knowledge economy in Russia]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski [State and Municipal Administration. Scientific Notes]*, 2017, no. 1, pp. 129–135. (in Russ.)
- Shipovalova L. V.** Nauchnaya kommunikatsiya i obrazovanie budushchego uchenogo. K voprosu o prepodavanii istorii i filosofii nauki v vuze [Scientific communication and education of the future scientist. On the issue of teaching the history and philosophy of science at the university]. *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]*, 2019, no. 28 (6), pp. 115–128. (in Russ.)
- Vaganov A. G.** Nauchno-populyarnaya zhurnalistika i prestizh nauki v obshchestvennom soznanii [Popular science journalism and the prestige of science in the public mind]. *Rossiiskii khimicheskii zhurnal (ZhRHO im. D. I. Mendeleeva) [Russian Chemical Journal (ZhRHO named after D. I. Mendeleev)]*, 2007, no. 3, pp. 86–90. (in Russ.)
- Zamoshchansky I. I., Konashkova A. M., Krasavin I. V.** Nauchnye kommunikatsii: uchenyi v sovremennom obshchestve [Scientific communications: the scientist in modern society]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki [News of the Ural Federal University. Series 3, Social Sciences]*, 2016, no. 1 (149), pp. 30–41. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Александровна Сидорова, аспирант

Information about the Author

Elena A. Sidorova, Post-Graduate Student

Статья поступила в редакцию 03.02.2022;
одобрена после рецензирования 03.03.2022; принята к публикации 05.03.2022
The article was submitted 03.02.2022;
approved after reviewing 03.03.2022; accepted for publication 05.03.2022

Научная статья

УДК 070 (075.8)

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-59-68

Тренды массмедиа: применение искусственного интеллекта, машинного обучения, SEO-инструментов и дата-журналистики в контексте мирового медиаландшафта

Анна Александровна Шнайдер

Балтийская международная академия
Рига, Латвия

anshnaider@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4836-073X>

Аннотация

Статья посвящена анализу применения искусственного интеллекта, машинного обучения, больших данных, дата-журналистики, SEO-продвижения в средствах массовой информации. Автор делает небольшой экскурс в понятие «дата-журналистика», описывает существующие понятия в российской и зарубежной научной литературе. Приводятся основные временные промежутки появления дата-журналистики в США, России и Латвии. Автор рассматривает на примерах публикаций, как применяются технологии искусственного интеллекта и машинного обучения в крупных редакциях: «Forbes», «Reuters», «The Guardian» и др. Это исследование основано как на первичных, так и на вторичных источниках качественных данных, которые помогли детально рассмотреть влияние новых технологий на онлайн СМИ, понять проблемы и возможности для работы в постоянно меняющемся медиаландшафте. На основе эмпирической базы автор рассматривает применение дата-журналистики в Латвии – на примере материалов, опубликованных автором в печатном журнале «Forbes Latvija» в 2017–2019 гг. Основываясь на методах исследования и применении SEO-инструментов в написании статей на английском языке для ИТ-компаний в период с 2019–2021 гг., автор рассматривает влияние SEO-продвижения в традиционных, новых и корпоративных медиа. На сегодняшний день в массмедиа вырисовывается тенденция влияния корпоративной журналистики на повестку дня, а рассмотрев более детально этот вопрос, автор приводит примеры конкретных инструментов SEO-продвижения, которые помогают корпоративным медиа в осуществлении этой цели.

Ключевые слова

SEO-оптимизация, журналистика данных, дата-журналистика, искусственный интеллект, машинное обучение, корпоративная журналистика, пиар

Для цитирования

Шнайдер А. А. Тренды массмедиа: применение искусственного интеллекта, машинного обучения, SEO-инструментов и дата-журналистики в контексте мирового медиаландшафта // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 59–68. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-59-68

© Шнайдер А. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 59–68
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 59–68

Mass Media Trends: Implementation of AI, ML, SEO and Data Journalism in the Worldwide Media Landscape

Anna A. Shnaider

Baltic International Academy
Riga, Latvia

anshnaider@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4836-073X>

Abstract

This article refers to the use and implementation of new technologies, like AI (Artificial Intelligence), ML (Machine Learning), Big Data, data journalism and SEO optimization in traditional media, new media and brand journalism. The author explains what is “data journalism” in the opinion of Russian and English-speaking researchers. The article describes the main accidents and dates of the establishing of data journalism in the USA, Russia. The author examines how artificial intelligence and machine learning are implemented by editorial offices, as an example author takes “Forbes”, “Reuters”, “The Guardian” and other media outlets. This study is based on both primary and secondary sources of qualitative data to understand the challenges and opportunities to work in the ever-changing media landscape. Based on the empirical base, the author examines the implementation of data journalism in Latvia – using the materials published in collaboration with the author in the print magazine “Forbes Latvija” during the period of 2017–2019. Based on research methods and the use of SEO tools while writing articles in English for an IT company in the period from 2019–2021, the author examines the impact of SEO promotion in traditional media, new media and brand journalism. There is a tendency nowadays that brand journalism is affecting the agenda of media, and having considered this issue in more detail, the author gives examples of specific SEO optimization and promotion tools that help brand journalism in achieving this goal.

Keywords

SEO optimization, data journalism, Artificial Intelligence, Machine Learning, Big Data, brand journalism, communication

For citation

Shnaider A. A. Mass Media Trends: Implementation of AI, ML, SEO and Data Journalism in the Worldwide Media Landscape. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 59–68. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-59-68

Введение

В современном медиаландшафте действующие журналисты вынуждены пересмотреть ряд рабочих вопросов, и это касается журналистов по всему миру. С развитием технологического прогресса, появлением конвергентных СМИ от журналиста требуется несколько иная, чем раньше, работа. Журналист – это уже не пропагандист, как ранее, а мультименеджер, на плечи которого ложатся редакционные вопросы, рабочие процессы, бизнес-модели и умение использовать технологические платформы. В таких условиях СМИ находятся в постоянном инновационном процессе. На сегодняшний день в мире 3,96 миллиарда пользователей социальных сетей, из них 3,91 миллиарда использует для этого мобильное устройство¹. Аудитория привыкла получать информацию мгновенно, а для этого журналисту нужно обладать навыками цифровой журналистики, в том числе навыками мобильной журналистики (MoJo journalism) и журналистики данных (Data journalism).

В научном мире к сегодняшнему дню так и не появилось единственно верного объяснения понятия «дата-журналистика», однако велись исследования, в которых авторы приводили свои определения.

Так, американский дата-журналист П. Брэдшоу в «Пособии по журналистике данных» [Bradshaw, 2012] отмечает, что это навык поиска информации и умение представить на суд

¹ Global Report. 2020. URL: <https://www.hootsuite.com/pages/digital-2020> (accessed 13.02.2021).

читателя захватывающую историю, основанную на огромном количестве разнообразной числовой информации, которая стала общедоступной.

Современные греческие исследователи дата-журналистики А. Веглис и К. Братсас определили журналистику данных как процесс извлечения полезной информации из данных, написание статей на основе информации и внедрение визуализации (в некоторых случаях интерактивной) в статьи, которые помогают пользователям понять важность истории [Veglis, Bratsas, 2017, p. 227].

Российские исследователи также изучают дата-журналистику. Так, М. Г. Шилина [2013] говорит, что журналистику данных можно и нужно понимать как «набор специфических навыков для поиска, анализа, визуализации информации цифровых источников метаданных для формирования интерактивных форматов уникальной подачи авторского аналитического контента и эффективного взаимодействия с аудиторией».

В целом, и зарубежные, и российские исследователи подразумевают под дата-журналистикой схожие понятия. Общее, в чем согласны ученые, – это то, что в работе традиционному журналисту необходимо обладать навыками программирования и умением работать с определенными техническими инструментами, например с извлечением данных («Tabula», «document cloud»), очисткой и анализом данных («Google spreadsheets», «open refine»), визуализацией данных («Datawrapper», «flourish») и фреймворками, которые помогают программировать («workbench»), в отдельных случаях – языками программирования («Python», «Java»).

В России на сегодняшний день специализация «дата-журналистика» есть в Высшей школе экономики. Специальность «дата-журналист» можно найти в различных университетах Европы, США, Канады. Среди них: University of West of Scotland, TU Dortmund, University of Zurich, Universidad Loyola Andaluca, University of King's College Halifax и мн. др.² В ЮНЕСКО даже разработали и предложили свои «curricula» (требования) для модернизации обучения журналистов, а среди дисциплин, которые следует ввести, по их мнению, в учебных заведениях, есть и дата-журналистика³.

Наши дни медиабизнес столкнулся со следующими тенденциями: внушительным ростом появления новостей и нехваткой человеческих ресурсов, чтобы их освещать. Крупные мировые СМИ смогли ответить на этот вызов, в работу редакций были внедрены автоматизированные системы, производящие контент самостоятельно.

Первым на подобный эксперимент согласилось агентство «Associated Press»⁴. С 2013 г. в медиакомпаниях используются технологии искусственного интеллекта (Artificial Intelligence, ИИ) с целью автоматизации процесса создания новостного контента. Также были использованы и внедрены и более сложные алгоритмы машинного обучения (Machine Learning, МО), которые способны анализировать большое количество данных, находить закономерности в текстовых данных, обобщать их и выделять наиболее полезную информацию, так что журналист уже может создавать свой уникальный контент на основе проделанной за него работы гораздо быстрее.

Методы

В качестве эмпирической базы исследования были проанализированы материалы новых медиа, блоги крупных частных компаний из различных сфер, в том числе анализ блога транснациональной нефтегазовой компании «BP» за 2013–2020 гг.; клиенты технического инстру-

² Medium. URL: <https://medium.com/ucd-ischool/where-in-the-world-can-i-study-data-journalism-44c006e55ea5> (accessed 20.02.2021).

³ Unesco curricula. URL: <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/resources/publications-and-communication-materials/publications/full-list/model-curricula-for-journalism-education-a-compendium-of-new-syllabi/> (accessed 15.03.2021).

⁴ Associated Press. AI. URL: <https://www.ap.org/discover/artificial-intelligence> (accessed 20.03.2021).

мента «ARC Publishing». Были проанализированы сайты статистических ведомств, официальные базы данных. В частности, сайт Росстата⁵, портал открытых данных РФ, портал WikiLeaks⁶ и др. Автор также подверг анализу дата-материалы российских и американских СМИ, вызвавшие наибольший резонанс в истории появления и становления дата-журналистики. Во время поиска дата-материалов на русском и английском языках были проанализированы такие сайты, как «The Pudding»⁷, «Financial Times»⁸, платформы «Youtube»⁹ и «Яндекс.Мастер»¹⁰. На этих сайтах можно найти различные примеры дата-материалов. В 2019 г. сайт «The Pudding» получил премию лучшего сайта года в номинации «Проект в онлайн-журналистике» («General Excellence in Online Journalism, Micro Newsroom»). В проектах на сайте «The Pudding» читатель выступает в роли участника, от его действий зависит, как далее будет меняться материал. У «Яндекс.Мастер» имеется ряд исследований, основанных на анализе большого количества данных. И эти работы можно смело считать примерами дата-журналистики, в том числе и материал «Во сколько обходится личный автомобиль»¹¹.

Автором статьи были исследованы материалы журналов «Forbes Latvija» и «IR», выходящих в Латвии, за 2017–2019 гг. на предмет публикаций дата-материалов. Автор участвовал в разработке, сборе, обработке и публикации материалов на основе принципов дата-журналистики в печатном журнале «Forbes Latvija» в период 2017–2019 гг. В частности, были рассмотрены примеры публикаций «Топ стартапов в Балтии»¹², «Топ успешных женщин Латвии»¹³, вышедших в печатных версиях журнала «Forbes Latvija» (2019). Благодаря участию в создании этих дата-материалов автору удалось собрать как первичные, так и вторичные источники качественных данных.

Автор является пишущим автором для английской ИТ-компании¹⁴, в связи с чем ему удалось сопоставить использование SEO-инструментов в продвижении контента в традиционных, новых и корпоративных медиа. Проанализировав материалы, вышедшие в период 2019–2021 гг., автор выявил тенденции влияния SEO-продвижения на повестку дня СМИ.

Методы описания и обобщения, использованные в проведенном исследовании, позволили выделить основные даты и события в развитии дата-журналистики в США и России, провести небольшой экскурс в дата-журналистику Латвии, а также описать существующие различия.

Результаты

Дата-журналистика в Латвии

Латвия, как и другие страны, в сфере журналистики идет по своему пути развития, в том числе и в направлении дата-журналистики. С 2012 г. в стране существует «School of Data», где обучают работать с данными, – в результате можно увидеть работы в виде инфографики и в других форматах. Школа предлагает две формы обучения – онлайн и оффлайн. На дан-

⁵ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения 20.03.2021).

⁶ WikiLeaks. URL: <https://wikileaks.org> (accessed 20.03.2021).

⁷ The Pudding. URL: <https://pudding.cool> (accessed 20.03.2021).

⁸ One belt, one road. Financial Times. URL: <https://ig.ft.com/sites/special-reports/one-belt-one-road/?mhq5j=e3> (accessed 20.03.2021).

⁹ Как коронавирус распространяется по миру. Хронология. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QukhKKK8s4M> (дата обращения 20.03.2020).

¹⁰ Во сколько обходится автомобиль. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2020/auto-cost> (дата обращения 20.03.2020).

¹¹ Яндекс.Мастер. Во сколько обходится личный автомобиль. URL: <https://yandex.ru/lab/calculator-auto/> (дата обращения 20.03.2020).

¹² Перепечатанный материал Forbes Latvija. URL: <http://www.baltic-course.com/rus/tehnology/?doc=152236> (дата обращения 20.03.2021).

¹³ Forbes Latvija. 2019. Print issue.

¹⁴ FortySeven Software Professionals. URL: <https://fortyseven47.com/blog/> (accessed 20.03.2021).

ный момент они выпустили 6 000 учеников¹⁵. Где можно встретить дата-материалы? В стране выпускается ряд бизнес-ориентированных журналов, среди которых «Forbes Latvija», «IR». По сути, эти два журнала являются конкурентами, и, анализируя их контент за 2017–2019 гг., можно сделать вывод, что журналы пытались приподнести одни и те же материалы с использованием разной методологии. В качестве примера можно рассмотреть материалы «Топ успешных женщин Латвии»¹⁶ и «Топ стартапов Балтии», в создании которых автор принимал участие. После выхода в свет журналов с дата-материалами «Топ стартапов в Балтии», а также «Топ женщин-предпринимателей Латвии» эти материалы «вдохновили» другие бизнес-издания, конкурирующие с журналом «Forbes Latvija». Это говорит не только о популярности темы, качестве проделанной работы, но и о желании конкурентов создать похожий дата-материал, при этом не имея аналогичной системы подсчета, что в данном случае имело первичное значение. Дата-журналист, как правило, работает в команде с программистом или журналистом, обладающим навыками программирования, для создания правильной формулы анализа больших данных. На тот момент в журнале работал приглашенный специалист, в команде с которым были созданы упомянутые дата-материалы. Именно поэтому конкретные дата-материалы считаются одними из лучших примеров дата-материалов в Латвии. Позднее были попытки повторить такого рода дата-материалы, в том числе и другими изданиями, однако они показывали совершенно другие данные на те же самые темы, что не соответствовало действительности. Дата-материал отличается от других журналистских материалов также и тем, что он основан на анализе огромного количества данных, поэтому представляет собой объективную информацию. Такие материалы содержат в себе цифры: сумма зарплат, сумма уплаченных налогов, сумма дохода и т. д. В подготовке дата-материалов для журнала «Forbes Latvija» все данные были взяты из официальной базы данных Латвии «Lursoft»¹⁷, где можно найти финансовую информацию, отчеты любой компании, зарегистрированной в Балтии. На основе этих количественных данных с помощью специальной формулы высчитывались самые прибыльные компании, доходные бизнесы и выводилась наиболее достоверная и объективная информация, которая позволила создать топы. Такие серьезные дата-материалы выходят в журналах достаточно редко, поскольку на их подготовку уходит много времени, они требуют от журналиста иных навыков и участия расширенной команды. Чтобы в этом убедиться, можно отследить выход подобных материалов у других франшиз журнала «Forbes». При этом отмечается, что в Латвии наблюдается рост свободы слова в прессе, поэтому прогнозируется рост количества появления дата-материалов и дата-журналистов¹⁸.

Использование технологий искусственного интеллекта и машинного обучения

В 2018 г. на основе искусственного интеллекта «Forbes» создал систему «Bertie»¹⁹, которая сама создает контент (пишет статьи) и придумывает заголовки. «The Washington Post» разработала систему «Heliograf», которая помогает создавать тексты (статьи), увлекающие потенциальную аудиторию и заставляющие ее дочитать текст до конца. Их система доступна как отдельный сервис²⁰. «ARC Publishing» – для брендов и для издателей. «Bloomberg» использует программу «Cyborg» для создания и управления контентом. «The Guardian»²¹, «As-

¹⁵ School of Data. URL: <https://schoolofdata.org/our-history/> (accessed 15.03.2021).

¹⁶ Forbes Latvija. 2019. Print issue.

¹⁷ Официальная база данных Балтии Lursoft. URL: <https://www.lursoft.lv> (accessed 28.03.2021).

¹⁸ Self-censorship in Latvian journalism: A research note Anda Rožukalne First Published January 7, 2020. URL: <https://doi.org/10.1177/0267323119897799> (accessed 28.03.2021).

¹⁹ Forbes. Bertie. URL: <https://www.forbes.com/sites/enriquedans/2019/02/06/meet-bertie-heliograf-and-cyborg-the-new-journalists-on-the-block/?sh=76101f8f138d> (accessed 20.02.2021).

²⁰ ARC Publishing. URL: <https://www.arcpublishing.com/solutions/brands> (accessed 20.02.2021).

²¹ The Guradian. URL: <https://www.theguardian.com/technology/artificialintelligenceai> (accessed 20.02.2021).

sociated Press» и «Reuters»²² используют механизмы ИИ для создания отчетов акционеров, юридических документов, пресс-релизов, общих отчетов и статей.

В России в 2018 г. была запущена платформа «MediaDigger» на основе ИИ²³. Технологии ИИ и МО экономят время пользователя и позволяют журналистам работать еще более эффективно. И всё же при внедрении в работу редакций автоматизированных систем, позволяющих не только самостоятельно производить контент, но и анализировать информацию. Необходимо понимать, что «ни одна машина не может, например, посмотреть на связь между двумя организациями, подумать: “это странно” или сделать соответствующие звонки, поговорить с нужными людьми или провести исследование, необходимое для того, чтобы прийти к объективному результату»²⁴. Безусловно, применение и использование технологий ИИ и МО облегчают работу журналистов, но на данном этапе своего развития они не способны взять на себя функцию творческой реализации.

Использование SEO-оптимизации

Для бизнеса, причем не важно, какого размера, наличие блога на сайте – это еще один способ привлечения клиентов. Специалисты по SEO (SEO – Search Engine Optimization, поисковая оптимизация) рекомендуют привлекать клиентов через блог компании. Обычно при создании статей такого типа используются определенные рекомендации программ на основе ИИ, которые обрабатывают огромное количество статей по похожей тематике и выдают полное техническое задание для копирайтера. Российские аналоги подобных программ – это «Яндекс.Мастер»²⁵, среди зарубежных можно упомянуть «SurfSeo»²⁶.

К помощи подобных технологий прибегают компании, бренды, корпорации. Это означает, что роль корпоративной журналистики в мировом медиаландшафте приобретает всё большую значимость [Шнайдер, Колосова, 2020, с. 167]. Общая цель у блогов – сконвертировать потенциального клиента и продать ему свой товар или услугу. Например, транснациональная нефтегазовая компания «BP» в своем блоге²⁷ публикует статьи, созданные с помощью «ARC Publishing», упомянутого выше. Проанализировав блог компании с 2013 г., можно заметить, что в начале это были официальные публикации в стиле пресс-релизов, а к 2016 г. рубрикат значительно увеличился, и там стали публиковаться полезные статьи на темы защиты окружающей среды, развития технологий и т. д. Это произошло за счет использования технологии «ARC Publishing», а также за счет использования методов SEO-оптимизации контента. Несмотря на то что это блог транснациональной компании, а не журнал, компания также следит за трендами массмедиа и предоставляет такой контент, который будет интересен не только существующим клиентам компании, но и потенциальным партнерам. Так, например, заключительный материал за 2021 г. назывался «Наш 2021 год в фото»²⁸ и публиковал мультимедийный контент, содержащий иллюстрации, ссылки для переходов на другие страницы сайта и минимум текста. Когда мы видим, что такие крупные компании уделяют столько внимания развитию своего блога, то понимаем, что со стороны малого и среднего бизнеса создается еще больший запрос на наличие и ведение блога, согласно всем последним тенденциям: генерация контента при помощи технологий МО и ИИ, применение ключевых слов

²² The Reuters. URL: <https://www.thomsonreuters.com/en/reports/2018-ai-predictions.html> (accessed 20.02.2021).

²³ MediaDigger. URL: <http://mediadigger.ru/about/> (accessed 20.02.2021).

²⁴ The Future of Augmented Journalism: A guide for newsrooms in the age of smart machines. Francesco Marconi, Alex Siegman and Machine Journalist. URL: https://insights.ap.org/uploads/images/the-future-of-augmented-journalism_ap-report.pdf (accessed 21.02.2021).

²⁵ Яндекс.Мастер. URL: <https://yandex.ru/support/webmaster/> (дата обращения 15.02.2021).

²⁶ SurfSeo. URL: <https://surferseo.com/> (accessed 15.02.2021).

²⁷ BP. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights.html#searchCards-news-and-insights> (accessed 15.02.2021).

²⁸ BP. Our Top 2021 in photo. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/reimagining-energy/bp-year-in-pictures-2021.html> (accessed 21.02.2021).

в заголовках и статьях (инструментов SEO-оптимизации), которые выводят эти тексты на первые места в поисковиках, а также создание мультимедийного контента, инфографики и, при наличии ресурсов, дата-материалов. Более того, некоторые дата-материалы, публикуемые на сайтах компаний, такие как анализ, отчеты, подготавливаются специальными компаниями, в которых работают дата-журналисты, например «Gartner»²⁹.

Рассмотрим первичные и вторичные данные проведенного автором исследования. При создании блога ИТ-компания первичная задача была – наличие блога. После того, как были написаны и опубликованы первые 10 статей, блог вышел в свет. Однако статьи не появлялись в поисковике даже при введении ключевых слов. Когда для написания статей начали использовать инструменты SEO-продвижения, статьи стали просматриваться чаще. Статьи, написанные с помощью SEO-помощника, получили 49 400, 26 892, 17 462 просмотров (см. рисунок), тогда как первые статьи, написанные без учета рекомендаций, получили всего несколько просмотров в период 2020–2021 гг. Для написания статей с помощью инструментов SEO-оптимизации контента имеется ряд рекомендаций относительно количества слов, количества заголовков, абзацев, ключевых слов, ответов на актуальные вопросы по теме и т. д. Эти рекомендации формируются на основе анализа больших данных – анализа статей на такую же тему в различных источниках. Таким образом, с помощью подобных программ и с учетом рекомендаций при создании контента можно добиться того, чтобы любая статья вышла в топ запросов поисковиков.

Page	Pageviews	Unique Pageviews	Avg. Time on Page	Entrances	Bounce Rate	% Exit	Page Value
	183,775 % of Total: 100.00% (183,775)	168,956 % of Total: 100.00% (168,956)	00:03:27 Avg for View: 00:03:27 (0.00%)	156,135 % of Total: 100.00% (156,135)	90.97% Avg for View: 90.97% (0.00%)	84.96% Avg for View: 84.96% (0.00%)	\$0.00 % of Total: 0.00% (\$0.00)
1. /news/top-7-languages-for-web-app-development/	49,490 (26.93%)	47,221 (27.95%)	00:05:51	47,041 (30.13%)	94.95%	94.49%	\$0.00 (0.00%)
2. /news/best-programming-languages-for-mobile-app-development/	26,892 (14.63%)	25,478 (15.08%)	00:06:06	25,373 (16.25%)	94.49%	93.96%	\$0.00 (0.00%)
3. /news/5-reasons-why-software-development-is-important/	17,462 (9.50%)	15,747 (9.32%)	00:06:51	15,724 (10.07%)	90.96%	89.69%	\$0.00 (0.00%)

Количество просмотров статей в блоге
Number of views per article

Сегодня автоматизируются и дигитализируются все сферы – от оплаты квитанций до покупки продуктов в интернет-магазинах. Бизнесы заинтересованы в дополнительной прибыли, а новые медиа – в больших количествах просмотров, лайках, отметках «поделиться». Современная жизнь диктует тренды массмедиа, а технологии позволяют это осуществить.

Дискуссия

Дата-журналистика

В США уже в 1950-х гг. существовало понятие «компьютерная журналистика» («computer-assisted reporting», CAR), которое позднее скорректировалось и трансформировалось в понятие «журналистика данных». Впервые метод CAR использовался в 1952 г., когда телекомпания CBS с его помощью обрабатывала результаты президентских выборов [Рачинский, 2011]. Еще одной значимой датой в истории развития дата-журналистики стал 1967 г.: в Детройте Филип Мейер из «Detroit Free Press»³⁰ использовал те же методы для обработки статистических данных, чтобы определить, влияет ли уровень образования протестующих на участие в уличных протестах.

²⁹ Gartner. URL: <https://www.gartner.com/en> (accessed 21.02.2021).

³⁰ Detroit Free Press. URL: <https://investigatingpower.org/philip-meyer/> (accessed 15.02.2020).

В 1970-е гг. был произведен ряд исследований, в том числе и проект «Документы Пентагона» – тайная история действий, осуществленных Министерством обороны США во время Вьетнамской войны. В 1989 г. Брант Хьюстон и Дженнифер Лафлер создают один из первых образовательных центров – «Национальный институт компьютерной отчетности» («National Institute for Computer-Assisted Reporting – NICAR») ³¹, где обучают всех желающих работе с большим количеством информации с помощью компьютера.

В 1970–1990 гг. разгромные материалы публиковали журналисты Дональд Барлетт и Джеймс Стил из «The Philadelphia Enquire». Они стали первыми журналистами, получившими две Пулитцеровские премии. Результатом их работы стал фундаментальный труд «Америка: что пошло не так?» ³², вышедший в свет в 1990 г. В 1996 г. авторы выпустили книгу «Америка: кто украл мечту?» ³³, в которой они объяснили, как СМИ повлияли на идеологию среднестатистического американца.

В 2000 г. появляется доступ к оцифрованным электронным базам данных. В 2001 г. появляется термин «Big Data» («большие данные»), о котором упоминает Даг Лени из исследовательской компании «Gartner» ³⁴. Его доклад был посвящен понятию «3V, Volume, Velocity and Variety» (Объем, скорость и разнообразие). Иными словами, большие данные – это увеличение скорости, объемов, типов и поступления новых данных. Одним из значимых событий в то время следует считать появление ресурса «WikiLeaks» 4 октября 2006 г. В рамках проекта был создан «Афганский военный дневник», содержащий 91 000 секретных отчетов об Афганской войне за период 2004–2010 гг. ³⁵ В 2000-е гг. появляются материалы в стиле инфографики и мультимедийные проекты. Можно сказать, что на сегодняшний день дата-журналистика наиболее качественно представлена именно в американских СМИ.

В России развитие дата-журналистики происходит иначе. Важной датой в истории становления журналистики данных в России стал 1999 г., когда появился официальный сайт Росстата (Федеральной службы государственной статистики) ³⁶. С этого момента стали появляться различные исследования, основанные на открытых данных. Росстат и сегодня публикует данные о разных сферах жизни человека, что, в свою очередь, открывает большой потенциал для создания полноценных исследований.

С помощью правильной обработки больших данных дата-журналисты могут предоставить аудитории такие материалы, которые позволят находиться в курсе всех новостей, не тратя на это много времени. В большинстве своем люди не обучены работать с большими данными, не умеют их понимать и не могут выбрать из доступной информации то, что важно. Таким образом, дата-журналисты становятся посредниками между большими данными и аудиторией, превращая массивы информации в легко читаемые материалы [Lesage, Hackett, 2014].

«Графика и визуализация должны быть инструментом для восприятия вашими глазами и мозгом того, что находится за пределами их естественной досягаемости», – отмечает Алберто Кови [Kovi, 2013]. Но должны ли сами журналисты обладать этими навыками? [Young et al., 2018]. Исследователи также задаются вопросами, могут ли журналисты сотрудничать с графическими дизайнерами и работать в тандеме? [Engebretsen et al., 2018]. Возможно, работа дата-журналистов должна сопровождаться и работой других специалистов, кто может обличать огромные объемы информации в полезный наглядный материал.

³¹ NICAR. Investigative Reporters & Editors. URL: <https://www.ire.org/nicar/> (accessed 15.06.2020).

³² Barlett D., Steel J. America: What Went Wrong? Rigging the Game. Official Site of Donald Barlett and James Steel. URL: http://barlettandsteel.com/journalism/inq_wwr_1 (accessed 13.04.2020).

³³ Barlett D., Steel J. America: Who Stole the Dream? Official Site of Donald Barlett and James Steel. URL: http://barlettandsteel.com/books/am_dream (accessed 09.10.2020).

³⁴ Doug Laney. 3D Data Management: Controlling Data Volume, Velocity, and Variety, Gartner, file no. 949. 6 February 2001. URL: <http://blogs.gartner.com/douglaney/files/2012/01/ad949-3D-Data-Management-ControllingData-Volume-Velocity-and-Variety.pdf> (accessed 20.03.2021).

³⁵ WarDiaries. WikiLeaks. URL: <https://wardiary.wikileaks.org/> (accessed 15.03.2021).

³⁶ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения 26.02.2021).

Заключение

В данной статье был обсужден ряд вопросов, связанных с дата-журналистикой, в том числе существующие понятия, значимые вехи в истории появления и развития журналистики данных в США, России, Латвии.

Многие исследователи говорят, что дата-журналистика – это новый тренд СМИ. При этом на российском рынке он появился сравнительно недавно и только начинает завоевывать свою аудиторию, так же как и в Латвии, тогда как в США существует десятки лет и имеет не только последователей среди дата-журналистов, но и центры обучения.

При обсуждении дата-журналистики важно понимать, что сегодня мы живем в эпоху больших данных («Big Data»), и в этом аспекте дата-журналистика может стать триггером для создания новых жанров журналистики, изменения роли и профессиональных качеств журналиста. Дата-журналистика может положительно повлиять на использование больших данных, поскольку традиционные журналисты зачастую не способны быстро их обработать. Она также решает проблему фейковых новостей, которая сегодня особенно распространена в информационном пространстве.

Простой пользователь конвергентного СМИ, новостного сайта является для этих технологий объектом исследования. На основе его привычек технологии МО и ИИ создают новостную ленту, соответствующую его интересам. В данном случае речь не идет о том, чтобы заменить журналистов роботами, хотя это обсуждается в научном сообществе [Latar, 2015]. Речь, скорее, идет об оптимизации процессов сбора информации, для того чтобы увеличить скорость передачи новости и монетизации контента.

Поскольку на сегодняшний день специалисты по дата-журналистике единичны, то для развития этого направления необходимо ввести подобную дисциплину в учебных заведениях. Профессия журналиста видоизменяется, и журналист уже должен привыкнуть к тому, что ему все время необходимо получать новые навыки.

Тема дата-журналистики на сегодняшний день изучена слабо, она требует большего внимания со стороны исследователей, в том числе чтобы изучить ее влияние на традиционные и новые медиа.

Список литературы

- Рачинский С.** Журналистика баз данных: модный тренд или будущее профессии? // New Media Institute. 2011. URL: <http://newmedia.in.ua/articles/business/zhurnalistika-baz-dannyx-modnyj-trend-ili-budu-shhee-professii.html> (дата обращения 20.03.2021).
- Шилина М. Г.** Data Journalism – дата-журналистика, журналистика метаданных – в структуре медиакommunikации: к вопросу формирования теоретических исследовательских подходов // Медиаскоп. 2013. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1263> (дата обращения 14.03.2021).
- Шнайдер А., Колосова А.** СМИ Латвии: История развития и современность. М.: Первое экономическое изд-во, 2020. 230 с.
- Bradshaw P.** Data Journalism Handbook. 2012. URL: https://datajournalismhandbook.org/uploads/first_book/DataJournalismHandbook-2012.pdf (accessed 09.10.2020).
- Engebretsen M., Kennedy H., Weber W.** Data Visualization in Scandinavian Newsrooms. Emerging Trends in Journalistic Visualization Practices. *Nordicom Review*, 2018, pp. 1–16. DOI 10.2478/nor-2018-0007
- Kovi A.** An Introduction to Information Graphics and Visualization. 2013. URL: <https://ptgmedia.pearsoncmg.com/images/9780321834737/samplepages/0321834739.pdf> (accessed 28.03.2021).
- Latar N.** The Robot Journalist in the Age of Social Physics: The End of Human Journalism? 2015. DOI 10.1007/978-3-319-09009-2_6

- Lesage F., Hackett R. A.** Between Objectivity and Openness – The Mediality of Data for Journalism. *Media and Communication*, 2014, no. 2 (2), pp. 42–54. DOI 10.17645/mac.v2i2.128
- Veglis A., Bratsas C.** Reporters in the age of data journalism: The case of Greece. *Journal of Applied Journalism & Media Studies*, 2017, no. 6 (2), pp. 225–244.
- Young M. L., Hermida A., Fulda J.** What Makes for Great Data Journalism? *Journalism Practice*, 2018, no. 12 (1), pp. 115–135. DOI 10.1080/17512786.2016.1270171

References

- Bradshaw P.** Data Journalism Handbook. 2012. URL: https://datajournalismhandbook.org/uploads/first_book/DataJournalismHandbook-2012.pdf (accessed 09.10.2020).
- Engelbrechtsen M., Kennedy H., Weber W.** Data Visualization in Scandinavian Newsrooms. Emerging Trends in Journalistic Visualization Practices. *Nordicom Review*, 2018, pp. 1–16. DOI 10.2478/nor-2018-0007
- Kovi A.** An Introduction to Information Graphics and Visualization. 2013. URL: <https://ptgmedia.pearsoncmg.com/images/9780321834737/samplepages/0321834739.pdf> (accessed 28.03.2021).
- Latar N.** The Robot Journalist in the Age of Social Physics: The End of Human Journalism? 2015. DOI 10.1007/978-3-319-09009-2_6
- Lesage F., Hackett R. A.** Between Objectivity and Openness – The Mediality of Data for Journalism. *Media and Communication*, 2014, no. 2 (2), pp. 42–54. DOI 10.17645/mac.v2i2.128
- Rachinsky S.** Zhurnalistika baz dannykh: modnyi trend ili budushee professii? [Journalism of Database: A Fashion Trend or the Future of the Profession]. *New Media Institute*, 2011. (in Russ.) URL: <http://newmedia.in.ua/articles/business/zhurnalistika-baz-dannykh-modnyj-trend-ili-budushee-professii.html> (accessed 20.03.2021).
- Shilina M. G.** Data Journalism – data-zhurnalistika, zhurnalistika metadannykh – v strukture mediakommunikatsii: k voprosu formirovaniya teoreticheskikh issledovatel'skikh podhodov [Data Journalism – Data Journalism, Metadata Journalism – in the Structure of Media Communication: On the Issue of the Formation of Theoretical Research Approaches]. *Mediascope* [Mediascope], 2013, no. 1. (in Russ.) URL: <http://www.mediascope.ru/node/1263> (accessed 14.03.2021).
- Shnaider A., Kolosova A.** SMI Latvii: Istoria razvitiya i sovremennost' [Media of Latvia: History of Development and Modernity]. Moscow, 2020, 230 p. (in Russ.)
- Veglis A., Bratsas C.** Reporters in the age of data journalism: The case of Greece. *Journal of Applied Journalism & Media Studies*, 2017, no. 6 (2), pp. 225–244.
- Young M. L., Hermida A., Fulda J.** What Makes for Great Data Journalism? *Journalism Practice*, 2018, no. 12 (1), pp. 115–135. DOI 10.1080/17512786.2016.1270171

Информация об авторе

Анна Александровна Шнайдер, доктор филологических наук

Information about the Author

Anna A. Shnaider, Doctor of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 08.04.2021;
одобрена после рецензирования 08.05.2021; принята к публикации 05.03.2022
The article was submitted 08.04.2021;
approved after reviewing 08.05.2021; accepted for publication 05.03.2022

Научная статья

УДК 327 + 808

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-69-78

Россия как конституирующий Другой в президентской риторике Петра Порошенко

Дмитрий Владимирович Березняков¹
Сергей Васильевич Козлов²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ bereznyakov@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6040-4945>

² feld71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6784-8992>

Аннотация

Реконструируются базовые идеологические характеристики образа России как негативного конституирующего Другого в политической риторике пятого украинского президента П. Порошенко. На материале текстов публичных выступлений и обращений П. Порошенко за весь срок его пребывания в этой должности показано, что риторическое конструирование образа России опирается на базовый концепт *ИМПЕРИЯ*. Имперский статус выступает имманентной характеристикой России, который не зависит от исторически фиксированного этапа ее развития (включая советскую модернизацию и постсоветский период) и реализуется в стремлении этого негативного Другого ликвидировать субъектность Украины как актора международных отношений и самостоятельное национальное государство. Моделирование образа России как константного и вневременного агрессора и источника угроз предполагает фиксирование ее воздействия на Украину как колониальную политику, включая современный этап российско-украинских отношений.

Ключевые слова

символическая политика, президентская риторика, конституирующий Другой, Россия, империя

Для цитирования

Березняков Д. В., Козлов С. В. Россия как конституирующий Другой в президентской риторике Петра Порошенко // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 69–78. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-69-78

Russia as the Constitutive Other in the Presidential Rhetoric of Petro Poroshenko

Dmitry V. Bereznyakov¹, Sergey V. Kozlov²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² The State Public Scientific and Technological Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ bereznyakov@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6040-4945>

² feld71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6784-8992>

Abstract

The article reconstructs basic ideological aspects of the image of Russia as a negative Constituent Other in the political rhetoric of the Ukrainian president P. Poroshenko. Drawing on all 315 texts of public speeches and appeals made by P. Poroshenko during his presidency, the article shows that rhetorical construction of the image of Russia relies on the basic concept of “empire”. Imperial status is presented as an essential characteristic of Russia, which does not depend on any historically defined phase of its development (including Soviet modernization and the post-Soviet period) and manifests itself in the effort of the negative Other to liquidate Ukraine’s status as subject actor of international relations and as an independent nation state. Modeling Russia’s image as a constant and atemporal aggressor and a source of threats implies casting in fixed permanent terms its influence on Ukraine as colonial policy, inclusive of the present phase of Russian-Ukrainian relations.

Keywords

symbolic politics, presidential rhetoric, Constituent Other, Russia, empire

For citation

Bereznyakov D. V., Kozlov S. V. Russia as the Constitutive Other in the Presidential Rhetoric of Petro Poroshenko. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 69–78. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-69-78

Введение

Современное высокомедиатизированное пространство символической политики¹ структурировано публичными действиями различных акторов, которые обладают разными ресурсами и статусами. Доминантным актором здесь, безусловно, является лидер страны, который персонифицирует символический центр нации-государства. Именно он задает общее стратегическое видение места страны на макрополитическом уровне и общий вектор направления ее движения. Вместе с тем символический статус лидера страны непосредственно взаимосвязан с институциональным дизайном политического режима, который наделяет лидера, как правило, конституционно закрепленными полномочиями и соответствующими этим полномочиям ресурсами. Очевидно, что при разных вариантах такого дизайна (президентский, полупрезидентский, парламентский) политическое лидерство на уровне государства репрезентируется разными фигурами публичных политиков общенационального масштаба или их совокупностью (президент, премьер-министр, монарх и др.).

В случае институционального дизайна украинского политического режима речь идет о премьерско-президентском варианте, формально закрепленном в Конституции страны, в очередной раз пересмотренной после «революции достоинства» 2014 г. Несмотря на серьезно усилившуюся роль Верховной Рады в формировании внутренней и внешней политики страны, в рамках этого институционального дизайна украинский президент, тем не менее,

¹ Под символической политикой в данном случае понимается публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование. Подробнее см.: [Малинова, 2012].

выступает в качестве общенационально лидера, который является «главой государства и действует от его имени» (ст. 102 Конституции Украины).

В логике символической политики действовать от имени государства предполагает в первую очередь «совершать действия при помощи слов», т. е. конструировать политическую реальность, используя различные риторические приемы и перформативные высказывания. Само же это конструирование подчинено, с одной стороны, логике публичного политического конфликта и борьбе за власть (*politics*), связанной с состязательным измерением политической коммуникации, а с другой – с выработкой и демонстрацией того курса (*policy*), который реализуют президент и его команда. Медиаопосредованный характер данной коммуникации, который в политической лингвистике фиксируется понятием «риторическое президентство», как раз подчеркивает необходимость для института президентства, который на практике персонифицирован живым человеком, «публично актуализировать свою политическую позицию риторическими средствами» [Антонова, 2013, с. 144]. В этом смысле медиатизированная фигура президента как национального лидера, действующего от имени официального и объективированного государства, как бы напоминает гражданам, что на самом деле никакого государства как обезличенной реальности не существует, а политику делают вполне конкретные и, как правило, небезгрешные индивиды. Иными словами, государство как *точка зрения на точки зрения*, которая «подкрепляет одну точку зрения на социальный мир из множества других, тогда как сам этот мир является местом борьбы точек зрения» [Бурдые, 2016, с. 94], превращается в точку зрения одного человека, как бы возрождая старую политическую максиму эпохи абсолютизма «государство – это я».

Украинский исследователь В. Кириченко отмечает, что основными целями производства главами государств текстов, предназначенных для публичного обращения к различным аудиториям, являются:

- конструирование новых и воспроизводство сложившихся идентичностей как внутреннего пространства государства, так и внешнего мира, представляемого в качестве чужого или «не-нашего»;
- легитимация сложившихся властных отношений через апелляцию к здравому смыслу с его дальнейшим использованием для реализации собственных задач;
- информирование и воздействие на группы потребителей текстов [2009, с. 118].

Вместе с тем современные главы государств, как правило, являются не столько авторами этих текстов, сколько актерами, озвучивающими результаты чаще всего коллективного творчества обслуживающих власть профессиональных спичрайтеров и PR-специалистов². Этот факт напрямую связан как с нарастающей медиатизацией публичной сферы, ее подчинением технологиям производства политического медиаконтента, так и с формированием нового поколения публичных политиков, изначально проходивших политическую социализацию в этой изменившейся под воздействием технологий среде. В конечном счете это приводит к тому, что пространство публичной политики начинает рассматриваться в постановочной логике публичных спектаклей, ярким примером которой в украинском случае стала победа знаменитого шоумена и продюсера В. Зеленского на президентских выборах 2019 г.

Ниже мы остановимся на выявлении особенностей риторического использования образа России в качестве конституирующего Другого в политической риторике пятого украинского президента Петра Порошенко. Эмпирическую базу анализа составили все 315 текстов публичных выступлений и обращений П. Порошенко, размещенных на официальном сайте президента Украины с момента его вступления в должность в июне 2014 г. до сложения им сво-

² Наиболее известный спичрайтер и политконсультант Петра Порошенко – Олег Медведев, который работал на Порошенко на протяжении всего его президентского срока и играл ключевую роль в избирательном штабе в ходе президентских выборов в 2019 г. До работы на П. Порошенко он считался главным пиарщиком Юлии Тимошенко и возглавляемой ей политической партии. На досрочных парламентских выборах 2019 г. О. Медведев разрабатывал предвыборную стратегию партии П. Порошенко «Европейская солидарность». См. краткую информацию о нем: https://uk.wikipedia.org/wiki/Медведев_Олег_Олександрович.

их полномочий по итогам очередных выборов в мае 2019 г.³ Несмотря на то что адресаты обращений были различными, этот корпус текстов можно рассматривать как определенное смысловое единство, которое репрезентирует основные идеологемы, востребованные в актуальном для Украины политическом контексте.

Результаты исследования

Первоочередная задача, которая стояла перед новоизбранным президентом и его спичрайтерами, состояла в том, чтобы легитимировать самого П. Порошенко в качестве лидера нации и обеспечить мобилизацию населения в поддержку осуществляемого им политического курса, в риторических рамках которого России как одному из центральных означающих отводилось важнейшее место. Очевидно, что внутри этих рамок символическая мобилизация всегда ограничена набором актуальных сюжетов и фреймов, поскольку, «...акторы, апеллирующие к образам Другого, опираются на представления, стереотипы, мифы, символы и прочие когнитивные структуры, существующие в массовом сознании. Опираясь этим репертуаром, они, с одной стороны, участвуют в его пополнении и трансформации, а с другой – ограничены его наличной конфигурацией» [Малинова, 2016, с. 25].

Кроме того, стоит специально отметить тот факт, что реализация политического курса П. Порошенко разворачивалась в принципиально конфликтном контексте, который определялся противостоянием на востоке страны и присоединением Крыма к России. Всё это создавало запрос на политическую риторику мобилизационного типа, по многим своим характеристикам сопоставимую с форматами политической коммуникации в условиях военного противостояния. Основной аудиторией, которой соответствовал используемый риторический репертуар, были те сегменты украинского общества, для которых, по словам Г. В. Касьянова, «радикальный национализм был или естественной формой самовыражения, или удобным средством социальной компенсации и политической мобилизации» [2020, с. 498].

Россия в текстах выступлений пятого украинского президента выступает в роли *негативного конституирующего Другого*, наследуя Российской империи и Советскому Союзу. В этом качестве она вынашивает «имперские планы»⁴, «*желает реанимировать советскую империю зла, реабилитировать Сталина, переписать историю*»⁵, стремится «*уничтожить отдельную большую европейскую нацию*»⁶.

Одной из базовых характеристик России является ее имперскость. Империя при этом выступает как вневременная сущность, которая не меняется со временем: «...империя не изменилась, и доказательством тому является и аннексия Крыма, и агрессия на Востоке нашего государства, и бомбардировки российскими истребителями мирных кварталов в Сирии»⁷. Эта империя предстает как сила, осуществляющая целенаправленное подавление украинской самобытности.

³ После прошедших в 2019 г. выборов украинского президента, на которых победу одержал В. Зеленский, все тексты публичных выступлений П. Порошенко исчезли с официального сайта президента Украины. Отметим, что подобная ситуация является обычной для Украины. Каждый новый президент стремится дистанцироваться от своего предшественника.

⁴ Звернення Президента України у зв'язку зі 100-річчям від початку Першої світової війни. 1.08.2015. URL: <http://www.president.gov.ua/news/zvernennya-prezidenta-ukrayini-u-zv039yazku-zi-100-richchiam-3336> (дата обращения 25.04.2019).

⁵ Виступ Президента України на вечорі-реквіємі у зв'язку з Днем боротьби за права кримськотатарського народу та 71-ми роковинами депортації. 18.05.2015. URL: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-ukrayini-na-vechori-rekviyemi-u-zvyazku-z-35342> (дата обращения 10.04.2018).

⁶ Виступ Президента України на прес-конференції «Стратегія-2020». 25.09.2014. URL: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-ukrayini-na-pres-konferenciyi-strategiya-2-33757> (дата обращения 10.04.2018).

⁷ Виступ Президента на урочистому зібранні, присвяченому Дню вшанування учасників бойових дій на території інших держав та 27-й річниці виведення військ з Афганістану. 15.02.2016. URL: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-na-urochistomu-zibranni-prisvyachenomu-dny-36740> (дата обращения 25.04.2019).

Для стигматизации России в качестве преступной империи активно используется нарратив голодомора, конструирующий базовую травму украинской нации (см.: [Касьянов, 2009, с. 24–42]). *«Этот голод был попыткой поставить украинцев на колени, отобрать... достоинство, разрушить... национальную идентичность, умертвить надежду на право творить собственную судьбу на собственной земле. Таким образом империя пыталась разрушить основы свободолюбивой украинской нации, подорвать нашу духовную культуру и этническую самобытность»*⁸.

Прилагательное «имперский» используется в различных сочетаниях для риторического принижения России. В текстах Порошенко встречаются «имперские комплексы», «имперский зуд», «имперская мания величия» «имперские психозы» и «имперское стойло».

При этом в политической риторике пятого украинского президента фиксируется тезис о том, что сама Украина вела и ведет антиимперскую борьбу, которая должна сорвать планы по возвращению ее в имперское пространство.

В рамках этой риторики константой является не только имперская сущность России, но и осуществляемая Украиной антиимперская борьба. Украина всегда противостояла и противостоит империям – и Российской, и нацистской, и советской, и России как наследнице последней: *«Хищная и прожорливая империя снова не считается с государственными границами и стремится расширить свой так называемый жизненный простор. Украина опять дает отпор, – разве что с той разницей, что сейчас враг пришел к нам не с Запада, а с Востока»*⁹.

Порошенко подчеркивает символический аспект владения Украиной для России: *«Ведь Украина для России – это не просто часть бывшей империи. Это символ. Это неотъемлемый элемент имперского величия, без которой Кремль эту империю просто не может представить»*¹⁰.

В антиимперском противостоянии России Украина находится на стороне Свободного мира, защищая его от имперских посягательств: *«Мы защищаем украинскую землю и наш свободный выбор, мы противостоям возрождающемуся неоимпериалистическому государству, которое хочет поделить мир заново, и таким образом мы защищаем Свободный мир»*¹¹.

При этом сам Порошенко позиционирует себя как гаранта сохранения ориентации на Запад: *«С тех пор, как вы доверили мне должность Президента Украины, государственный компас уверенно показывает на Запад – в сторону, противоположную империи. Его стрелка ни разу не дрогнула. И уверяю вас, не дрогнет, пока этот компас находится в моих руках»*¹². Обращаясь к главам дипломатических представительств иностранных государств и международных организаций, аккредитованных в Украине, Порошенко заявляет: *«Помогая Украине, вы взяли на себя большую ответственность – помочь Украине вырваться из капкана*

⁸ Звернення Президента з нагоди відкриття у Вашингтоні меморіалу жертвам Голодомору в Україні 1932–1933 років. 07.11.2015. URL: <http://www.president.gov.ua/news/zvernennya-prezidenta-z-nagodi-vidkrittya-u-vashingtoni-memo-36265> (дата обращения 25.04.2019).

⁹ Виступ Президента під час акції «Перша хвилина миру» у День пам'яті та примирення. 08.05.2016. URL: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-pid-chas-akcii-persha-hvilina-miru-u-den-37079> (дата обращения 25.04.2019).

¹⁰ Виступ Президента України на 14-й Щорічній зустрічі Ялтинської Європейської Стратегії (YES): «Чи це новий світ? І що він означає для України?». 15.09.2016. URL: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-ukrayini-na-14-j-shorichnij-zustrichi-yalt-43298> (дата обращения 25.04.2019).

¹¹ Виступ Президента України на загальних дебатах 73-ї сесії Генеральної Асамблеї ООН. 26.09.2018. URL: <https://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-ukrayini-na-zagalnih-debatah-73-yi-sesiyi-49938> (дата обращения 25.04.2019).

¹² Виступ Президента на урочистому Параді військ «Марш нової армії» з нагоди 27-ої річниці Незалежності України. 24.08.2018. URL: <https://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-na-urochistomu-paradi-vijsk-marsh-povoyni-a-49138> (дата обращения 25.04.2019).

бывшего советского, а ныне “русского мира” и превратить наше государство в пространство свободы и процветания»¹³.

П. Порошенко постоянно подчеркивает, что политика России во все исторические периоды носила антиукраинский (а зачастую и откровенно преступный) характер.

Еще одной константной характеристикой России, присутствующей в риторике президента Порошенко, является ее связь с советским прошлым. «Имперскость» и «советскость» часто идут рука об руку, а конструкция «советская империя» регулярно появляется в текстах его публичных выступлений. При этом «советскость» не осталась в прошлом – Россия стремится возродить Советский Союз, намереваясь «превратить Содружество [Независимых Государств] в обновленную империю, где бы все, как в старые советские времена, сверяли часы по Спасской башней Кремля»¹⁴. Именно поэтому России «нужна вся Украина для восстановления второй версии Советского Союза»¹⁵.

Для характеристики отношений России и Украины Порошенко активно использует и риторические ресурсы (пост)колониального дискурса. Украинское прошлое в составе Российской / советской империи объявляется однозначно колониальным, а первым шагом к избавлению от колониального статуса выступает всеукраинский референдум в подтверждение Акта провозглашения независимости Украины 1 декабря 1991 г.: «Более 90 процентов украинцев выбрали свободу, продемонстрировав стремление навсегда порвать с колониальной зависимостью, тоталитарным прошлым и стать на путь независимого демократического развития»¹⁶. Но важнейшую (но не окончательную) точку в преодолении колониального статуса ставит осуществленное самим Порошенко подписание соглашения об Ассоциации с Европейским Союзом: «Вместе со вступлением в действие безвизового режима для украинских граждан Соглашение об ассоциации знаменует наш окончательный и бесповоротный разрыв с колониальным малороссийским прошлым»¹⁷. Подписание этого документа объявляется «настоящим водоразделом между европейским будущим и советским прошлым Украины»¹⁸. Впрочем, несмотря на то что сентенции об окончательном разрыве возникают в текстах Порошенко с завидной регулярностью, но даже Соглашение об ассоциации не означает окончательной и бесповоротной деколонизации: «Мы еще не в полной мере и не во всех сферах покончили со своим постколониальным статусом. Окончательной победой в этой борьбе станет наше вступление в Евросоюз и НАТО»¹⁹.

Переживаемые Украиной трансформации Порошенко открыто называет процессом деколонизации, а украинское общество – постколониальным: «Скидываем друг за другом цепи,

¹³ Виступ Президента на щорічній зустрічі з главами дипломатичних представництв іноземних держав та міжнародних організацій, акредитованих в Україні. 16.01.2019. URL: <https://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-na-shorichnij-zustrichi-z-glavami-diplomat-52522> (дата обращения 25.04.2019).

¹⁴ Виступ Президента на церемонії вшанування пам'яті жертв політичних репресій. 20.05.2018. URL: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-na-ceremoniyi-vshanuvannya-pamyati-zhertv-47562> (дата обращения 25.04.2019).

¹⁵ Виступ Президента України на дебатах Генеральної Асамблеї ООН з питання: «Ситуація на тимчасово окупованих територіях України». 20.02.2019. URL: <https://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-ukrayini-na-debatah-generalnoyi-asambleyi-53282> (дата обращения 25.04.2019).

¹⁶ Звернення Президента України з нагоди річниці всеукраїнського референдуму щодо підтвердження Акта проголошення незалежності України. 01.12.2014. URL: <http://www.president.gov.ua/news/zvernennya-prezidenta-ukrayini-z-nagodi-richnici-vseukrayins-34134> (дата обращения 25.04.2019).

¹⁷ Виступ Президента України під час урочистої церемонії перейменування Високомобільних десантних військ у Десантно-штурмові війська Збройних Сил України та встановлення Дня Десантно-штурмових військ ЗСУ. 21.11.2017. URL: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-ukrayini-pid-chas-urochistoyi-ceremoniyi-p-44534> (дата обращения 25.04.2019).

¹⁸ Вступне слово Президента України на Дев'ятнадцятому Саміті Україна – Європейський Союз. 13.07.2017. URL: <http://www.president.gov.ua/news/vstupne-slovo-prezidenta-ukrayini-na-devyatnadcyatomu-samiti-42358> (дата обращения 25.04.2019).

¹⁹ Виступ Президента на 15-й щорічній зустрічі Ялтинської європейської стратегії (YES). 14.09.2018. URL: <https://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-na-15-j-shorichnij-zustrichi-yaltinskoyi-y-49590> (дата обращения 25.04.2019).

которыми империя приковывала к себе, создавая из Украины колонию. Что происходит сейчас? Очень просто – деколонизация»²⁰; «Постколониальное общество долгое время оставалось в плену имперских стереотипов и иллюзий, которые десятилетиями вдувались сюда, в Украину, кремлевской пропагандой. В том числе и мифов о якобы братской России и якобы агрессивном блоке НАТО»²¹.

Характерно, что события «революции достоинства» Порошенко пытается вписать в более широкий исторический контекст, поставив их в ряд антиколониальных движений и демократических революций: «На украинскую революцию тринадцатого-четырнадцатого годов следует смотреть как на большое историческое событие. Именно она завершает длительный процесс национальных демократических революций, который начался еще в Нидерландах еще в XVI веке. Она подобна американской войне за независимость, когда свободные граждане сумели выстоять против колониальных метрополий и завоевали свободу. Она подхватила лозунг Великой французской революции – “Свобода, равенство, братство”. Достоинство. Свобода. Будущее»²².

Кроме указания на то, что Россия является хранителем негативного имперского и советского опыта, в риторике Порошенко она конструируется и как актуальный агрессор, открыто использующий свою военную мощь против Украины. Описывая Парад Победы в Москве 9 мая 2015 г., Порошенко говорит: «под предлогом Великой Победы армия агрессора будет греметь своей смертельной мощью на весь мир. Некоторые из подразделений всего несколько дней назад были в Донецке и появятся на военном параде в Москве»²³.

Российская агрессия проявляется не только в военной сфере. У нее есть экономическая и идеологическая составляющие. Цель экономической агрессии – «...истощить Украину – вплоть до полного изнеможения»²⁴. Идеологическую агрессию осуществляют «современные последователи Геббельса, мобилизованные на информационную войну против Украины»²⁵. Все формы агрессии сплетаются в понятие «гибридной войны против Украины – военной, информационной, психологической, экономической»²⁶.

Цели России описываются Порошенко, исходя из ее выделенных выше имманентных характеристик: «Ни о какой защите экономических интересов России речь не идет. Ее цель чисто политическая – удушить наше государство, дестабилизировать ее, максимально ухудшить социально-экономическое положение украинцев, не имея возможности одолеть нас снаружи, поскольку вооруженные возможности Украины значительно улучшились, – взорвать нас изнутри»²⁷. Пятый украинский президент постоянно акцентирует внимание на планах Москвы «относительно умирения Украины, постепенного превращения ее в имперскую колонию и дальнейшей экспансии»²⁸.

²⁰ Виступ Президента на 15-й щорічній зустрічі Ялтинської європейської стратегії (YES). 14.09.2018. URL: <https://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-na-15-j-shorichnij-zustrichi-yaltinskoyi-y-49590> (дата обращения 25.04.2019).

²¹ Виступ Президента у Верховній Раді під час розгляду змін до Конституції щодо курсу на набуття членства України у ЄС і НАТО. 22.11.2018. URL: <https://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-u-verhovnij-radi-pid-chas-rozglyadu-zmin-d-51174> (дата обращения 25.04.2019).

²² Виступ на прес-конференції «Стратегія-2020». 25.09.2014. URL: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-ukrayini-na-pres-konferenciyi-strategiya-2-33757> (дата обращения 25.04.2019).

²³ Позачергове послання Президента України до Верховної Ради України. 27.11.2014. URL: <http://www.president.gov.ua/news/pozachergove-poslannya-prezidenta-ukrayini-do-verhovnoyi-rad-34118> (дата обращения 10.08.2015).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Виступ Президента на церемонії вручення державних нагород членам родин Героїв Небесної Сотні. 20.02.2015. URL: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-na-ceremoniyi-vruchennya-derzhavnih-nagoro-34775> (дата обращения 10.08.2015).

²⁷ Виступ Президента України П. О. Порошенка на засіданні Кабінету Міністрів України. 08.09.2015. URL: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-ukrayini-poporoshenka-na-zasidanni-kabinet-35942> (дата обращения 25.04.2019).

²⁸ Звернення Президента у зв'язку з Днем Героїв Небесної Сотні. 20.02.2017. URL: <http://www.president.gov.ua/news/zvernennya-prezidenta-u-zvyazku-z-dnem-geroyiv-nebesnoi-sot-40110> (дата обращения 25.04.2019).

Впрочем, стремление России ликвидировать украинскую государственность Порошенко находит в российской политике задолго до конфликта в Донбассе. В рамках этой логики он берется утверждать, что еще до Майдана *«наши соседи вместе с пятой колонной внутри Украины уже все решили. И за нас, и без нас. Ускоренными темпами шел процесс полного демонтажа украинской государственности»*²⁹. Украинский президент не жалеет эпитетов для описания планов России по ликвидации украинской государственности: *«Украину опутывали непосильными долгами. Целенаправленно... разрушали Вооруженные Силы Украины, украинскую армию. Спецслужбы уничтожались под управлением иностранных граждан»*³⁰.

Конструируя образ России как империи, осуществляющей в отношении Украины агрессивную колониальную политику, Порошенко акцентирует внимание на отличиях, которые существуют между двумя странами. Именно они и превращают Россию в конституирующего Другого.

Порошенко указывает на *«цивилизационные отличия от авторитарной, гиперцентрализованной России, которая только носит название федерация»*³¹. Не менее важными являются и отличия в политической культуре.

Наконец, значимыми являются и ценностные отличия: *«Они [украинцы] выбрали европейские ценности: демократию, верховенство права, уважение прав человека и его достоинства, которые ментально близки и исторически свойственные украинцам»*³².

Необходимо специально отметить, что весь репертуар метафор и идеологем, использовавшийся в публичных выступлениях П. Порошенко и проанализированный выше, являлся в течение всего периода украинской независимости своего рода работающей риторикой украинских националистов. Этот нарратив активно использовался в публично-политическом дискурсе. Обращение к нему П. Порошенко и его спичрайтеров явилось следствием необходимости обеспечить поддержку наиболее активных сегментов украинского общества, вовлеченных в актуальный политический процесс.

Заключение

Если подвести определенный итог проведенному анализу, то можно констатировать, что Россия в публичных выступлениях президента П. Порошенко выступает как негативный конституирующий Другой, ключевые характеристики которого тезисно могут быть описаны следующим образом.

1. Россия – это империя безотносительно к исторически фиксируемому этапу развития.
2. Российская империя стремится уничтожить Украину как самостоятельного субъекта международных отношений, а украинский народ – как носителя национальной идентичности.
3. В риторике П. Порошенко советский этап рассматривается не в логике реализации модернизационного проекта, а как очередная реинкарнация Российской империи. Российская Федерация в этом контексте наследует предшествующему имперскому опыту и стремится восстановить статус (советской) империи.
4. Имперский статус России реализуется в проводимой ей по отношению к Украине колониальной политике.

²⁹ Звернення Президента України з нагоди Дня Гідності та Свободи. 21.11.2014. URL: <http://www.president.gov.ua/news/zvernennya-prezidenta-ukrayini-z-nagodi-dnya-gidnosti-ta-svo-34099> (дата обращения 10.08.2015).

³⁰ Там же.

³¹ Виступ Президента на Раді регіонального розвитку. 09.09.2015. URL: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-na-radi-regionalnogo-rozvitku-35947> (дата обращения 25.04.2019).

³² Виступ Президента України Петра Порошенка на 12-й Щорічній зустрічі Ялтинської Європейської Стратегії (YES). 11.09.2015. URL: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-ukrayini-petra-poroshenka-na-12-j-shorichn-35956> (дата обращения 25.04.2019).

5. Концентрированным выражением всех перечисленных вневременных характеристик российской имперскости выступает ее актуальная агрессивная политика по отношению к современной Украине.

Очевидно, что риторика публичных речей лидеров государств является важнейшим символическим ресурсом, легитимирующим реализуемый ими политический курс. Вместе с тем конструируемую нормативную картину реальности и воспроизводство институционального порядка, который подлежит соответствующим риторическим техникам легитимации, стоит рассматривать как автономные по отношению друг к другу сферы политики.

В этой связи украинский вариант конструирования макрополитической идентичности, центрированной на воспроизводстве образа России как негативного конституирующего Другого, отчетливо воплотившейся в проанализированной выше президентской риторике П. Порошенко, со всей очевидностью закрывает диалоговые форматы выстраивания двусторонней межгосударственной коммуникации.

Список литературы

- Антонова И. Б.** Президентская и политическая риторика как средство моделирования реальности: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Востоковедение. 2013. № 1 (102). С. 144–154.
- Бурдьё П.** О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.
- Касьянов Г.** Голодомор и строительство нации // Pro et Contra. 2009. Май – август. С. 24–42.
- Касьянов Г. В.** Историческая политика в Украине: и десять, и двадцать лет спустя // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2020. С. 483–521.
- Кириченко В.** Концептуализация политического пространства (на примере анализа образа Запада в дискурсе президентов Украины и Беларуси) // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 117–127.
- Малинова О. Ю.** Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. М., 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 5–16.
- Малинова О. Ю.** Риторика политического лидера как индикатор значимости Другого. США и КНР в выступлениях президентов РФ (2000–2015 гг.) // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 21–37.

References

- Antonova I. B.** Prezidentskaya i politicheskaya ritorika kak sredstvo modelirovaniya real'nosti: k postanovke problemy [Presidential and Political Rhetoric as a Mean of Modeling Reality: Formulating the Problem]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Vostokovedeniye* [Bulletin of the RSUH. Series: Political science. History. International Relationships. Oriental Studies], 2013, no. 1 (102), pp. 144–154. (in Russ.)
- Bourdieu P.** O gosudarstve: kurs lektzii v Kollezh de Frans (1989–1992) [On the State: Lectures at the College de France (1989–1992)]. Moscow, Publishing House “Delo” RANEPa, 2016, 720 p. (in Russ.)
- Kasyanov G.** Golodomor i stroitel'stvo natsii [Holodomor and Nation Building]. *Pro et Contra*, 2009, May – August, pp. 24–42. (in Russ.)
- Kasyanov G. V.** Istoricheskaya politika v Ukraine: i desyat', i dvadtsat' let spustya [Historical Politics in Ukraine: Both Ten and Twenty Years Later]. In: *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy: akторы, instituty, narrativy* [The Politics of Memory in Modern

Russia and Eastern Europe: Actors, Institutions, Narratives]. St. Petersburg, EUSP Publ., 2020, pp. 483–521. (in Russ.)

Kirichenko V. Kontseptualizatsiya politicheskogo prostranstva (na primere analiza obraza Zapada v diskurse prezidentov Ukrainy i Belarusi) [The Conceptualization of the Political Space (Based on the Example of Analysis of the Image of the West in the Discourse of the Presidents of Ukraine and Belarus)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2009, no. 4 (30), pp. 117–127. (in Russ.)

Malinova O. Yu. Ritorika politicheskogo lidera kak indikator znachimosti Drugogo. SShA i KNR v vystupleniyakh prezidentov RF (2000–2015 gg.) [Rhetoric of political leaders as an indicator of significance of the Other: comparative analysis of references to the USA and PRC in the context of legitimization of political course of the Russian presidents (2000–2015)]. *Polis. Politicheskies issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2016, no. 2, pp. 21–37. (in Russ.)

Malinova O. Yu. Simvolicheskaya politika: kontury problemnogo polya [Symbolic Politics: the Contours of the Problem Field]. In: Simvolicheskaya politika [Symbolic politics]. Collection of the Scientific Papers. Moscow, 2012, vol. 1, pp. 5–16. (in Russ.)

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Березняков, кандидат политических наук

Сергей Васильевич Козлов, кандидат исторических наук

Information about the Authors

Dmitry V. Bereznyakov, Candidate of Sciences (Politics)

Sergey V. Kozlov, Candidate of Sciences (History)

Статья поступила в редакцию 17.02.2022;

одобрена после рецензирования 17.03.2022; принята к публикации 25.03.2022

The article was submitted 17.02.2022;

approved after reviewing 17.03.2022; accepted for publication 25.03.2022

Научная статья

УДК 81'42 + 81'38 + 070

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-79-88

Альтернативный вопрос в YouTube-интервью: лингвистический, прагматический, когнитивный аспекты

Ирина Всеволодовна Высоцкая

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

i.vysotskaia@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3098-3143>

Аннотация

Альтернативный вопрос модели N_1 или $N_1?$ рассматривается многоаспектно в лингвистическом, прагматическом, когнитивном аспектах. Это ситуативно или контекстуально неполное предложение. На основании регулярной неполной реализации языковой модели формируется самостоятельная синтаксическая конструкция, в которой идея выбора реализуется за счет грамматических, а не лексических средств. Вопрос такого типа широко используется в интервью на YouTube-каналах «вДудь» (признан иноагентом), «Осторожно: Собчак», «RTVI: Специальный гость», «Скажи Гордеевой». Он позволяет интервьюеру реализовать разные интенции и создать бинарные оппозиции на основе контекстуальной омонимии. Сценарии речевого поведения интервьюируемого могут реализовать стратегию кооперации или конфронтации. Альтернативный вопрос акцентирует бинарность мышления и воплощает стратегию поляризации.

Ключевые слова

культура вопрошания, альтернативный вопрос, многоаспектный подход, YouTube-интервью, бинарная оппозиция, поляризация мышления, конвергентное мышление

Для цитирования

Высоцкая И. В. Альтернативный вопрос в YouTube-интервью: лингвистический, прагматический, когнитивный аспекты // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 79–88. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-79-88

The Alternative Question in YouTube-Interview: Linguistic, Pragmatic and Cognitive Aspects

Irina V. Vysotskaya

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

i.vysotskaia@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3098-3143>

Abstract

Within the framework of the culture of questioning we have explored alternative questions that occupy an intermediate position between the well-known open and closed questions. In terms of language, this is a situational or contextually incomplete sentence. Based on the regular incomplete implementation of the language model, we can speak about the formation of an independent interrogative syntactic structure “ N_1 or $N_1?$ ”, in which the idea of choice is realized through grammatical rather than lexical means. In this case, the semantics of the construction actualizes the meaning of the disjunctive conjunction *or*. In terms of media communication, it is important that this type of question is widely used in interviews on the popular video hosting platform YouTube (in particular, on the channels “Wdud” (recognized

© Высоцкая И. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 79–88
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 79–88

as a foreign agent), “Caution: Sobchak”, “Tell Gordeeva”, RTVI: “Special Guest”). The alternative question is the element of play, agonality, competition. It is usually included in a series of short questions of the “Blitz” section and allows the interviewer to realize different intentions: to update important topics of the conversation or to touch on new areas. In this case, a binary opposition is created based on contextual homonymy, which allows assessment according to the principle: “friend or foe”. Various scenarios of the interviewee's speech behavior have been identified. The co-operation strategy is implemented in different versions of the answer to an alternative question; the strategy of confrontation is the refusal to answer (direct or indirect). Alternative questions emphasize the binary nature of thinking, embody the strategy of polarization.

Keywords

culture of questioning, alternative question, multidimensional approach, YouTube interviews, binary opposition, polarization of thinking, convergent thinking

For citation

Vysotskaya I. V. The Alternative Question in YouTube-Interview: Linguistic, Pragmatic and Cognitive Aspects. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 79–88. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-79-88

Составной частью коммуникативной культуры является культура вопрошания, хотя «в важнейших пособиях по риторике, неориторике, коммуникатологии, психологии общения, теории коммуникации нет разделов или подразделов, так или иначе посвященных культуре вопроса, вопросительной стратегии коммуникации» [Максимова, 2018, с. 109]. По-другому обстоит дело в учебных пособиях по журналистике. Так, М. М. Лукина [2003] представляет иерархию вопросов (основные и дополнительные), а также отмечает их коммуникативную эффективность. Однако и упорядочение типологии вопросов, и оценка их прагматического потенциала крайне актуальны как для теории медиалингвистики, так и для журналистской практики.

Хорошо известно противопоставление открытых и закрытых вопросов (предполагающих развернутый и однозначный ответы). Альтернативные вопросы занимают промежуточное положение между ними, поскольку в их формулировке содержатся варианты ответов, предполагающие возможность выбора. Ответы на такие вопросы не однозначны и не развернуты.

Альтернативный вопрос стал **объектом** исследования. **Новизна** работы связана с объектом и многоаспектным подходом к его описанию, а также и с **материалом** исследования, большую часть которого составили портретные интервью в программах «ВДудь»¹, «Осторожно: Собчак», «RTVI: Специальный гость», «Скажи Гордеевой» на платформе видеохостинга YouTube, второго в мире по популярности веб-сайта².

Констатируя «всплеск» исследовательского интереса к YouTube-интервью в целом, выделим научные труды, посвященные инновациям в драматургии и технологии интервью [Яблоновская и др., 2020; Иссерс, 2021] и факторам успешности интервьюеров [Амиров, Мамедова, 2021]. Вопросы же в этих работах анализируются преимущественно с точки зрения их функции («развивающие, уточняющие») или тематики, соответствия этическим нормам («неудобные, провокационные») [Яблоновская и др., 2020, с. 230–231], но не с точки зрения формальной организации. Изучение репертуара языковых средств **актуально** в той же мере, в какой актуально исследование других аспектов медийного речевого поведения.

Рассмотрим альтернативный вопрос в YouTube-интервью с точки зрения языка, коммуникации и мышления.

Лингвистический аспект. Альтернативные вопросы (самый известный из них, пожалуй, «*Быть или не быть?*») различны по структуре (простые – сложные) и полноте реализации языковой модели (полные – неполные). Ср. (отметим некорректность обоих вопросов): 1) *Кого ты больше любишь: маму или папу?* – 2) *Скажи, маленькая, что ты хочешь? Чтоб*

¹ YouTube-канал признан иноагентом.

² Рейтинг топ веб-сайтов. Самые посещаемые веб-сайты за ноябрь 2021 / Similarweb. URL: <https://www.similarweb.com/ru/top-websites/> (дата обращения 10.01.2022).

тебе оторвали голову или ехать на дачу? (к/ф «Подкидыш», 1939). В первом случае предмет выбора выражен с помощью дополнений в винительном падеже, во втором – с помощью односоставных предложений разных типов (неопределенно-личного и инфинитивного). Ср. также: *За Луну или за Солнце?* (в СССР – детская игра-шутка ³).

Нас интересуют субстантивные вопросы с разделительным союзом *или* со значением взаимоисключения, построенные по структурной схеме: *N или N?: Жизнь или кошелек? Чай или кофе?* и под. Рассмотрим их компоненты и отношения между ними.

Лингвистическая квалификация таких конструкций неоднозначна (поэтому номер падежа в символической записи структурной схемы нами не указан). На первый взгляд однородные члены предложения выражены формами именительного падежа существительных (с субъектным значением), однако это предложение следует интерпретировать как ситуативно неполное, в котором не вербализована идея собственно выбора: [Что ты хочешь сохранить:] *жизнь или кошелек?* [Что тебе предложить:] *чай или кофе?* В этом случае можно квалифицировать компоненты предложения как формы винительного падежа имен существительных (со значением прямого объекта). Обратим внимание, что первое предложение выражает угрозу (как и приведенная выше знаменитая фраза из к/ф «Подкидыш»), а второе – приглашение к чае(кофе)питию.

Вопросительную конструкцию *N или N?* можно трактовать как изолированный фрагмент текста, в котором «субстантивные словоформы употребляются в именительном падеже вместо ожидаемого винительного» [Бабайцева, 2000, с. 575]. Это синкретичные образования, совмещающие значение грамматического субъекта и логического предмета. Разумеется, «наличие контекста облегчает квалификацию структурно-семантического типа неполного предложения» [Бабайцева, 2015, с. 327]. К примеру, однословные вопросительные предложения: *Что Вы больше всего любите? Книги? Приключения? Животных? Спорт?* (И. Федорович), – с учетом предшествующего контекста можно охарактеризовать как двусоставные неполные.

В случае с ситуативно неполными предложениями однозначная интерпретация возможна далеко не всегда. К примеру, альтернативный вопрос *Сова или жаворонок?* (Татьяна Толстая. Встреча с читателями, 20.10.2018) воспринимается как предикат неполного двучленного суждения с невербализованным субъектом *Вы*. Форма вопроса определяется здесь однозначно как именительный предикативный.

Устный характер коммуникации допускает вопросы любых структурных типов. По мнению С. Г. Ильенко, «коммуникативное превосходство» неполного предложения состоит в том, что актуализация высказывания достигается в нем наиболее эффективным и прямым способом, а именно рематизацией неполного предложения, т. е. тенденцией сохранения в нем только ремы при своеобразной «ампутации» тематической части [Ильенко, 2003, с. 56]. Актуализированная рема вопроса *N или N?* позволяет воспринимать его компоненты как словоформы в именительном падеже, что соответствует тенденции к анализируемости в современной русской речи.

Изолированное употребление вопроса (без восстановления контекста) позволяет воспринимать его как односоставное номинативное предложение, хотя обычно между однородными подлежащими в таких предложениях отмечаются отношения перечисления и соединения, но не разделения. Вероятно, можно говорить о формировании самостоятельной вопросительной синтаксической конструкции *N₁ или N₁?* на основании регулярной неполной реализации языковой модели.

Союз *или* способен оформлять два вида разделительных отношений: собственно разделительные, акцентирующие взаимоисключение, несовместимость, либо соединительно-разделительные, несобственно разделительные, предполагающие синтез тождества (равнозначности) и разграничения (выбора) [Русская грамматика, 1980, с. 627]. Дифференцирующую

³ За предсказуемым ответом «За Солнце» следовала реплика: «За пузатого японца» (ирон.), «верным» считался ответ «За Луну», за которым следовало одобрителное: «За советскую страну».

функцию выполняет контекст. Вероятно, важны и лексическое наполнение, и коммуникативная ситуация, и собственно сама форма конструкции, содержащая члены бинарной оппозиции в отношениях взаимоисключения.

Вопросительное предложение обладает максимальной (из всех трех функциональных типов) направленностью к собеседнику: выражает «запрос на его ответное речевое действие» (мысль С. Г. Ильенко, цит. по: [Максимова, 2018, с. 109]). С точки зрения текстообразования важно, что вопрос формирует вопросно-ответное единство. Ответ на альтернативный вопрос непредсказуем, но прогнозируем и (чаще) краток, поскольку предполагает повтор одного из компонентов вопроса.

Прагматический аспект. Проанализируем альтернативный вопрос в процессе медийной коммуникации с позиций участников видеоинтервью. Вопросы такого типа активно функционируют в той части беседы, которая называется «Блиц» (от нем. *blitz* ‘молния’), представляет собой серию коротких вопросов и обычно завершает беседу.

Этот прием использует, к примеру, Юрий Дудь* («вДудь», выходит с 2017 г., восьмое место в рейтинге каналов YouTube за 2021 г.: 9,7 млн подписчиков; 1,6 млрд просмотров)⁴. «Блиц», завершающий интервью с Владимиром Познером⁵, содержит вопросы разных типов (здесь и далее декодирование аудиовизуального текста наше. – И. В.): закрытые (*Россия – Европа? Вы счастливый человек? Бывали ли Вы близки к тому, чтобы сделать татуировку?*); открытые (*Три качества, которые бесят Вас в других людях? Последнее матерное слово, которое вы произносили?*); альтернативные (*Русские девушки или французенки? Хайп или андеграунд?*).

Финалом интервью с Дмитрием Киселёвым⁶ стал альтернативный вопрос «*Деньги или честь?*» и ответ «*Честь*». Заметим, что это интервью (свыше 11 млн просмотров, 186 тыс. лайков, 393 тыс. дизлайков – дата обращения 02.10.2021) послужило информационным поводом для множества журналистских материалов, в которых по-разному оценивалась работа интервьюера и высказывались сомнения в честности ответа спикера именно на этот вопрос. Интересно, что на этот же вопрос другой гость Дудя*, Александр Гордон⁷ (свыше 14 млн просмотров, 427 тыс. лайков, 32 тыс. дизлайков – дата обращения 02.10.2021), ответил: «*Деньги*», и этот ответ тоже вызвал множество комментариев и шквал критики.

Окказиональность речевых антиномий создает комический эффект, особенно если он акцентирован с помощью паронимической аттракции, при включении в оппозиционную пару созвучных слов: *Хороший секс или хороший стейк?*⁸ Очевидно, что альтернативные вопросы отражают основные тематические доминанты индивидуального стиля ведущего (см.: [Иссерс, 2021]) и могут быть провокационными.

Актуализацию альтернативного вопроса встречаем в программе «Осторожно: Собчак» (выходит с 2019 г., 76-е место в рейтинге каналов YouTube за 2021 г.: 2,6 млн подписчиков; 479,3 млн просмотров). В рубрике «Суперигра» Ксения Собчак предлагает своим гостям выбрать одну из двух карточек (наподобие игральных карт, обычно с портретами). Речевое действие при этом сопровождается жестом, действием физическим, и визуализирует выбор (умозрительный при устном ответе). Ренате Литвиновой⁹ в суперигре предложено в качестве

* Здесь и далее знаком «звездочка» обозначены лица, признанные иноагентами.

⁴ Рейтинг каналов YouTube. Люди и блоги. URL: https://whatstat.ru/channels/people_blogs (дата обращения 10.01.2022).

⁵ Познер – о цензуре, страхе и Путине. вДудь, 18.10.2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wg-TMymYSwE>.

⁶ Киселев – брат в США, племянник на войне, пенсия. вДудь, 06.02.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7JrIAY5G7jE>.

⁷ Гордон – от «Закрытого показа» до «Мужское / Женское» (English subs). вДудь, 03.08.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wCCvi-LRQrM>.

⁸ Нагиев – пенсии, стих в Кремле. вДудь, 08.10.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7tKb5u52nSE>.

⁹ Рената Литвинова: «Северный ветер», Сурков и Земфира. Осторожно: Собчак, 04.03.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=98JY6Px7Mw8>.

дополнительного действия бросать на пол проигравшую карту. В ряде программ выбор проводится по схеме футбольного чемпионата: четвертьфинал – полуфинал – финал.

В завершение разговора с Андреем Малаховым¹⁰, в котором поднималась тема его ухода с «Первого» на телеканал «Россия», ведущая предлагает поочередно пять пар карт с портретами сотрудников обоих каналов с вопросом: *Кто более профессиональный человек? (из представленных)*. Далее звучат вопросы:

Петр Толстой или Киселев?

Наиля Аскер-заде или Юлия Меншова?

Дуэты Скабеева и ее супруг [Е. Попов] и Шейнин [с Кузичевым]?

Соловьев или Познер? Кто профессиональнее?

Константин Эрнст или Олег Добродеев?

Идея соревновательности визуализирована: внизу экрана (в левом и правом углах) видны карты, сверху – общий счет («сухая» победа телеканала «Россия»).

Альтернативный вопрос дает зрителю возможность предугадать ответ и сопоставить с собственной версией, т. е. добавляет элемент игры, агональности, напряжения, интриги, развлекательности, и способствует превращению классического интервью в «интервью-шоу» [Амиров, Мамедова, 2021, с. 36]. В программе К. Собчак суперигра строится не только на альтернативных вопросах: зритель быстро привыкает, и прием утрачивает свою привлекательность.

Интервьюеру этот прием позволяет реализовать разные интенции: актуализировать вопросы, поднятые ранее или, напротив, затронуть новые сферы, не связанные с основной частью беседы. Так, первый «блиц» в программе Тины Канделаки «Специальный гость» (на канале RTVI) с Сергеем Шнуровым¹¹ включал восемь вопросов, связанных с разными периодами его жизни и творчества:

Шоу-бизнес или политика?

Партия или президент?

Баста или Пригожин?

«Пфайзер» или «Спутник»?

«Зенит» или сборная России?

Алкоголь или ЗОЖ?

RTVI или «Голос»?

Все «офигенно просто» или «просто офигенно»? (трансформированная цитата из песни группы «Ленинград» с эвфемизацией обсценизма).

Как видим, бинарная оппозиция может включать разные языковые единицы: словоформы и словосочетания, имена нарицательные и собственные (называя представителей разных направлений, они становятся культурными знаками). В этом отношении показателен блок «дополнительных» вопросов из сферы культуры, завершающих интервью на внутриполитические темы с Дмитрием Песковым¹²:

Пелевин или Сорокин?

«Гражданская оборона» или «Сектор Газа», Дмитрий Сергеевич?

Оксимирон или Слава КПСС?

Различны сценарии речевого поведения интервьюируемого при ответе на вопрос: *А или Б?* К стратегиям кооперации относятся:

- 1) выбор одного из вариантов (*А / Б*);
- 2) совмещение обоих вариантов (*А и Б*);

¹⁰ Андрей Малахов: о Навальном, Эрнсте и духовнике Путина. Осторожно: Собчак, 06.11.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vHOGpwFyEng>.

¹¹ Шнуров оказался перед Путиным. Почему не сказал, что «хватит». RTVI Особый выпуск «Специального гостя», 17.12.2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=sR6c45RM_W4.

¹² Давление на журналистов, пытки в России и «кто, если не Путин». Дмитрий Песков. Интервью. RTVI Специальный гость, 17.12.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZgCyEf0bPYg>.

3) предложение своего варианта (В).

Первая стратегия наиболее предсказуема, третья парадоксальна, вторая представлена в ответе Винни-Пуха на вопрос Кролика: – *Пух, э-э... тебе фто намазать [на хлеб]? Мёду или сгущённого... молока? – И того, и другого! И можно без хлеба*¹³. Ср.: *Одного нашего знакомого спросили: – Что ты больше любишь – водку или спирт? / Тот ответил: / – Ой, даже не знаю. И то и другое настолько вкусно!..* (С. Довлатов).

Отказ от выбора реализует, скорее, стратегию конфронтации, поскольку гость, используя свое право не отвечать, меняет предложенный ведущим сценарий интервью. Отказ может быть прямым или косвенным (*ни А, ни Б*): на вопрос «Оксимирон или Слава КПСС?» Дм. Песков (см. выше) ответил: «*Не знаком с творчеством ни того, ни другого*».

Продемонстрируем реализацию разных стратегий в ответах гостей YouTube-канала «Скажи Гордеевой», молодого (первый выпуск в сентябре 2021 г.), но быстро развивающегося (295 тыс. подписчиков – по состоянию на 02.10.2021, 418 – на 04.01.2022). В первых программах рубрики «Блиц» не было, позднее она появляется и становится обязательным компонентом интервью, причем Катерина Гордеева обычно использует блок вопросов, предваряя его репликой: *Короткие вопросы*. Альтернативный вопрос сопровождается характерными жестами рук (вправо и влево), подчеркивающими полярность ответов, или словесной формулой: *Выберите, пожалуйста... или: Если бы ты выбирал... и под.*

Наиболее частотны вопросы: ***Милосердие или справедливость? Свобода или стабильность? Правда или безопасность? Карьера или семья?***

Кроме того, задаются индивидуальные вопросы, реализующие антиномии, важные именно для этого гостя. Так, певицу Манижу¹⁴ Гордеева спрашивает, помимо прочего, о выборе между «Евровидением» и любовью:

- ***Милосердие или справедливость?***
- *Милосердие.*
- ***Свобода или стабильность?***
- *Свобода.*
- ***Правда или безопасность?***
- *Правда.*
- ***Карьера или любовь?***
- *Любовь.*
- ***Любовь или «Евровидение»?***
- *Любовь. (смех)*
- *Ну, если бы выбрала «Евровидение», все равно бы поверили.*
- *Потому что любовь.*

Ср. интервью с художником по костюмам Викторией Севрюковой¹⁵, последний вопрос к которой вульгарен и вообще непонятен вне контекста программы:

- ***Чехов или Шекспир?***
- *Ну это прям какой-то... Так нельзя ставить вопрос ребром. М-м... Чехов.*
- ***Диор или Ив Сен-Лоран?***
- *Слава Зайцев.*
- *Почему?*
- *<...>*
- ***Театр или кино?***
- *Театр.*

¹³ «Винни Пух идет в гости» (мультфильм, 1971) (авт. сценария Б. Заходер, Ф. Хитрук).

¹⁴ Манижа: «Таких, как я, – все!». Скажи Гордеевой, 23.04.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zCXkLrvQxSQ&list=PLJyHyjiNEvI0RzZtAQhWxO2gHyJizN0sp&index=1>.

¹⁵ Виктория Севрюкова: «История России в трусах». Скажи Гордеевой, 28.09.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=doHg91oBSyw>.

– **Платье или трусы?**

– **Трусы.**

Гостья отмечает сложность выбора между Шекспиром и Чеховым, подбирая нужное слово и раздумывая. (Другие герои интервью в случае затруднения используют прерванные предложения, прагматические маркеры и проч.). Парадоксальный ответ на вопрос о Диоре и Ив Сен-Лоране провоцирует вопрос ведущей: **Почему?** и дает возможность гостье перехватить инициативу и рассказать о Вячеславе Зайцеве.

В ответ на вопрос о выборе между карьерой / Творчеством и любовью / семьей выбирают *любовь* (Манижа, Евгения Добровольская, Юлия Высоцкая) или *семью* (Евгений Цыганов). Противоположный ответ дается в вариантах, коннотативный потенциал которых различен: *творчество* (Владимир Мишуков), *кино* (Федор Бондарчук), *карьера* (Дарья Мороз). Выбор часто сопровождается авторским комментарием. Ср.: **Как это ни цинично звучит, но карьера – ...Ну вот получается, да, если спросить, что волнует, что главное, ну могут многие обидеться, но это не про них, не про близких, я их очень люблю всех, я готов отдать жизнь за них, всё, что угодно, но кино... я болен, как угодно...** Уходя от однозначного ответа, Екатерина Шульман* воспроизводит реплику Винни-Пуха: **И то, и другое, и можно без хлеба. Что ж такое-то? Никогда не позволяйте ставить себя перед ложными выборами...**

Выбор между явлениями предметного мира дается легче, чем между абстрактными, умопостигаемыми, понятиями (милосердием и справедливостью): *Справедливость. И милосердие. Ну как бы оно для меня неразрывно* (Д. Мороз); *Это не одно и то же? А, справедливость или милосердие? Ну что такое милосердие? В смысле: несправедливое милосердие? Я так, простите, без контекста, не понимаю* (Евг. Цыганов); *Справедливое милосердие* (Евг. Добровольская); *Так, ушли в какой-то... опасные края. Справедливость включает в себя милосердие* (Ек. Шульман*).

Часто вопрос провоцирует рассуждение по поводу значения слов, и на «короткие» вопросы даются длинные ответы, как в беседе с Ю. Высоцкой¹⁶:

– **Свобода или безопасность?**

– Свободы не существует вообще, поэтому безопасность.

– **Свобода или стабильность?**

– Свободы не существует. Ну, стабильность... **Что значит стабильность? Я не знаю. Я действительно не верю в то, что есть свобода. Я вообще не понимаю, что это за понятие. Оно какое-то, знаете, философски (замаясь)... Вы свободный человек?**

– Отчасти.

– Я не свободный. **Я не понимаю, что такое свобода, потому что для меня свобода – это одиночество...** Я свободна была только тогда, когда я была студенткой. Вот только тогда. Потому что я тогда оторвалась от родителей, от дома, и я была сама по себе. И от меня никто не зависел, и я не зависела ни от кого...

– Я сейчас поняла, что вы имеете в виду. Вы первый человек, который, отвечая на этот вопрос, имел в виду **свободу личную**.

– Да, конечно.

– А я-то имею в виду **государственную**.

В процессе беседы коммуниканты выделяют разные виды свободы, причем ведущей приходится объяснять, что стоит за ее коротким вопросом.

Евг. Цыганов¹⁷ выбор между свободой и стабильностью объясняет акустическими причинами: *Свобода? Это тоже, это какое-то слово большое. Свобода, свобода. Стабильность. Ну, свобода... Звучит просто симпатичней, чем стабильность.*

¹⁶ Юлия Высоцкая: «Я не позволю вам увидеть, чтобы я плакала». Скажи Гордеевой, 02.04.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QxX4X7jJI4s>.

¹⁷ Евгений Цыганов: «То, что мы делаем сейчас, – это вообще из ряда вон». Скажи Гордеевой, 01.06.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8wdyjaPsiBg>.

Он эмоционально критикует альтернативный вопрос вне контекста: *Ну, смотря про что мы говорим. Я так не умею, понимаете? Мишка или кошка? Как бы... И что? Какой мишка? Какая кошка? И что мне с ними делать? Смотри для чего... Чтобы их есть или чтобы с ними спать? Ну, то есть вот это вот. Чёрт.. Что, мишка или кошка?*

Ек. Шульман* подчеркивает некорректность антиномии правды и безопасности (М-м... *Опять, опять эти рога дилеммы... Опять ложные дихотомии. И то, и другое*), свободы и стабильности (*Не бывает стабильности без свободы. Тут немножко попроще...*)¹⁸ и др.

Таким образом, гости К. Гордеевой часто прибегают к стратегии ухода от прямого ответа, выбирая стратегию «два в одном» или «нечто третье», не стесняясь критиковать ведущую за формулировки вопроса и отказываться отвечать. Заметим, что отказ от прямого ответа не является коммуникативной неудачей, поскольку целью интервью является создание образа героя, а этому способствуют и сама ситуация выбора, и любая эмоциональная реакция на нее, и размышления, спровоцированные вопросом.

Когнитивный аспект. Наблюдения за функционированием альтернативного вопроса в YouTube-интервью подтверждают известную Платоновскую мысль «Вопрос труднее ответа» [Гадамер, 1988]. Вопрос модели N_1 или N_1 ? актуализирует антиномию, создание которой иногда становится важнее собственно ответа.

Журналисты, как правило, акцентируют взаимоисключение, особенно в связи с наиболее «острыми» темами. Выбор одного из членов бинарной оппозиции позволяет интервьюеру (и зрителю!) сравнить позицию гостя с собственной и на этом основании оценить его по принципу: «свой – чужой». В этом отношении весьма показательная «суперигра», завершающая беседу К. Собчак с Натальей Поклонской¹⁹, которой были предложены карточки с описанием ситуации и альтернативные вопросы разных структурных типов: субстантивные и инфинитивные. Заметим, что Поклонской не удалось отказаться от ответов, хотя выбор сопровождался уточнением и обсуждением ситуации. Вероятно, необходимость действия с карточкой усложняет отказ от речевого действия.

Разделительный союз *или* часто маркирует противопоставление и воспринимается как знак противостояния *vs* (лат. *versus* – ‘против’), популярный в современном русском медийном дискурсе. При многократном повторении альтернативный вопрос становится формой поляризации мышления (которая в крайних проявлениях представляет собой когнитивное искажение или даже расстройство) и может быть использован как средство манипуляции сознанием.

Попытки ухода от однозначности вполне закономерны и демонстрируют стремление к синтезу, взаимодополнению вместо взаимоисключения. Для открытых систем, способных к саморазвитию, четкое деление по «клеткам» классификации возможно далеко не всегда. При характеристике явлений языка и речи с позиций теории синкретизма принцип «или – или» заменен на «как то, так и другое» (см. работы В. В. Бабайцевой). Открытость, готовность к диалогу отличает конвергентное мышление (термин Дж. Гилфорда), направленное на схождение. Конвергенция понимается как тип коммуникации, как ментальное основание культуры, как антиавторитарный модус сознания (см.: [Тюпа, 2020]). В норме процессы дивергенции и конвергенции сосуществуют.

Итак, альтернативный вопрос модели *A или B?* – популярный полемический прием, который широко используется в YouTube-интервью.

На основании регулярной неполной реализации языковой модели формируется самостоятельная синтаксическая конструкция N_1 или N_1 ? Вопрос задается, как правило, без пояснений, поэтому идея выбора реализуется в нем за счет грамматических, а не лексических средств. Семантика конструкции актуализирует значение разделительного союза *или*.

¹⁸ Екатерина Шульман: «Пропаганда – это второе ядерное оружие». Скажи Гордеевой, 06.07.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=T9eJed3Vfbg>.

¹⁹ Наталья Поклонская: О Золотове и Сергии Романове, о вечном Путине и отравлении Навального. Осторожно: Собчак, 21.09.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RK4bPeUf624>.

В рамках определенного дискурса языковая форма становится средством реализации коммуникативной стратегии всех участников коммуникации: журналиста, его собеседника и наблюдающего их диалог зрителя.

Список литературы

- Амиров В. М., Мамедова С. Я.** Интервью: от классического жанра к современным форматам (на примере программ «Вдудь» и «А поговорить?») // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27, № 3. С. 30–37.
- Бабайцева В. В.** Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
- Бабайцева В. В.** Синтаксис русского языка. М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. 576 с.
- Гадамер Х.-Г.** Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. 704 с.
- Ильенко С. Г.** Об одном из синтаксических парадоксов: коммуникативное превосходство неполного предложения как следствие его структурной ущербности // Русистика: Избр. труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 47–56.
- Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии интервьюера Юрия Дудя: взгляд лингвиста на медийный феномен массовой культуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 20, № 6: Журналистика. 2021. С. 263–277. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-263-277
- Лукина М. М.** Технология интервью: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003. 188 с.
- Максимова Н. В.** Ответный вопрос в коммуникативной культуре // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, №. 6: Журналистика. С. 108–115. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-108-115
- Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 709 с.
- Тюпа В. И.** Литература и ментальность. М.: Юрайт, 2020. 231 с.
- Яблоновская Н. В., Езык А. В., Мустафаева Н. Д.** Жанр интервью на платформе русскоязычного сегмента YouTube: трансформации и медиатехнологии // Учен. зап. Крив. федерал. ун-та им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2020. Т. 6 (72), № 4. С. 225–238.

References

- Amirov V. M., Mamedova S. Ya.** Interv'yuy: ot klassicheskogo zhanra k sovremennym formatam (na primere programm "Vdud" i "A pogovorit'") [Interviews: from the classic genre to modern formats (using the example of the programs "Wdud" and "How to talk?")]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [News of the Ural Federal University Journal. Series 1: Problems of education, science and culture], 2021, vol. 27, no. 3, pp. 30–37. (in Russ.)
- Babaytseva V. V.** Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka [Phenomena of Transitivity in the Grammar of the Russian Language]. Moscow, Drofa, 2000, 640 p. (in Russ.)
- Babaytseva V. V.** Sintaksis russkogo yazyka [Syntax of the Russian Language]. Moscow, FLINTA; Nauka, 2015, 576 p. (in Russ.)
- Gadamer H.-G.** Istina i metod. Osnovy filosofskoi germeneyvtiki [Truth and Method. Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow, 1988, 704 p. (in Russ.)
- Ilyenko S. G.** Ob odnom iz sintaksicheskikh paradoksov: kommunikativnoe prevoskhodstvo nepolnogo predlozheniya kak sledstvie ego strukturnoi ushcherbnosti [On One of the Syntactic Paradoxes: The Communicative Superiority of an Incomplete Sentence as a Consequence of Its Structural Inferiority]. In: *Rusistics: Selected works*. St. Petersburg: A. I. Herzen of Russian State Pedagogical Uni. Press, 2003, pp. 47–56. (in Russ.)

- Issers O. S.** Communicative Strategies of an Interviewer Yury Dud: A Linguist's View of the Media Phenomenon in Mass Culture. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 6: Journalism, p. 263–277. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-263-277
- Lukina M. M.** Tekhnologiya interv'yu [Interview Technology]. Textbook for Universities. Moscow, Aspect Press, 2003, 188 p. (in Russ.)
- Maksimova N. V.** Answering question in communicative culture. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, pp. 108–115. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-108-115
- Shvedova N. Yu.** (ch. ed.). Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Moscow, Nauka, 1980, vol. 2: Syntax, 709 p. (in Russ.)
- Tyupa V. I.** Literatura i mental'nost' [Literature and Mentality]. Moscow, Yurayt, 2020, 231 p. (in Russ.)
- Yablonovskaya N. V., Ezyk A. V., Mustafaeva N. D.** Zhanr interv'yu na platforme russko-yazychnogo segmenta YouTube: transformatsii i mediatekhnologii [The Genre of Interview on the Platform of the Russian Language Segment of YouTube: Transformation and Mediatechnology]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki* [Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Philological Sciences], 2020, vol. 6 (72), no. 4, pp. 225–238. (in Russ.)

Информация об авторе

Ирина Всеволодовна Высоцкая, доктор филологических наук

Information about the Author

Irina V. Vysotskaya, Doctor of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 14.01.2022;
одобрена после рецензирования 14.02.2022; принята к публикации 05.03.2022
The article was submitted 14.01.2022;
approved after reviewing 14.02.2022; accepted for publication 05.03.2022

Научная статья

УДК 070

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-89-98

Интервью вместо концертов: актуализация ментативных интервью музыкантов в пандемию

Наталья Викторовна Максимова

Новосибирский государственный театральный институт
Новосибирск, Россия

maksimova1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6312-7824>

Аннотация

В бесконцертный период 2020 г. в интервью с известными музыкантами на портале ClassicalMusicNews актуализировалась тенденция, выявленная и описываемая автором статьи: традиционное нарративное интервью исчезает, так как событийный хронотоп музыкальных событий временно утрачивается, возникающую нишу занимает ментативное интервью. Автор описывает феномен ментативного интервью, вводит различительные признаки ментативного и нарративного интервью, предлагает понятие ментативной сетки вопросов интервьюера, описывает методику анализа интервью с этих позиций. Интерпретация тенденции к актуализации ментативного интервью разрабатывается по четырем линиям: влияние экстралингвистических факторов на дискурсивное пространство, трансформация референции и видоизменение текста, состояние ментатива в истории словесности и закономерность его актуализации, степень освоенности нарратива и ментатива в дискурсе современности.

Ключевые слова

интервью с известным музыкантом, нарратив, ментатив, коммуникативные стратегии, бесконцертный период, интерпретация, ментативная сетка вопросов интервьюера

Для цитирования

Максимова Н. В. Интервью вместо концертов: актуализация ментативных интервью музыкантов в пандемию // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 89–98. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-89-98

Interviews Instead of Concerts: Updating Mentative Interviews with Musicians in the Pandemic Times

Natalya V. Maksimova

Novosibirsk State Theater Institute
Novosibirsk, Russian Federation

maksimova1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6312-7824>

Abstract

In the non-concert period of 2020, interviews with famous musicians on the ClassicalMusicNews portal show strengthening of the trend identified and described by the author in the previous publications. The traditional narrative

© Максимова Н. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 89–98
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 89–98

interview disappears, since the event chronotope of musical events is temporarily lost, the emerging niche is occupied by the mentative interview. The author describes the phenomenon of such type of interviews, introduces the distinctive features of mentative and narrative interviews, proposes the concept of a grid of questions for mentative interview, describes the methodology for analyzing interviews from this perspective. The interpretation of the tendency of actualizing the mentative interview is developed along four lines: the influence of extralinguistic factors on the discourse space, the transformation of reference and the modification of the text, the place of the mentative in the history of literature and the pattern of its actualization, the degree of mastery of the narrative and the mentative in the discourse of our time.

Keywords

interview with a famous musician, narrative, mentative, communication strategies, non-concert period, interpretation, mental grid of interviewer's questions

For citation

Maksimova N. V. Interviews Instead of Concerts: Updating Mentative Interviews with Musicians in the Pandemic Times. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 89–98. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-89-98

Постановка проблемы

Интервью – достаточно изучаемый жанр, описание типологий которого вошло не только в научную, но и в учебную литературу – учебники и учебные пособия по журналистике (см. [Ильченко, 2003; Колесниченко, 2008; Мажура, Тимофеева, 2019] и др.). В то же время разнородность классификаций интервью, представленная в этих и других работах, разрозненность вариантов описания свидетельствует о востребованности целостного взгляда на этот важнейший жанр журналистского дискурса. Отсутствие удобной для практического анализа классификации интервью дополнительно подчеркивает необходимость нахождения теоретических оснований для его типологизации с опорой на динамическую модель бытования разных поджанров, на представление о дискурсивной событийности современных практик и прогнозов дальнейшего функционирования этого жанра. Эти вопросы актуализируются в связи с практикой анализа современных процессов дискурсивной трансформации интервью, обусловленных социокультурной ситуацией.

Материалом исследования стали интервью известных музыкантов, прежде всего опубликованные на портале ClassicalMusicNews¹. Это интервью (2019–2021 гг.), в которых наблюдается смена коммуникативной парадигмы и концепции выстраивания интервьюером его иницилирующих реплик. В связи с этим был поставлен вопрос о факторах, обуславливающих динамику функционирования интервью в указанные годы: насколько социокультурные факторы предопределяют эту динамику и есть ли иные, в том числе внутриязыковые факторы, которые становятся ведущими в этой ситуации?

Основная тенденция, которая определяет функционирование интервью в эти годы, – актуализация ментативных компонентов. Прежде чем интерпретировать эту тенденцию, необходимо пояснить, что такое ментативные компоненты интервью, а также чему противопоставлены ментативные компоненты и ментатив в целом.

Нарратив и ментатив как исследовательская оппозиция

Все интервью можно разделить на две большие группы. Одни интервью – с доминантой хромотопического, нарративного типа: в них референция события рассказа и коммуникативный план события рассказывания описываются на основе отношений «где – когда – как – что произошло и кто участники события». Иного рода компоненты и отношения между ними подчинены этому нарративному типу доминанты. Такое интервью назовем нарративным.

¹ См. раздел интервью: <https://www.classicalmusicnews.ru/interview/> (дата обращения 28.12.2021).

Другие интервью – с доминантой акхронотопической, ментативной, где на первый план выходит размышление. Здесь разрабатывается и создается (самим актом интервью) ментальное событие. Доминирует становление, развертывание мысли, где отношения между компонентами можно обозначить с помощью вопросов *«почему – зачем – при каких условиях – что это есть – чему это противопоставлено – с чем это схоже – как это можно интерпретировать»* и др. Здесь ментальное событие выходит на первый план, подчиняя себе и концепцию, и коммуникативную стратегию интервью.

Различение двух видов интервью, важное как в теоретическом смысле, так и в методике описания конкретных жанровых фактов, опирается на оппозицию «нарратив / ментатив», разработанную и инструментализированную в филологических исследованиях. Если нарратив – достаточно изученное явление, описание которого имеет развитые традиции анализа (см. [Тюпа, 2016; Hansen et al., 2011] и мн. др.), то ментатив – это более позднее явление русской словесной культуры и менее изученный в научном плане феномен. Понятие ментатива было введено в работе [Максимова, 2005, с. 107–121]. Затем оно использовалось в исследованиях, в которых рассмотрению подвергалось и ментальное событие как таковое [Корчинский, 2015], и его текстовый субстрат, взятый в тех или иных актуальных для исторического и современного текстообразования ракурсах (см. [Кузнецов, Максимова, 2007; Глембоцкая, Кузнецов, 2021] и др.).

Однако оппозиция «нарратив / ментатив» не применялась ранее по отношению к интервью и в целом к жанровому изучению журналистских текстов. В настоящей статье данная оппозиция исследуется в связи с практикой журналистского дискурса в контексте изучения способов анализа интервью. И конкретнее – в связи с интерпретацией тенденций функционирования ментативного типа интервью в контексте новых социокультурных реалий.

Нарративное и ментативное интервью

В интервью с известными деятелями искусства, и конкретнее – с музыкантами, нарративное интервью концентрируется вокруг какого-либо культурного события, как правило, только что состоявшегося. Или, напротив, вокруг предстоящего культурного события. Это актуальное событие составляет, во-первых, референцию диалога, его когнитивную основу, т. е. концепцию интервью. Интервьюера и читателя (адресата интервью) интересует, *кто – где – когда – что – как именно...* будет исполнять, с чем выступать. Либо – если это уже состоявшееся событие – с чем и как выступил музыкант-собеседник, в каком конкурсе или фестивале участвовал. Эти и подобные вопросы интервью достаточно узнаваемы, а строящаяся на основе них концепция обращена к подробностям какого-либо значимого культурного события, к его интриге, деталям времени и места, к составу участников-музыкантов и их слушателей-зрителей. Всё это характеризует концепцию нарративного интервью, где доминирует акхронотопическая основа, сопровождающаяся подчиненным местом таких компонентов, как оценка, комментарии, рассуждения.

Во-вторых, актуальное музыкальное событие (актуальное для музыкантов, для самого интервьюера и для зрителей-слушателей данного интервью) предопределяет и специфику стратегической линии организуемого общения. Коммуникативная стратегия нарративного интервью определяется сверхзадачей интервьюера – быть таким собеседником и развернуть такой диалог, где общающиеся погружаются в акхронотоп события и погружают читателей-зрителей интервью в этот же событийный план. Сделать так, как будто бы мы побывали на концерте и видели (слышали) то, что там происходило, – основа коммуникативной стратегии нарративного интервью.

Заметим, что различение когнитивного и коммуникативного планов текста (соответственно его концепции и стратегии) – методологический компонент анализа как текстовых процессов, так и изоморфного им дискурсивного общения. Соположение (по отношению друг к другу) когнитивного плана (с принадлежащим ему понятием концепции) и коммуникатив-

ного плана (с центральным для него понятием стратегии) образует некий перпендикуляр. Когнитивный и коммуникативный планы входят на равных в целостную структуру дискурсивного события. Применительно к ментативу эта двусобытийная модель показана в работе [Максимова, 2005, с. 133–138]. При этом концепция (концептуально значимый смысл) рассматривается в традициях развертывания смысловой структуры текста [Дымарский, 1999, с. 45–63]. А под стратегией понимается ценностно значимая для речевого поведения говорящего и регулярно воспроизводимая в его действиях соотносительность типа речевого намерения и определенного типа текстовой формы. Эта двуплановость относится и к ментативному интервью.

В ментативном типе интервью когнитивный план концентрируется не вокруг конкретного (уже произошедшего или будущего) события, а вокруг размышления. Какое-либо музыкальное событие может лишь упоминаться, а отсылка к нему занимает подчиненное место в структуре размышления. Такое размышление может быть вообще не привязано ни к какому событию или же иметь лишь условную хронологическую привязку. Например, это может быть размышление о музыке как таковой (в разных аспектах ее восприятия, интерпретации). Здесь доминанта размышления подчиняет себе хронологические детали и образует концепцию интервью.

Коммуникативно-стратегический план ментативного интервью – особый. Сделать ментативное интервью столь же интересным, актуальным, событийным, привлекающим широкую аудиторию, как и нарративное, – это значит выстроить таким образом план диалога с музыкантом, чтобы читатель (слушатель) полноценно пережил ментальное событие, с интересом и личностными смыслами-мотивами погрузился в него. Развертывание ментального события характеризуется целым рядом признаков дискурсивной событийности размышления-понимания:

- смыслообразование, понимаемое как порождение новых смыслов и выраженное в интервью в интерпретирующем, обобщающем типе диалога;
- локальные точки удивления логико-смыслового и коммуникативного характера, которые актуальны как для собеседников интервью, так и для его зрителя (слушателя, читателя): например, намеренное столкновение разных точек зрения, различных мнений, парадоксальные цитаты и метафорические построения и т. п.;
- актуальность композиционно-мыслительной интриги интервью, обуславливающей коммуникативную динамику его ментально-дискурсивных поворотов;
- самобытность коммуникативных стратегий ментатива (таких, как отрицание, толкование, переоформление, развитие, применение и др.)²: распределенность процессов реализации стратегий в оригинальных диалогических единствах, где сама форма той или иной стратегии инициируется интервьюером и имеет преобразованный индивидуально-авторский вариант;
- двойная адресация интервьюера: провоцирование к размышлению непосредственного собеседника и косвенное, опосредованное (реже – прямое) предвосхищение и прогнозирование имеющихся у читателя-зрителя вопросов, ассоциаций, смыслов, интерпретаций;
- последствие ментативного плана (например, размышления, выраженные в комментариях читателей, реплики в чате, репосты).

Эти и другие составляющие ментального события в своем описании опираются на общее представление о событийности и уточнены в данном случае по отношению к ментативному интервью.

К методике исследования интервью

В настоящем исследовании мы говорим о методике различения нарративного и ментативного интервью с позиции интервьюера, которая составляет главный фокус изучения. Если

² Типология коммуникативных стратегий ментатива описана в работе: [Максимова, 2005].

сжать интервью до реплик интервьюера, то можно увидеть, какой тип концепции и стратегии формируется именно им. Такая процедура позволяет компактно представить отдельное интервью, сравнивать разные интервью между собой, анализировать прежде всего те установки и перспективы, которые разворачиваются благодаря коммуникативным действиям интервьюера. Однако это не означает, что реплики и текстовые фрагменты интервьюируемого остаются в стороне или не берутся во внимание. Напротив, они составляют обязательный контекст, с помощью которого верифицируется эффективность дискурсивных действий интервьюера. Более того, только с помощью этого контекста и может быть осуществлена исследовательская фокусировка, связанная с обнаружением особенностей стратегии и концепции конкретного ментативного интервью.

Материалом исследования выступили интервью наиболее «бесконцертного периода» – 2020 г. Сплошная выборка интервью позволила проанализировать тенденции, связанные с особенностями интервью этого (ядерного с точки зрения пандемии) периода по сравнению с интервью предшествующего (предпандемического) и последующего (ослабление мер ограничительного характера, 2021 г.) периодов. В результате были отобраны 11 интервью, выступивших материалом для данной статьи. Круг интервьюеров: Денис Бочаров, Екатерина Соколова, Сергей Уваров, Елена Поляковская, Елена Федоренко, Владимир Чинаев, Екатерина Бирюкова и др. Круг интервьюируемых музыкантов: Эдуард Артемьев, Евгений Кисин, Александр Сладковский, Максим Федотов, Галина Петрова, Марина Раку и др.

Методику анализа интервью дополняет также введение понятия «сетка вопросов» интервьюера. Различение нарративного и ментативного интервью и методика сжатия интервью до вопросов интервьюера дают возможность увидеть два типа сеток вопросов – с доминантой ментативной и нарративной перспективы. Нарративная сетка интервью узнаваема: исходные реплики-вопросы направлены на детализацию прошедшего или будущего музыкального события: *кто – что – где – когда...* состоялось. При этом ментативные компоненты если и есть, то носят характер попутных комментариев.

Обратимся к ментативной сетке. Одним из значимых аспектов ее построения является функционирование в репликах интервьюера диалогических стратегий ментатива, структура которых подробно исследована в работе [Максимова, 2005, с. 163–291]. Рассмотрим пример интервью со скрипачом М. Федотовым и пианисткой Г. Петровой³ (10.05.2020). Примечательно, что название интервью носит и ментативный (первая часть заголовка), и отчасти нарративный (вторая часть заголовка) характер: *«В творчестве Чайковского – вакцина от всего бездушного»: к 180-летию композитора*.

Нарративный тип интервью в предшествующий 2020 году период являлся привычным для поджанра «интервью с известным музыкантом». Рассматриваемый же пример интервью представляет собой новую тенденцию, связанную с доминированием интервью ментативного типа. Среди шести реплик интервьюера только вступительная и заключительная носят лишь отчасти нарративный характер, а ядро диалога – 4 срединные реплики – имеют ментативный характер, представляя собой ярко выраженные диалогические стратегии. Так, третья реплика интервьюера (*Однажды Вы сказали, что в современном мире классика должна быть другой. Что имело в виду?*) представляет собой стратегию *толкование*. Вводится в косвенной форме чужая речь (в данном случае это речь адресата), затем в виде вопроса функционирует типичный медиатор толкования (*Что имело в виду?*). А ответ собеседника как раз и представляет собой развернутое толкование. В интервью та или иная стратегия реализуется не в речи одного его участника, а в целом вопросно-ответном комплексе, распределенном между собеседниками и представляющем диалогическое единство.

Четвертая реплика анализируемого интервью (*Как классической музыке конкурировать сегодня с той огромной индустрией досуга, которая существует?*) находится в русле реализации стратегии *развитие*. Основной приметой того, что инициируется именно эта стратегия,

³ См. текст интервью: <https://www.classicalmusicnews.ru/interview/maksim-fedotov-galina-petrova-2020/> (дата обращения 03.01.2022).

является заданное интервьюером противоречие «классическая музыка – индустрия досуга», поддержанное провокативной номинацией «конкурирует». Она намечает вариант синтеза и в то же время заставляет собеседников искать свою, более точную номинацию.

Реплики интервьюера № 2 (*Какое место занимают произведения Чайковского в Вашем творчестве?*) и № 5 (*Классическое искусство – это искусство, прежде всего, проверенное временем. Насколько актуальна музыка Чайковского сегодня?*) представляют собой стратегию *применение*. Общий тезис здесь применяется к частному случаю, детализируется, что выражено в рематических компонентах «*в Вашем творчестве*» и «*сегодня*».

Мы уже отметили, что первая и последняя (шестая) реплики данного интервью носят отчасти нарративный, а отчасти ментативный характер. Так, реплика интервьюера № 1 отсылает к хронотопу – но не единичного события, а целого типа событий, т. е. имеет обобщенный характер референции: «*Известно, что Вы – частые гости Дома-музея Чайковского в Клину и принимаете участие практически в каждом концерте в день рождения композитора. Как проходят эти праздничные вечера?*» Заключительная же реплика – это рефлексия темы «музыки и карантина» (так и назван последний подзаголовок интервью): *Вернемся к нашей земной жизни: как Ваша музыкальная семья переживает карантин?* Эта тема регулярно пронизывает многие интервью обозначенного периода, но, отсылая к необычной, тревожной и еще не осмысленной человеком ситуации (здесь условно названной «карантином»), она задает не столько хронотоп единичного события, сколько повод для размышления и рефлексии того, что происходит вокруг в принципе (опять же вне конкретики единичного хронотопа).

Сравнивая разные интервью, можно сказать, что метатекстовой приметой ментативной сетки интервью являются также реплики-рефлексивы, представляющие собой вопросы, направленные на соотнесение общей социокультурной ситуации и частной жизни собеседника-музыканта. Например, первая вопросительная реплика одного из интервью: *В это непростое время о чем Вы думаете, когда просыпаетесь?* Выбор предиката «думаете», формы настоящего времени, ее обобщенного грамматического значения времени – всё это также ментативные приметы.

Таким образом, можно говорить не только о нарративной и ментативной сетках интервью, о доминанте одной из них или об их интерференции в различных вариантах диалога. В качестве перспективы исследования можно также говорить о вариантах построения ментативной сетки на основе комбинирования коммуникативных стратегий ментатива, реплик рефлексивного типа, метатекстовых вопросов и других способов построения ментативного диалога в жанре интервью.

Тенденция актуализации ментативных интервью

Поскольку основная наша задача – это выявление и интерпретация тенденций функционирования поджанра «интервью с известным музыкантом», сформулируем основную из выявленных тенденций указанного периода. Она заключается в актуализации ментативных интервью музыкантов в пандемию: это относится как к усилению ментативных компонентов в жанре интервью, так и к актуализации ментативной направленности жанра интервью в целом.

Остановимся подробнее на фактологии, связанной с бытованием интервью в 2020 г. Поскольку концертов, фестивалей, конкурсов, проводимых в очном формате, не стало в этот период, то и нарративные интервью, связанные с актуальной музыкальной событийностью, потеряли свою событийную основу. Нарративное интервью, следовательно, не может привычно разворачиваться вокруг актуальных музыкальных событий. В этот период они естественным образом сократились (если не утратились) как жанровая разновидность. Чем же наполняется этот раздел, если привычных интервью, посвященных музыкальным событиям и их участникам, нет?

Возникшую нишу занимают интервью с ментативной доминантой. Они выходят с той же регулярностью, однако их тематика, концепция, коммуникативный план иные, чем в при-

вычном нарративном интервью. Собеседники и интервьюеры те же. Меняется собственно дискурсивный характер интервью. Как следствие, интервьюерам необходимо продумывать иной тип вопросов, строить концепцию интервью из иных оснований. Собеседнику-музыканту необходимо теперь не рассказывать о фактах, не комментировать произошедшее в реальности, а размышлять о причинах, условиях, тенденциях, строить интерпретации, аналогии, аргументировать, сопоставлять разные точки зрения и т. п. Слушателю (зрителю, читателю) интервью необходимо быть готовым воспринимать и быть участником ментального события. Это сложнее, поскольку оно имеет дело с переходом от событийности реального к событийности виртуального мира, возможных миров, мнений и диалогических отношений. Казалось бы, меняется лишь разновидность поджанра «интервью с музыкантом», но эта перестройка требует кардинально иного, всестороннего трансформирования концепции, хода интервью, способов ведения и стратегий его построения. Все три этапа осуществления интервью – подготовка, ведение и рефлексивный самоанализ-оценка – выстраиваются иначе в ментативной парадигме. В практическом плане здесь необходимы рекомендации, построенные с опорой на не осмысленную пока в теории интервью оппозицию «нарратив – ментатив». Необходимо разработать такие практико-ориентированные рекомендации, которые касаются прежде всего ментативного интервью, его проведения, подготовки к нему и критериев последующего анализа. В теоретическом плане важно описание как принципов и способов построения модели ментативного интервью, так и возможных вариантов ее реализации, обобщения образцовых ментативных интервью с той или иной тематикой, типами собеседников и сопоставления характера адресации в зависимости от той или иной аудитории.

Интерпретация тенденции к актуализации ментативных интервью

Как можно интерпретировать обозначенную тенденцию? Если ответ на вопрос, почему она просматривается в бесконцертную эпоху, выше уже обозначен, то вопросы, касающиеся природы этой тенденции, ее дискурсивного содержания и функциональной значимости, а также перспектив развития и дезактуализации ментатива, не ставились. Важны как ответы, так и сама постановка этих вопросов.

Первая линия интерпретации связана с отношениями «референция социокультурного типа – функционирование жанра». С этой точки зрения необходимо говорить о макрореференции дискурса, обусловленной социокультурной ситуацией. В данном случае можно различать макрореференцию хронотопического типа, противопоставленную референции ментального плана. Вторая – ментальная референция, не привязана к конкретной ситуации, не зависит от последней. Так, рассуждения о современной и классической музыке тематически не привязаны к какому-либо периоду, месту, событию. Однако если хронотоп понимать не только как «время и место», но и как включенность субъекта, личности, то можно утверждать, что этот личностный компонент хронотопа выходит на первое место при восприятии ментативного интервью. (Возникает аналогия с понятием предикативности, в которое одни лингвисты, как известно, включают категорию персональности (лица), а другие – нет.) Если внешнего события нет, тогда *что* именно исходно привлекает читателя интервью? Прежде всего – личность собеседников, главный из которых – интервьюируемый. Таким образом, если в нарративном интервью нас интересует «что» (какое событие будет обсуждаться), то в ментативном интервью – «кто» (будет о чем-либо рассуждать). Этим противопоставлением уточняется понятие референции в дискурсивном пространстве: тип референции не явлен статично, а предстает в динамике. При этом в заголовок (и в другие значимые с точки зрения привлечения внимания адресата компоненты интервью) регулярно выносятся в том числе наиболее значимые компоненты референции.

Второе смысловое поле, возникающее при интерпретации обозначенной тенденции, связано с отношениями экстралингвистических факторов и текста. Возникший бесконцертный период уникален для современной эпохи. Его неординарность меняет привычные коммуникативные приоритеты, поскольку нет соответствующего хронотопа для осуществления

традиционного нарративного интервью. Можно видеть, как элементы социокультурного контекста непосредственно обуславливают самоликвидацию одной разновидности жанра и актуализацию другой его разновидности. Известный тезис о том, что на развитие языка влияют как внутриязыковые, так и экстралингвистические факторы, здесь приобретает новое звучание, обогащаясь совершенно иными ситуационными условиями и фактами видоизменения функционирующего речевого жанра. При этом подчеркнем, что речь не идет о вытеснении нарративного интервью ментативным. Речь идет об актуализации последнего типа интервью и его компонентов в определенный период, когда нарративный тип интервью временно утрачивается.

Третья линия интерпретации связана с вопросом: почему нарративный вариант интервью заменяется именно ментативным вариантом, а не каким-либо другим жанром или другим подтипом жанра? Действительно, можно предположить, что ослабление или исчезновение нарративного интервью могло образовать лакуну в самом разделе портала. Однако раздел «Интервью» портала ClassicalMusicNews не исчезает, не заменяется на другой раздел или на другую тематику раздела. Возрастающая частотность и функциональная значимость ментативного интервью, видимо, отвечает и внутренним закономерностям бытования жанров словесности. Ведь готовность ментальных процессов актуализироваться и занять образовавшуюся нишу говорит о высоком уровне их текстообразующего и смыслопорождающего потенциала. В ситуации с отсутствующим или приглушенным событийным хронотопом мысль как таковая выходит из глубинного уровня духовной жизни на ее поверхность, актуализируясь в тексте, в тех или иных его разновидностях.

Период пандемии создает своего рода точки бифуркации – состояния неопределенности, которые могут разрешаться переходом на новый, более высокий уровень упорядоченности и в более стабильное состояние функционирования системы – или же, напротив, могут вести к хаосу самоорганизации системы. Кризисные моменты меняют систему в самых разных ее областях. В том числе в дискурсивном пространстве (в сфере общения, в отборе тематизмов, персон, типов диалога). В данном случае – в сфере музыкального интервью: остановка в концертном графике высвобождает иную действительность – такую, которая с легкостью проявляет некие скрытые или дремлющие, но готовые к актуальному функционированию потенции языка. Языка – как *дома бытия* (по известной метафоре Мартина Хайдеггера). То, что на поверхность выбрасывается именно ментатив, занимая открывшуюся нишу, – свидетельство зрелости (в современной языковой ситуации) его когнитивного и коммуникативного потенциала и некое дополнительное подтверждение фундаментальности самой оппозиции «нарратив – ментатив». В работе [Кузнецов, Максимов, 2007] была намечена динамика исторического развития нарратива и ментатива в русской словесности. Дальнейшего исследования требуют такие вопросы, как сохранность / утрата ментативного интервью при возвращении в концертный период, специфика ментального события в ментативном интервью, нарративное интервью в ментативную эпоху современности, интерференция нарратива и ментатива в разных типах интервью и в журналистском дискурсе в целом.

Четвертая линия интерпретации связана со способностью человека рассказывать и рассуждать. Мы видим, что музыкальное интервью может быть и нарративным, и ментативным, однако традиционно в обычной ситуации нарративное интервью доминирует. Интервью-ментатив выходит на первый план лишь в бесконцертный период. Этот факт актуализирует и такой тезис: рассказывать и воспринимать истории (искусно или безыскусно – это уже другой вопрос), видимо, легче, проще, привычнее и для самого интервьюера, и для его собеседника-музыканта, и для зрителя-читателя. По сравнению с построением мысли, рассуждения. Размышлять в дискурсивном пространстве публичного жанра – менее привычный и, скорее всего, менее освоенный способностью человека труд, воспринимать рассуждения – сложнее, чем воспринимать нарративные сюжеты простого типа. В то же время мы видим, что в ситуации отсутствия хронотопа музыкальных событий это оказывается возможным и необходимым – для всех трех коммуникативных позиций в интервью (интервьюер – собеседник –

зритель-читатель). Ментатив – более позднее (чем нарратив) явление в русской словесной культуре; можно говорить о том, что вообще развитие культуры маркируется ментативными моментами, которые связаны с творческой, философской, научной рефлексией и с процессами осознания и публичной диалогической переработкой человеческих ценностей и смысловых приращений. Процессы актуализации ментативного интервью в пандемию позволяют дополнительно видеть, как по отношению к нарративной линии развития русской словесности происходит некое волнообразно-ответное развитие ментатива. Новые витки этого развития и сама динамика нарративно-ментативных волн составляют одну из важнейших линий функционирования русской словесности в целом.

Перспективы исследования

В заключение добавим к исследовательским перспективам, высказанным в процессе изложения, те вопросы, которые могут быть продуктивны в качестве направлений дальнейшего изучения проблематики интервью. Мы рассмотрели лишь определенный тип интервью и заметили, что именно музыкальных интервью ментативного типа появляется значительное количество в обозначенный период. Что происходит в других поджанрах интервью (в областях культурной жизни, спорта, образования и др.)? Пандемия как фактор, повлиявший на перестройку жизни в целом, может по-разному конструировать разные виды дискурсивных пространств.

Продуктивен и вопрос о том, какие топики, мотивы ментативного интервью наиболее частотны, актуальны в музыкальных интервью. Какие топики универсальны для разных областей социокультурной жизни в этот период и в его сравнении с другими периодами? Вообще различение нарративного и ментативного интервью – одна из перспективных задач, решение которой приводит и к уточнению представления о типологии интервью в целом, и к прогнозированию тенденций развития этого жанра, и к рекомендациям по управлению процессами успешного отбора стратегий интервью. В целом наблюдение за конкуренцией нарратива и ментатива – важный ракурс исследования.

Еще один аспект изучения дискурсивных процессов описываемого типа – это совпадения и несовпадения коммуникативных действий интервьюера и интервьюируемого: когда, например, один из них задает ментативную инициативу, а другой отвечает нарративным образом, и наоборот. Подобное же можно наблюдать по отношению к инициированию той или иной стратегии интервьюером: насколько собеседник готов подхватить и правильно проработать в каждой стратегии; какие стратегии чаще и успешнее реализуются в диалогических единствах интервью, а какие мало освоены; какие стратегии более эффективны и для каких локусов интервью? Эти и другие вопросы, поставленные в контексте данного исследования, важны как для изучения дискурсивных процессов в целом, так и для прогнозирования актуальных тенденций развития конкретных журналистских жанров.

Список литературы

- Глембоцкая Я. О., Кузнецов И. В. Текст-ментатив в русской литературе XX–XXI веков // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 2, ч. 2. С. 382–394.
- Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 284 с.
- Ильченко С. Н. Интервью в журналистском творчестве: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 93 с.
- Колесниченко А. В. Практическая журналистика: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2008. 178 с.
- Корчинский А. В. Форманты мысли. Литература и философский дискурс. М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.
- Кузнецов И. В., Максимова Н. В. Текст в становлении: оппозиция «нарратив – ментатив» // Критика и семиотика. 2007. № 11. С. 54–67.

- Мажура А. В., Тимофеева Е. Д.** К вопросу о жанровой классификации интервью в журналистском творчестве // Наука и Школа. 2019. № 3. С. 47–53.
- Максимова Н. В.** «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М.: Изд. центр РГГУ, 2005. 317 с.
- Тюпа В. И.** Введение в нарратологию: Науч.-учеб. пособие. М.: Intrada, 2016. 145 с.
- Hansen P. H., Iversen S., Nielsen H. S., Reitan R.** (eds). *Strange Voices in Narrative Fiction*. Collective monograph. Berlin, De Gruyter, 2011, 196 p.

References

- Glembotskaya Ya. O., Kuznetsov I. V.** *Tekst-mentativ v russkoi literature XX–XXI vekov* [Text-mentative in Russian literature of the 20th – 21st centuries]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals]. 2021, vol. 13, no. 2, pt. 2, pp. 382–394. (in Russ.)
- Dymarsky M. Ya.** *Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyi tekst* [Problems of text formation and literary text]. St. Petersburg, St. Petersburg Uni. Press, 1999, 284 p. (in Russ.)
- Ilchenko S. N.** *Interv'y u v zhurnalistskom tvorchestve* [Interview in journalistic creativity]. Textbook. St. Petersburg, St. Petersburg Uni. Press, 2003, 93 p. (in Russ.)
- Hansen P. H., Iversen S., Nielsen H. S., Reitan R.** (eds). *Strange Voices in Narrative Fiction*. Collective monograph. Berlin, De Gruyter, 2011, 196 p.
- Kolesnichenko A. V.** *Prakticheskaya zhurnalistika* [Practical Journalism]. Textbook. Moscow, Moscow State Uni. Press, 2008, 178 p. (in Russ.)
- Korchinsky A. V.** *Formanty mysli. Literatura i filosofskii diskurs* [Formants of thought. Literature and philosophical discourse]. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2015, 288 p. (in Russ.)
- Kuznetsov I. V., Maksimova N. V.** *Tekst v stanovlenii: opozitsiya "narrativ – mentativ"* [The text in formation: the opposition "narrative – mentative"]. *Critique and Semiotics*, 2007, no. 11, pp. 54–67. (in Russ.)
- Mazhura A. V., Timofeeva E. D.** *K voprosu o zhanrovoy klassifikatsii interv'y u v zhurnalistskom tvorchestve* [On the question of the genre classification of interviews in journalistic work]. *Nauka i Shkola* [Science and School], 2019, no. 3, pp. 47–53. (in Russ.)
- Maksimova N. V.** *"Chuzhaya rech'" kak kommunikativnaya strategiya* ["Another's Speech" as a Communication Strategy]. Moscow, RSUH Press, 2005, 317 p. (in Russ.)
- Тюпа В. И.** *Vvedenie v narratologiyu* [Introduction to Narratology]. Scientific textbook. Moscow, Intrada, 2016, 145 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Викторовна Максимова, доктор филологических наук

Information about the Author

Natalya V. Maksimova, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 03.01.2022;
одобрена после рецензирования 03.02.2022; принята к публикации 05.03.2022
The article was submitted 03.01.2022;
approved after reviewing 03.02.2022; accepted for publication 05.03.2022*

Научная статья

УДК 070 + 81'22 + 80

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-99-108

Персоносфера современных медиа: Маяковский глазами «постнауки» и массовой культуры

Максим Юрьевич Маркасов

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

markasovmaksim7@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0614-9431>

Аннотация

Статья посвящена вопросу популяризации научных знаний, образующих свою медиасферу, и их трансмедийной «мутации». Рассматриваются медиаперсона Владимира Маяковского и связанные с ним мифы: «любовник», «самоубийца», «пропагандист», «бунтарь» и др. Отмечается, что историческая или литературная персона в зависимости от эпохи или политической конъюнктуры свободно меняет свой аксиологический статус. В настоящее время Маяковский представляет собой мем, шаблон, знак, выражающий современные стереотипы массового сознания. В статье говорится о таких медиа и медиаплатформах, как «Арзамас», «Русская семерка», «Яндекс.Дзен», на которых представлены разнообразные по ориентации на адресата, по стилистике и соотношению с фактами материалы: от претендующих на литературоведческие и школьно-методические тексты до откровенных фейков. Делается вывод о том, что в целях привлечения массового потребителя такие статьи строятся по принципу когнитивного диссонанса как одного из наиболее эффективных способов производства «смыслов» для эксплуатации массового сознания: в случае Маяковского сталкиваются противоположные, взаимоисключающие представления о нем.

Ключевые слова

персоносфера, «постнаука», трансмедийные преобразования, массмедиа, медиаплатформа, массовая культура, медиаобраз, популяризация, фейк, Маяковский

Для цитирования

Маркасов М. Ю. Персоносфера современных медиа: Маяковский глазами «постнауки» и массовой культуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 99–108. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-99-108

Persona of Modern Media: Mayakovsky through the Eyes of “Post-Science” and Mass Culture

Maxim Yu. Markasov

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

markasovmaksim7@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0614-9431>

Abstract

The article studies the issue of popularization of scientific knowledge that forms its own media sphere, and their transmedia “mutation”. The article examines Vladimir Mayakovsky’s characters and related myths: “lover”, “suicide”, “propagandist”, “rebel”, etc. It is noted that a historical or literary persona, depending on the era or political situation, freely changes its axiological status. Currently, Mayakovsky is a meme, a template, a sign that expresses modern ste-

© Маркасов М. Ю., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 99–108
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 99–108

reotypes of mass consciousness. The article talks about such media and media platforms as “Arzamas”, “Russian Seven”, “Yandex.Zen”, which presents a variety of materials in orientation to the addressee, in style and correlation with facts: from those claiming to be literary and school-methodical texts to frank fakes. It is concluded that in order to attract a mass consumer, such articles are built on the principle of cognitive dissonance, as it is one of the most effective ways of producing “meanings” for the exploitation of mass consciousness. In the case of Mayakovsky, there is collision of opposite, mutually exclusive ideas about him.

Keywords

persosphere, “post-science”, transmedia transformations, mass media, media platform, mass culture, media image, popularization, fake, Mayakovsky

For citation

Markasov M. Yu. Persona of Modern Media: Mayakovsky through the Eyes of “Post-Science” and Mass Culture. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 99–108. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-99-108

Сформированность медиапространства нового типа – уже неоспоримый факт и реальность: мы давно живем в условиях информационного разнообразия и трансформации функций традиционных СМИ. На множестве медийных платформ представлено невероятное количество текстов, которые условно можно было бы назвать «научно-популярными». В парадигме постмодерна и метамодерна в научном тезаурусе появились и стали почти повсеместно общеупотребительными такие слова, как «постправда», «постистина», «постпамять», «постфольклор». В этот же ряд можно включить и понятие «постнаука», которое используется, скорее, не как устоявшийся термин, а обозначает глобальный информационный ресурс (ПостНаука – именно в таком написании), «проект о современной фундаментальной науке и ученых, которые ее создают, о популяризации научных знаний»¹. Технические знания в СССР поощрялись. С гуманитарными науками дело обстояло намного сложнее, так как в советское время приоритет отдавался иным специализациям, а гуманитарные области (прежде всего история и литература) выполняли идеологическую и пропагандистскую функции. С начала 1990-х в сферу нетехнических знаний хлынул поток разнообразного контента. Сейчас, по мнению С. М. Шакирова, «популяризация научных знаний вступает в стадию трансмедиальных преобразований. Традиционные жанры лекции, научной статьи, научно-популярного фильма, радиопередачи сменяются образовательными онлайн курсами и просветительскими “эдьютеймент” <...> ресурсами» [Шакиров, 2018, с. 38].

Один из основных признаков современных текстов, размещаемых в виртуальном пространстве, – анонимность: наряду с традиционными авторскими текстами Интернет заполнен огромным количеством безымянных материалов. В данной статье нас интересует не столько стиль и авторство, сколько некий коллективный транслирующий логос, создающий «смыслы», имеющие при всём различии общую основу. И этот анонимный дискурс обладает специфической чертой: каждый публикующийся старается эксплицировать свое «я», почувствовать себя Автором. В свою очередь, пользователи хотят почувствовать себя концепированными Читателями. Происходит своеобразная коммуникация, в основе обсуждения лежит околону научная теория или культурный концепт: каждый из коммуникантов мыслит себя компетентным в той области, которая обсуждается. И если у технических и естественнонаучных знаний статус, как правило, сакральный: они мыслятся как область «не для всех», то культурные и исторические представляются как сфера общих интересов, доступная для понимания каждым. Большинство интернет-ресурсов, популяризирующих науку, можно разделить, на наш взгляд, на три типа в зависимости от характера реципиента: а) авторизованные и имеющие просветительскую направленность в классическом понимании этого слова («Арзамас», «ПостНаука», «Антропогенез.ру»); б) ориентированные на среднюю аудиторию; в) направленные на «низового» потребителя, наиболее благодатного в плане восприятия самых нелепых стереотипов массового сознания и заблуждений. Ресурсы, относящиеся к первому типу, свою популяризаторскую функцию в целом выполняют. Их способы организации

¹ <https://ru.wikipedia.org/wiki/ПостНаука> (дата обращения 05.07.2021).

научного материала напоминают систему методических приемов к уроку литературы: тот же «перевод» научного контента на язык неконцептированного читателя, использование визуальных и графических приемов привлечения внимания аудитории, драматизация и часто театрализация излагаемого, усиление и порой гиперболизация повествовательной инстанции. В какой-то степени научный текст начинает существовать по законам текста художественного, а повествователь превращается если не в автора, то в «человека играющего», конструирующего контекст.

Для реализации этого контекста необходим материал, некая общая картина мира. В парадигме национальной культуры необходим и набор персон, эту картину наполняющих. Для носителя массового сознания это, прежде всего, исторические лица: политики, правители, военачальники, аферисты, художники, актеры, поэты, писатели. Для потребителя важен набор стереотипов, чаще всего касающихся биографических фактов той или иной творческой личности, которыми с разной степенью мастерства манипулирует автор публикации, привлекая и удерживая внимание реципиента. В 1997 г. выходит словарь Ю. С. Степанова, в котором автор предлагает уже существующий в лингвистике термин «концепт» и формулирует понятие константы как «<...> концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время, <...> некий постоянный принцип культуры» [2001, с. 84]. В 2002 г. профессор Г. Г. Хазагеров формулирует понятие персоносферы, которое он определяет так: «сфера персоналий, образов, сфера литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей» [2002, с. 133]. Далее термин получает теоретическое обоснование в целом ряде работ гуманитарной направленности. Так, Л. П. Гекман определяет персоносферу национальной культуры как «<...> феномен, составляющий количественно-качественный уровень интеллектосферы, некий персонализированный хронотоп, представляющий культурный синкрет образа-персоналии, времени и пространства его объективации» [2007, с. 51]. Безусловно, национальная персоносфера выполняет множество функций, в том числе «выступает системой ценностных координат и инструментом самоидентификации личности и общества, <...> дает возможность идентифицировать политические, социальные, этические категории, закрепляя их за конкретными образами <...>» [Отургашева, 2017, с. 151–152]. Вместе с тем если персоносфера является инструментом самоидентификации, то она может быть использована в качестве эффективного средства манипуляции массовым сознанием: историческая или литературная персона в зависимости от эпохи или политической конъюнктуры свободно меняет свой аксиологический статус. Более того, этот аксиологический статус часто зависит от набора стереотипов, сформированных или формируемых массовым сознанием при прямом воздействии СМИ.

В ряду исторических фигур особое место занимают писатели, в России имеющие привилегированное положение «властителей дум» и «нравственных ориентиров». Последний стереотип наиболее эффективно и повсеместно эксплуатируется массмедиа: отыскивание и демонстрация «грехов» писателя вызывает огромный интерес и бурный всплеск эмоций у аудитории и порождает реакцию потребителя и массовый «спрос» на такие публикации. Как удачно выразился В. А. Капцев, «роман писателя с властью закончился, начинается его новый роман со СМИ» [2014, с. 30], имея в виду, конечно, медийный имидж художника современного. Однако и литературные, и исторические персоны прошедших эпох продолжают жить в сознании реципиента в виде медиафигур, образуя свою семиосферу.

В ряду таких «имиджей» – поэт Владимир Маяковский. Безусловно, поэта «проходят» в школе, поэтому он и включен в ряд медийных персон, которые у всех на слуху. Владимир Маяковский сейчас, впрочем, как и весь пантеон литературных небожителей, – это, скорее, мем, шаблон, знак совсем иной реальности.

Образ Маяковского (именно образ) в критике и литературоведении переживает как минимум четыре «перевоплощения». Первое: Маяковский при жизни, «вокруг творчества [которого] шли споры, нередко принимавшие форму острейшей не только литературной, но идейной полемики» [Ушаков, 2008, с. 7]. Второе – посмертное и самое знаменитое, когда

Маяковский был объявлен Сталиным «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», после которого его стали «вводить принудительно, как картофель при Екатерине» (Пастернак) и создавать, по выражению В. Ф. Маркова, «<...> горы никому не нужной чепухи» [Марков, 2000, с. 270]. После крушения советской идеологии Маяковский закономерно попадает под мощный обстрел критики, так как прочно ассоциируется с десятилетиями тоталитарного режима, который он воспевал (третье «перевоплощение»). Пожалуй, самыми знаковыми работами, начавшими реинтерпретацию Маяковского, являются книга Ю. Карабчиевского [1990] и статья А. К. Жолковского [1994]. И четвертое «воскресение» поэта – современное представление о нем, которое в связи превращением недавней идеологии в историю, в принципе, свободно от ангажированности: Маяковский занял место в ряду классиков, «забронзовев» вторично. Серьезное (неидеологизированное) литературоведение, от крупных исследований (монографий Н. И. Харджиева [Харджиев, Тренин, 1970], В. Н. Альфонсова [1984], М. Вайскопфа [2003], Л. Ф. Кациса [2000] и др.) до отдельных статей, в принципе, канонизировало поэта, включив его в список классиков. Кроме того, за последние годы опубликовано огромное число воспоминаний, беллетристики, архивов следственных дел, – всё это сопоставимо с объемом той «горы чепухи», которая была создана за годы советской власти. Но в массовом сознании Маяковский, безусловно, предстает перед реципиентом в специфическом свете. Именно такой Маяковский нас и интересует.

Оригинальный подход к трансформации научного текста в «дидактический» мы наблюдаем у Михаила Трунина, публикующегося на «Арзамасе». Материал «Маяковский от А до Я» представляет собой коллаж из 28 слов, по одному на букву алфавита, из которых вырисовывается портрет Маяковского². В тексте «Азбуки» даны 28 биографических и творческих факта из жизни Маяковского, соотнесенные с каким-то ключевым словом, начинающимся на одну из букв русского алфавита. Нужно заметить, что занимательность строится, прежде всего, на необычности событий и авторском отборе материала для презентации. Например: *За-граница. Именно из Парижа Маяковский привез автомобиль «Рено» в подарок Лиле Брик, сделав ее одной из первых женщин-москвичек за рулем.* Случай с «Рено» – факт, скрываемый в советское время, по крайней мере от широкой публики, становится расхожим в публикациях популяризаторских сегодня. Суть такой презентации в данном случае не в предоставлении читателю фактов и не в научной интерпретации, а в форме композиционного расположения материала и удачно сконструированном нарративе. В тексте Михаила Трунина много иллюстраций плакатов и рекламы, созданных Маяковским, и фото, которые также гармонично включены в повествование. В конце материала даны ссылки на источники, легитимизирующие научное знание. В итоге Маяковский предстает перед читателем «как живой», немифологизированный. Впрочем, подобный характер презентации материала напоминает игровые способы, используемые в школьной методике преподавания литературы, так как «процесс восприятия есть процесс превращения реального читателя в читателя концептированного» [Корман, 1992, с. 127]. В «Арзамасе» размещены еще две публикации на тему «Маяковский»: «Маяковский для продвинутых. 15 отличных стихотворений, которые обычно не читают в школе» Геннадия Обатнина³ и «Взлеты и падения Маяковского. От “мерзости” до “лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи”» Виктории Буяновской⁴, в которых подбор текстов самого поэта, фактов его жизни и литературоведческой рефлексии также скомпонован компетентными исследователями. Интересен в плане подачи материала проект «Арзамаса», названный «Инструкции»: «Как написать русскую литературу: 14 инструкций» (как написать «Горе от ума», «Евгения Онегина», рассказ Чехова и т. д.). В «просвещенческом» духе созданы и многие лекции, уроки и книги Дмитрия Быкова⁵.

² <https://arzamas.academy/materials/736> (дата обращения 05.07.2021).

³ <https://arzamas.academy/materials/688> (дата обращения 05.07.2021).

⁴ <https://arzamas.academy/materials/738> (дата обращения 05.07.2021).

⁵ Быков Д. Л. 13-й апостол. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2016. 827 [5] с.

Иным представляется интернет-ресурс «Русская семерка», рассчитанный на менее взыскательного читателя. Особенность – краткость и лаконичность текстов, но достаточно плотная насыщенность фактами. Это позволяет публиковать огромное количество материалов практически на любые популярные темы: «Русская семерка» – своего рода электронный дайджест. В основном эти публикации анонимны, но встречаются и подписанные. Кроме того, информационные ресурсы разбиты на многочисленные рубрики. По своей стилистике и референциальности тексты очень разнообразны: от распространяющих заведомые стереотипы до упрощенного, но всё же компетентного литературоведческого подхода. О Маяковском представлено около 10–15 текстов, которые также распределены по рубрикам: «Криминал», «Биография», «История», «Психология». На самом деле текстов, посвященных Маяковскому, на ресурсе намного меньше, так как одинаковые по содержанию, они имеют разные или слегка измененные названия и иногда отличаются начальной иллюстрацией. Внимание привлекает распределение тематики по рубрикам: естественно, информация о смерти поэта отнесена к разделу «Криминал», а материал «Мизофобия: почему Маяковский боялся прикасаться к людям»⁶ – к «Психологии». В последней статье можно увидеть отголоски постструктуралистского подхода к литературно-биографическим фактам. И. П. Смирнов определяет эпоху авангарда как «садоавангард»: «Даже при самом беглом взгляде на эстетическую практику зарождающегося авангарда, нельзя не заметить, что она далеко превосходит литературу любой из предшествующих эпох по склонности к оправданию насилия, принуждения, жестокости, разрушительности – всего того, что и научное, и повседневное сознание подразумевает обычно под “садизмом”» [Смирнов, 1994, с. 182]. Читаем в «Русской семерке»: *современники поэта не раз отмечали, что он страдал болезненной брезгливостью и буквально до судорог боялся подцепить какую-нибудь опасную инфекцию. Как это зачастую бывает, причиной развития фобии послужила глубинная детская травма. Зимой 1906 года, когда будущему великому поэту было 12 лет, его отец Владимир Константинович внезапно скончался от заражения крови.* Сравним у И. П. Смирнова: «Маяковский (= подтип активного садиста) потерял в возрасте тринадцати лет отца (умершего от заражения крови после того, как он укололся булавкой) и остался единственным мужчиной в семье, состоявшей из матери и двух сестер. Заняв таким путем позицию отца, Маяковский был вынужден ограничить себя мыслью о том, что деструкция во внешнем мире (смерть главы семьи) есть основоположный способ, ведущий к власти над объектами (женщинами в семье) [Там же, с. 200]. С конца XX в. такая методика интерпретации становится популярной в научных кругах, в развлекательных же публикациях она получает крайне упрощенный вид и служит, скорее, способом привлечь внимание читателя к «сомнительной» теме. Акцент в данном случае делается на несоответствии идеализированного представления о классиках как о стерильных в нравственном отношении личностях, сформированного прежде всего отечественной средней школой и потоком материалов, ставших доступными массовому читателю в последнее время и деконструирующих такое представление. Когнитивный диссонанс – один из наиболее эффективных механизмов производства «смыслов» для эксплуатации массового сознания. Впрочем, какие-то взаимосвязи фобии с творчеством, как это делают аналитики-постструктуралисты, кроме разве что процитированной известной стихотворной строки про певца кипяченой воды и врага сырой, автором материала не устанавливаются, интерпретация отсутствует.

Одна из самых, пожалуй, распространенных мифологем, связанных с Маяковским, – его самоубийство. В годы идеологической трактовки творчества поэта факт суицида, конечно, не мог быть скрыт, поэтому в школьных учебниках и в газетных статьях по этому поводу сообщалось что-то невразумительное, внимание на этом факте не акцентировалось. В «Русской семерке» представлено несколько материалов, посвященных самоубийству поэта, однако на самом деле это один текст с разными названиями и разными фото, в котором собраны известные факты: «Владимир Маяковский: тайна смерти советского поэта № 1», «Почему по-

⁶ <https://russian7.ru/post/mizofobiya-pochemu-mayakovskiy-boyalsya-p> (дата обращения 05.07.2021).

кончил с собой Владимир Маяковский», «Зачем Владимир Маяковский покончил с собой», «Тайна смерти Владимира Маяковского» и т. д. с различными вариациями. Безусловно, тема самоубийства поэта – эксплуатация интереса массового читателя к загадочному, тайному, которое, как обещают заголовки, будет «раскрыто» именно на этом информационном ресурсе, и, конечно, читателя привлекает тот же конфликт «стерильного» и «безнравственного», о котором говорилось выше, а перестановка слов в заглавиях напоминает процесс подбора рецептивно более привлекательного заголовка. Можно сказать, что в «Русской семерке» тексты не столько информативны, сколько суггестивны и мифологичны. Мифологема «самоубийство Маяковского», как и мифологема смерти Гоголя, «являет собой совокупность представлений массового сознания о писателе как о культурном герое» [Колмакова, 2018, с. 36]. Кстати, О. А. Колмакова отмечает, что при запросе «Мифы о Гоголе» ссылка на «Русскую семерку» появляется одной из первых. Массовое сознание умеет моментально и специфически перерабатывать такие факты: «Объективное знание о писателе, зафиксированное официальной наукой, нередко вытесняется субъективным, формируемым на основе домыслов и вольных интерпретаций подлинных фактов его биографии. Субъективное мифологизированное знание становится достоянием массового сознания и объективируется в форме элементов биографического сюжета – мифологем» [Там же]. Более того, литературоведческая практика демифологизации научных догм редуцируется в популяризаторском тексте до формулы, которую можно представить как «вот что, оказывается, было на самом деле».

Особый «жанр» современных медиа – комментарии пользователей, часто представляющие собой либо категоричные утверждения, противоречащие элементарной логике, либо грубые провокации, причем авторская позиция в данном случае – абсолютная убежденность в правдоподобии приводимых фактов: *Маяковский родом из Тбилиси и вступил в партию там. В этой же партиячке состоял и Сталин. Сталин ценил творчество Маяковского. В одной из типографий Москвы был готов к выпуску сборник стихов поэта. Как только директор типографии узнал о трагедии, он ночью (!) позвонил Сталину и спросил о том, что делать со сборником. Сталин сказал, что Маяковский – самый великий поэт из поэтов. Наутро сборник поступил в продажу с этой цитатой от Сталина на титульном листе* (историко-развлекательный канал «Мир истории») ⁷. Такой же по популярности мифологемой, как и самоубийство, пожалуй, является «любовь Маяковского», которая также обыгрывается за счет манипуляций с формулировками названий: «Лиля Брик: какой была жена Маяковского», «Что сделала Лиля Брик для русского авангарда», «Лиля Брик: что нужно знать о “музе русского авангарда”» и др.

Популяризаторский дискурс не избегает, а, наоборот, поощряет распространение различного рода фейков, самые известные из которых – «цветы от Маяковского» и несколько стихотворений «под Маяковского». Первый фейк о доставляемых Татьяне Яковлевой в течение 40 лет после смерти поэта цветах, оплаченных им, строится на мелодраматическом, сентиментальном нарративе и легко опровергается: слишком фантастические подробности использованы для построения этого сюжета – и размер гонорара, которого не хватило бы на столько лет, и неназванная цветочная фирма, и тот факт, что возлюбленная Маяковского впоследствии жила в Америке, а цветы доставляли в Париж. В Интернете вариантов изложений этой истории огромное множество, они выстраиваются в длинный своеобразный диалог пользователей, по сути, «ни о чем» ⁸. Сама Татьяна Яковлева упоминает лишь о цветах, присылаемых ей Маяковским еще при его жизни в течение всего нескольких месяцев по воскресеньям [Яковлева, Катанян, 1993; Янгфельдт, 2009, с. 449]. Тем не менее эти фейки продолжают функционировать. К подобного рода контенту относятся и стихотворения, якобы принадлежащие перу Маяковского (например, «Вы любите розы...») и распространяемые еще в уст-

⁷ https://zen.yandex.ru/media/history_world/pochemu-maiakovskii-sovershil-samoubiistvo-5b5606c2050fd400a9295207. Орфография и пунктуация сохранены авторские (дата обращения 05.07.2021).

⁸ В силу многочисленности подобного контента мы не приводим все ссылки, а только одну из них: <https://www.kp.ru/daily/27263/4396831/> (дата обращения 05.07.2021).

ном варианте в позднесоветское время. Это истории из разряда так называемых городских бесписьменных легенд, которым посвящена целая книга [Архипова, Кирзюк, 2020]. Ранее, в условиях отсутствия Интернета и, соответственно, возможности публикации подобных виршей, эти стихи достаточно широко расходились именно в подростковой среде, знаменуя собой такой способ карнавального низвержения не столько самих поэтов, сколько представления о них. Другое дело, что эти тексты городского фольклора в наше время приобрели письменную форму, став объектом обсуждений в Интернете. Тексты, кстати, весьма грубо стилизованы и примитивно построены, а почему они функционируют как некий феномен – это тема отдельной статьи.

В последнее время читательским спросом пользуется «Яндекс.Дзен». Это не канал, по ряду признаков его сложно отнести к социальной сети, и это даже не «платформа для блогеров» (вопреки заявлению разработчиков) в привычном понимании, а некое безграничное интернет-пространство, объединяющее под вышеназванной эмблемой публикации любого характера, тематики и идеологии, характеризующееся анонимностью авторов. Такое явление сложно назвать научпопом, скорее, это «эволюционировавший» в сторону чистой развлекательности научпоп на современном этапе. Хотя, думается, что цели авторов – это не только зарабатывание денег, желание развлекать читателя, но и выступить неким посвященным, транслирующим знание. С. М. Шакиров, предлагая классификацию «дзеновских» материалов («списки», «факты», «поводы» и «цитаты»), справедливо утверждает, что «нарратив ориентирован не на интерпретацию исходного объекта, на продвижение контента» [2019, с. 138]. Название медиапроекта выбрано вполне остроумно и, возможно, иронично: дзен как восточное учение точно передает характер материалов «Яндекс.Дзена» – это и передача знания не через тексты (рассматриваемые нами можно назвать «квазистатьями»), и практика недеяния (минималистический характер), и мир как иллюзия (иллюзорность, имитация научности), и разнообразие явлений миропорядка (огромный спектр тематики), и, конечно, антилогос – своего рода профанный, масскультурный вариант антилогоцентризма, проявляющийся прежде всего в распространении фейковой информации. Безусловно, материалы, представленные в «Дзене», разнообразны по своему качеству и интеллектуальной составляющей, но нас интересует не выяснение, кто писал и чем руководствовался, не стиль и даже не способы привлечения аудитории, а некий коллективный логос (или антилогос), деиндивидуализированный дискурс. Как реакция на вопрос, оставленный анонимным комментатором: «Кто пишет все эти убогие материалы на каналах Яндекс.Дзен с диким количеством ошибок и откровенно ворованным контентом <...>?» – в одном из комментариев зафиксировано интересное высказывание, передающее, как нам кажется, суть «загадочности» этой медиаплатформы: <...> кто читает как раз понятно, срез потребителя представить легко, а вот производитель для меня загадка⁹. В качестве «коллективного» продукта «коллективного» производителя рассмотрим материал «О стихотворении Маяковского “Товарищу Нетте, пароходу и человеку”»¹⁰. По своему духу – это, скорее, школьное сочинение, изобилующее речевыми клише советского учебника по литературе и стилистическими несуразностями: *Почти каждый знаком с Владимиром Владимировичем Маяковским. Его творчество оказало огромное влияние на направление отечественной литературы XX века. Владимир Владимирович – поистине гениальный поэт, который стремился писать глубокие и красивые стихотворения языком, понятным каждому*. Отметим элементарный синтаксис и наивно-реалистическую интерпретацию: *Стихотворение построено на параллели личности Теодора Нетте и парохода, названного в его честь; Теодор очень ответственно относился к своей работе, постоянно был в напряжении*. Далее следует, занимая половину «статьи», рассказ о героической смерти Теодора Нетте. Вот, собственно, и всё.

Историческая или литературная персона имеет свой аксиологический статус, пластичный и подвижный: любой культурный герой легко может служить разным, иногда противореча-

⁹ https://yandex.ru/q/question/kto_pishet_vse_eti_ubogie_materialy_na_5379000 (дата обращения 05.07.2021).

¹⁰ <https://zen.yandex.ru/media> (дата обращения 05.07.2021).

щим, идеологическим силам. В массовом сознании Маяковский подобен лирическому герою своей поэмы «Облако в штанах», в которой он меняет облики и ипостаси: он и бунтарь, и пропагандист, и самоубийца, и сентиментальный любовник, и «школьный поэт», и личность, страдающая фобиями, и пошляк-матерщинник (стихотворения «под Маяковского»). С другой стороны, медиаобраз – это всегда редуцированный образ, сведенный до понимания среднестатистическим потребителем массовой культуры и сконструированный прежде всего по принципу когнитивного диссонанса, потому можем предположить, что перечисленными выше «масками» Маяковский, в принципе, и ограничивается.

Список литературы

- Альфонсов В. Н.** Нам слово нужно для жизни: В поэтическом мире Маяковского. Л.: Сов. писатель, 1984. 247 с.
- Архипова А., Кирзюк А.** Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. М.: НЛО, 2020. 536 с.
- Вайскопф М.** Птица-тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. М.: НЛО, 2003. 576 с.
- Гекман Л. П.** Теогонические генеалогии как персонификация традиционной культуры (опыт социокультурной интерпретации) // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 4 (7). С. 51–54.
- Жолковский А. К.** О гении и злодействе, о бабе и о всероссийском масштабе (Прогулки по Маяковскому) // Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука, 1994. С. 247–275.
- Капцев В. А.** Трансформация образа современного писателя: от общественного статуса к медийному имиджу. Минск: Изд-во БГУ, 2014. 120 с.
- Карабчиевский Ю. А.** Воскресение Маяковского. М.: Сов. писатель, 1990. 222 с.
- Кацис Л. Ф.** Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М.: Языки русской культуры, 2000. 776 с.
- Колмакова О. А.** Трансформация мифа о Гоголе в повести А. Королева «Голова Гоголя» // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2018. Т. 1, № 2. С. 36–41.
- Корман Б. О.** Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 236 с.
- Марков В. Ф.** История русского футуризма / Пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб.: Алетейя, 2000. 438 с.
- Отургашева М. Р.** Персонификация русского студенчества: опыт лингвокультурологического анализа // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1. С. 151–160.
- Смирнов И. П.** Психодиахронология: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: НЛО, 1994. 352 с.
- Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
- Ушаков А. М.** Маяковский – вчера и сегодня (Вместо предисловия) // Творчество В. В. Маяковского в начале XXI века: Новые задачи и пути исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 7–38.
- Хаззагерев Г.** Персонификация русской культуры // Новый мир. 2002. № 1. С. 133–145.
- Харджиев Н. И., Тренин В. В.** Поэтическая культура Маяковского. М.: Искусство, 1970. 328 с.
- Шакиров С. М.** Деформация содержания литературного дискурса при его трансмедийном преобразовании // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 2 (28). С. 38–45.
- Шакиров С. М.** Литература в формате нарратива (анализ публикаций сервиса персональных рекомендаций ЯндексДзен) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1 (31). С. 129–140.

- Яковлева Т., Катанян В.** Татьяна Яковлева о Маяковском и о себе // Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 199–217.
- Янгфельдт Б.** Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг / Пер. со швед. А. Лавруши, Б. Янгфельдта. М.: КоЛибри, 2009. 640 с.

References

- Alfonsov V. N.** Nam slovo nuzhno dlya zhizni: V poeticheskom mire Mayakovskogo [We need a word for life: In the poetic world of Mayakovsky]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1984, 247 p. (in Russ.)
- Arkipova A., Kirzyuk A.** Opasnye sovetskie veshchi. Gorodskie legendy i strahi v SSSR [Dangerous Soviet things. Urban legends and fears in the USSR]. Moscow, New Literary Review, 2020, 536 p. (in Russ.)
- Gekman L. P.** Teogonicheskie genealogii kak personosfera tradicionnoi kul'tury (opyt sotsiokul'turnoi interpretatsii) [Theogonic genealogies as the personosphere of traditional culture (the experience of socio-cultural interpretation)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2007, no. 4 (7), pp. 51–54. (in Russ.)
- Jangfeldt B.** Stavka – zhizn'. Vladimir Mayakovsky i ego krug [The bet is life. Vladimir Mayakovsky and his circle]. Transl. from Swed. by A. Lavrushin, B. Jangfeldt. Moscow, KoLibri, 2009, 640 p. (in Russ.)
- Kaptsev V. A.** Transformatsiya obraza sovremennogo pisatelya: ot obshchestvennogo statusa k mediinomu imidzhu [Transformation of the image of a modern writer: from social status to media image]. Minsk, BSU Press, 2014, 120 p. (in Russ.)
- Karabchievsky Yu. A.** Voskresenie Mayakovskogo [Resurrection of Mayakovsky]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1990, 222 p. (in Russ.)
- Katsis L. F.** Vladimir Mayakovsky: Poet v intellektual'nom kontekste epokhi [Vladimir Mayakovsky: Poet in the intellectual context of the era]. Moscow, Languages of Russian Culture, 2000, 776 p. (in Russ.)
- Khardzhiev N. I., Trenin V. V.** Poeticheskaya kul'tura Mayakovskogo [Mayakovsky's poetic culture]. Moscow, Iskusstvo, 1970, 328 p. (in Russ.)
- Khazagerov G.** Personosfera russkoi kul'tury [Personosphere of Russian culture]. *Novyj mir* [New World], 2002, no. 1, pp. 133–145. (in Russ.)
- Kolmakova O. A.** Transformatsiya mifa o Gogole v povesti A. Koroleva "Golova Gogolya" [Transformation of the myth about Gogol in A. Korolyov's story "Gogol's Head"]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2018, vol. 1, no. 2, pp. 36–41. (in Russ.)
- Korman B. O.** Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury [Selected works on the theory and history of literature]. Izhevsk, Udmurt Uni. Press, 1992, 236 p. (in Russ.)
- Markov V. F.** Istoriya russkogo futurizma [History of Russian Futurism]. Transl. from Eng. by V. Kucheryavkin, B. Ostanin. St. Petersburg, Aletejya, 2000, 438 p. (in Russ.)
- Oturgasheva M. R.** Personosfera rossiiskogo studenchestva: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza [The personosphere of Russian students: the experience of linguoculturological analysis]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice]. 2017, no. 1, pp. 151–160. (in Russ.)
- Shakirov S. M.** Deformatsiya soderzhaniya literaturnogo diskursa pri ego transmedial'nom preobrazovanii [Deformation of the content of literary discourse during its transmedial transformation]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problematic Field of Media Education], 2018, no. 2 (28), pp. 38–45. (in Russ.)
- Shakirov S. M.** Literatura v formate narrativa (analiz publikatsii servisa personal'nykh rekomendatsii Yandeks.Dzen) [Literature in Narrative Format (Analysis of Yandex.Zen Personal Rec-

- ommendation Service Publications)]. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovaniya* [*Sign: Problematic Field of Media Education*], 2019, no. 1 (31), pp. 129–140. (in Russ.)
- Smirnov I. P.** Psikhodiakhronologika: Psikhoistoriya russkoi literatury ot romantizma do nashikh dnei [Psychodiachronology: Psychohistory of Russian Literature from Romanticism to the Present Day]. Moscow, New Literary Review, 1994, 352 p. (in Russ.)
- Stepanov Yu. S.** Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 2nd ed., corr. and enlar. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2001, 990 p. (in Russ.)
- Ushakov A. M.** Mayakovsky – vchera i segodnya (Vmesto predisloviya) [Mayakovsky – yesterday and today (Instead of a preface)]. In: *Tvorchestvo V. V. Mayakovskogo v nachale XXI veka: Novye zadachi i puti issledovaniya* [Creativity of V. V. Mayakovsky at the beginning of the 21st century: New tasks and ways of research]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2008, pp. 7–38. (in Russ.)
- Vajskopf M.** Ptitsa-troika i kolesnitsa dushi: Raboty 1978–2003 godov [The Three Bird and the Chariot of the Soul: Works of 1978–2003]. Moscow, New Literary Review, 2003, 576 p. (in Russ.)
- Yakovleva T., Katanyan V.** Tat'yana Yakovleva o Mayakovskom i o sebe [Tatyana Yakovleva about Mayakovsky and about herself]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 1993, no. 4, pp. 199–217. (in Russ.)
- Zholkovsky A. K.** O genii i zlodeistve, o babe i o vserossiiskom masshtabe (Progulki po Mayakovskomu) [About genius and villainy, about a woman and about the all-Russian scale (Walks along Mayakovsky)]. In: *Bluzhdayushchie sny i drugie raboty* [Wandering dreams and other works]. Moscow, Nauka, 1994, pp. 247–275. (in Russ.)

Информация об авторе

Максим Юрьевич Маркасов, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Maxim Yu. Markasov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 15.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 05.02.2022
The article was submitted 15.12.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 05.03.2022*

Научная статья

УДК 070(57)(09) + 97.0(09)

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-109-118

Особенности презентации направлений медиаобразовательной деятельности педагогов в 1920–1930-х годах в специализированном издании «Просвещение Сибири»

Елена Вениаминовна Евдокимова

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

evelven@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5580-0852>

Аннотация

Рассматривается презентация медиаобразовательной деятельности педагогов на страницах специализированного журнала «Просвещение Сибири», выходившего в Новосибирске в 1920–1930-х гг. В статье проанализированы различные подходы к реализации учителями обучающего потенциала средств массовой информации: включение в уроки газетных публикаций, являвшихся основой для подготовки сообщений и докладов школьников, совместное слушание учителями и учениками радиопередач и дальнейшее их обсуждение, проведение педагогами кинолекций и киноуроков, содержащих комментирование учителем фрагментов художественного или учебного фильма. Автор приходит к выводу об особой роли печатного издания в распространении педагогического опыта и предлагает рассматривать профессиональный журнал «Просвещение Сибири» как медиаплощадку, способствующую становлению регионального медиаобразования в 1920–1930-х гг.

Ключевые слова

медиаобразование, стенгазета, детские печатные издания, радиогazета, учебные фильмы, кинематограф

Для цитирования

Евдокимова Е. В. Особенности презентации направлений медиаобразовательной деятельности педагогов в 1920–1930-х годах в специализированном издании «Просвещение Сибири» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 109–118. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-109-118

Features of Presentation of Media Educational Activities of Teachers in 1920–1930s in the Specialized Publication “Enlightenment of Siberia”

Elena V. Evdokimova

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

evelven@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5580-0852>

Abstract

In the mid-1920s, the first printed publications for children began to appear in the Siberian territory, in which young correspondents could try their hand at journalism. A special role in this process belonged to the journal “Enlightenment of Siberia”.

© Евдокимова Е. В., 2022

The purpose of this article is to identify the features of the presentation of different types of media educational activities of teachers on the pages of this journal in the 1920s–1930s.

The author of the article identifies a range of main media education problems with regard to use print media, radio and cinema by teachers. The publications discussed issues related to the functions of teachers in the creation of school wall newspapers, to the involvement of teachers in the work of editorial offices of children's print publications and radio newspapers; to the participation of teachers in compiling lists of films for children and in developing screenplays for films about the school. The article analyzes various approaches to the implementation of the teaching potential of the media by teachers: the inclusion of media texts publications in school lessons, the listening of radio broadcasts during classes and their further discussion, the incorporation of watching films to lecture classes, etc.

The author comes to the conclusion about the special role of the printed publications in the dissemination of pedagogical experience and proposes to consider the professional journal "Enlightenment of Siberia" as a media platform that contributes to the development of regional media education in the 1920s–1930s.

Keywords

media education, wall newspaper, children's print media, radio newspaper, educational films, cinematography

For citation

Evdokimova E. V. Features of Presentation of Media Educational Activities of Teachers in 1920–1930s in the Specialized Publication "Enlightenment of Siberia". *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 109–118. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-109-118

Введение

Проблемы становления медиаобразования в нашей стране в 1920–1930-х гг. нашли отражение в ряде исследовательских работ, см.: [Шариков, 2012; Федоров, Чельшева, 2002; Федоров, 2009; 2015], И. В. Чельшевой [Чельшева, 2005; 2006; Чельшева, Михалева, 2016], И. В. Жилавской [Жилавская, 2017; Жилавская, Зубрицкая, 2017], И. А. Фатеевой [2007; 2017], О. И. Горбатковой [Горбаткова, Федоров, 2012; Горбаткова, 2013], М. Рикитянской [2017], Е. А. Вдовиной [2013], Л. А. Ивановой [2012] и др. Как верно замечает И. А. Фатеева, термин «медиаобразование» еще не использовался в 1920–1930-х гг., но в это время активное развитие получили печать, фотография, электронные медиа (радио и кино), так как «на всех этапах перед системой образования ставились вопросы подготовки квалифицированных создателей и потребителей медиасообщений...» [2017, с. 103]. В коллективной монографии «Массовое медиаобразование в СССР и России: основные этапы», подготовленной авторским коллективом под руководством А. В. Федорова, сформулирован ряд важных положений, характеризующих процесс становления системы российского медиаобразования: охват массовой аудитории (и взрослого населения, и детей), так как для решения политических задач жителей новой страны необходимо было обучить «правильному» пониманию медиатекстов; формирование системы российского медиаобразования с опорой на зарубежный опыт, «с адаптацией к советской действительности»; повышение эффективности обучения, развитие познавательного интереса [Федоров и др., 2014, с. 22]. «Организация работы деткоргов, фото- и кинолюбителей (как зрителей, так и тех, кто сам пробовал снимать кинофильмы) в единые коллективы стала одной из важных задач государственного значения» [Чельшева, Михалева, 2016].

Старт профессиональному медиаобразованию в Сибирском крае дали специализированные журналы, выходившие в Новосибирске в середине 1920-х гг.: «Учеба и воспитание» (1924–1926), «Рабочий рабселькор» (1925–1927), «Газетчик» (1928). К этому же времени следует отнести и развитие массового медиаобразования, когда широкое распространение получили печатные и звуковые средства массовой информации: стали выходить первые газеты и журналы для детей («Юный ленинец», «Товарищ»), развивалась радиовещательная сеть, начиналась кинофикация учебных заведений. Рост количества стенных газет в образовательных учреждениях, интерес детей к радиопередачам и кинематографу вызывали у педагогов необходимость в методических рекомендациях по руководству стенной печатью, по использованию на уроках радио- и киноматериалов. Именно поэтому особая роль в презентации различных направлений медиаобразовательной деятельности педагогов и обучающихся принадлежала педагогическому специализированному журналу «Просвещение Сибири». Изда-

ние выступало в качестве одного из акторов медиаобразования Сибирского края, так как оно включало не только материалы по проблемам обучения и воспитания, но и статьи педагогов и журналистов по вопросам организации школьной стенной печати, по включению в систему уроков медиаобразовательных элементов. Публикации журнала, в которых рассматривались медиаобразовательные педагогические технологии, еще не стали предметом специального изучения, с чем и связана новизна данного исследования.

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей презентации разных видов медиаобразовательной деятельности педагогов на страницах журнала «Просвещение Сибири» в 1920–1930-х гг.

Особенности содержательной модели журнала

Как указывают составители справочного издания «Средства массовой информации Новосибирска – Новосибирска. 1906–2006 гг.», ежемесячный общественно-педагогический журнал «Просвещение Сибири» (до 1926 г. выходил под названием «Сибирский педагогический журнал») издавался в Новосибирске с мая 1923 г. Сибирским отделом народного образования, с 1925 г. – Сибирским, а с августа 1930 г. – Западно-Сибирским краевым отделом народного образования [СМИ, 2007]. Редакторами журнала в разные периоды его существования были Д. К. Чудинов, А. Я. Голышев, Г. П. Вейсберг, Л. В. Ганжинский, Н. В. Вихирев, В. П. Теряев. Средний тираж печатного издания составлял 5 тыс. экз., объем – 5 п. л.

В редакционной статье первого номера журнала были определены цели профессионального издания: ответы на вопросы, волновавшие работников просвещения в связи с их педагогической деятельностью; установление постоянного общения между работниками; создание идейных и организационно-спаянных кадров работников просвещения для реализации педагогических идей и задач. Для их решения в издании были введены следующие отделы: «Педагогический» (теоретические статьи по вопросам обучения и воспитания), «Практика просвещения» (результаты работы опытных школ, конференций, съездов), «Организационные вопросы» (статьи и заметки о материальной базе, организационном строительстве, об учреждениях системы народного образования), «Критика и библиография» (обзоры педагогической литературы), «Хроника» (отечественные и зарубежные события в области народного просвещения), «Справочный отдел» (ответы на вопросы читателей). Содержательная модель журнала с течением времени претерпела ряд изменений, связанных с появлениями новых рубрик: «Методы просветительной работы», «Практика просвещения и быт», «Краеведение»; обратную связь усилили рубрики «Переписка с читателями» и «Почтовый ящик». Анализируя содержание журнала «Просвещение Сибири» 1920-х гг., исследователь Ю. Г. Марченко особое внимание акцентирует на широком освещении специализированным изданием заимствованных зарубежных педагогических технологий; на попытках авторов статей «наладить органическую связь теории и школы с жизнью, с явным поощрительным отношением редакции к голосам “за” и “против”...» [Марченко, 2004, с. 174]. Действительно, контент журнала отличала высокая степень полемичности статей, авторами которых были известные партийные и общественные деятели, писатели, педагоги (А. А. Ансон, Г. А. Вяткин, М. М. Басов, И. В. Сорокин и др.). Особое внимание читателей журнала привлекали дискуссионные статьи педагога А. М. Топорова, в отношении которого с 1929 г. развернулась идеологическая кампания по поводу «очернения советского учителя». В 1933 г., после ареста Г. И. Черемных, П. К. Казаринова и В. А. Пупышева, в содержательной модели журнала произошли изменения, что было характерным для усилившейся политизации страны. Подобные превращения происходили и с другими региональными изданиями (например, с журналом «Просвещение на Урале»), когда публикации, посвященные анализу педагогического опыта, методике преподавания предметов и организационным проблемам школы стали заменяться общественно-политическими статьями [Братцева, 2015, с. 4]. С 1936 г. журнал «Просвещение Сибири» вы-

ходил в виде бюллетеня краевого отдела народного образования под названием «Просвещение Западной Сибири», а в 1939 г. прекратил свое существование.

Значительное количество публикаций в журнале было посвящено организации совместной медиаобразовательной деятельности педагогов и школьников в различных ее видах, с привлечением возможностей печатных изданий, радиопередач и кинофильмов. Расширенные заметки, статьи, корреспонденции данной тематики не имели закрепленного места на страницах печатного издания, но всё же большая часть публикаций была включена в раздел «Методы просветительной работы».

Медиаобразование в области печати

Статьи педагогов и публицистов, посвященные функционированию школьной печати, можно разделить на общетеоретические и практические. В первых авторами журнала обсуждались вопросы, связанные с целями и задачами стенных газет, функционировавших в школах разных ступеней обучения; рассматривались требования, предъявляемые к их содержанию; предлагались различные направления в тематике материалов; поднимались важные проблемы, возникающие в процессе работы над школьной газетой.

В ряде публикаций рассматривалась содержательная модель стенной газеты. Так, Л. Ушатский в статье «Стенгазета, ее цели и достижения» защищал стенгазету от критических высказываний по поводу ее «бесцветности» и бесполезности, опровергая мнения авторов критических материалов о том, что «стенгазета – орудие бузы и склоки», которая «ничего не дает ни уму, ни сердцу» (Просвещение Сибири. 1929. № 1. С. 96). По мнению Л. Ушатского, материалы о международном положении и внутренней жизни страны, несомненно, должны были присутствовать в стенгазете, но иметь при этом минимальный объем: «лучше короткие заметки в 30–40 слов» (Просвещение Сибири. 1929. № 1. С. 97). Центральную тему, связанную с освещением местной жизни, автор статьи рекомендовал презентовать аудитории в виде частушек и сатирических стихов; считал необходимым введение раздела «Почему» для вопросов читателей; предлагал активнее использовать иллюстративный материал в виде рисунков и карикатур. Среди разных видов школьных газет Л. Ушатский отдавал предпочтение газете-передвижке, при которой заметки вставлялись в рамки, что позволяло постоянно обновлять материал; важным моментом в функционировании стенной печати автор статьи считал постоянное осуществление контроля за реагированием руководителей организации на критические выступления газеты.

И. Вдовин и А. Пугачев в публикации «Деткор в школе» акцентировали внимание педагогов на основных принципах работы детских корреспондентов: добровольности и отсутствии цензуры. Исходя из этих принципов, авторы статьи сформулировали основную задачу, стоявшую перед корреспондентами, – правдивое освещение жизни и работы школы, с концентрацией на самом важном (Просвещение Сибири. 1926. № 3. С. 65).

Практические статьи журнала содержали презентации медиаобразовательной деятельности педагогов. Например, в публикации «Обзор школьных стенных газет» И. А. Шамин обобщил недостатки газет, выходивших в тридцати школах Убинского района и сделал замечания и по содержанию изданий (превалирование общественно-политической лексики), и по оформлению газет, охарактеризовав их как «грязные, нехудожественные, безграмотные». И. А. Шамин отметил неумение учителей организовать школьный актив и привлечь его к изданию стенгазеты, а также неуместные критические выступления педагогов в отношении учеников, их карикатурное изображение: «надо учеников не “бить”, а воспитывать» (Просвещение Сибири. 1935. № 4. С. 104).

Авторы журнала обсуждали и возможность привлечения педагогов к процессу издания местных сибирских детских изданий: к газете «Юный ленинец» и «Сибирскому детскому журналу» (с 1928 г. выходил под названием «Товарищ»). Так, Босых в статье «О газете “Юный ленинец”» рассматривал издание как средство организации детских школьных кол-

лективов (работа учкома, самоуправление, общественная работа и др.), с которыми ежедневно приходилось работать учителю. Особое внимание автор статьи акцентировал на роли педагога в распространении газеты, призывая учителей выделять уполномоченных, т. е. активных школьников, которые должны были следить за регулярной доставкой газет, собирать отзывы о прочитанных материалах, изучать интересы ребят, проводить вечера газет, читки, собрания и конференции читателей.

Об интересе педагогов к детским изданиям свидетельствуют предложения коллектива работников Ужанихинской районной школы Новосибирского округа, связанные с составом целевой аудитории печатного издания для детей, периодичностью его выхода, объемом и тиражом. Учителя писали также о необходимости деления журнала на части, содержание которых должно было соответствовать возрастным интересам групп школы 1-й ступени и включать творчество самих детей. Однако пожелания педагогов остались в дальнейшем без внимания – в связи с политизацией содержания детский журнал перестал быть детским, что и отметил Э. Бейн в статье «Анализ журнала “Товарищ”» (Просвещение Сибири. 1931. № 5. С. 87).

Важный аспект в освещении медиаобразовательной деятельности учителей был связан с подходом к газете не только как к органу, выполнявшему информационные и воспитательные задачи, но и как к средству обучения. Эксперименты в образовании конца 1920-х гг., новые программы, разработанные государственным учебным советом (ГУСом), были ориентированы на непосредственную связь школьного обучения с жизнью. Е. Ранг в статье «К вопросу о работе с газетой в школе» сформулировал задачи, стоявшие перед школьными работниками, следующим образом: возбудить интерес к явлениям общественной жизни, использовать печатное издание как образовательное средство и научить школьников самостоятельно читать газету. А. М. Топоров, один из самых активных авторов журнала, педагог и публицист, предлагал даже издавать единую обучающую газету для школьников (издатель – народный комиссариат просвещения, отделения – в разных краях СССР) и определял ее содержание следующим образом: «Газета должна содержать по-детски популярную информацию о международном и внутреннем положении Союза, политические статьи на главные темы момента, комплексные темы и подтемы, производственные и календарные планы, материалы по общему, коллективному, физическому и художественному воспитанию и образованию ребят, рисунки, фотоснимки, чертежи, диаграммы, задания по ручному и общественно-полезному труду, по краеведению, ноты, игры и проч. – и методические статьи для педагогов» (Просвещение Сибири. 1930. № 1. С. 99). На страницах такого издания, по мнению А. М. Торопова, также следовало бы освещать новинки науки и техники, опыт работы школ, без ограничения предоставлять места для детского творчества. К участию в газете педагог предлагал привлекать представителей всех профессий, утверждая, что «в корреспондентах недостатка не будет». «Предугадываю, что меня назовут диким фантазером, – писал А. М. Торопов, – но рано или поздно моя фантазия станет явью» (Просвещение Сибири. 1930. № 1. С. 102).

Медиаобразование в области радио

Широкие возможности использования радио в обучении активно стало рассматриваться авторами журнала с 1926 г., в связи с появлением в Новосибирске радиовещательной станции. По радио передавали концерты с участием новосибирских артистов и музыкантов, доклады по общественно-политическим вопросам, новости ТАСС. Несмотря на недостатки в записи музыкальных радиопередач и подбор идеологически выверенного репертуара, радио пользовалось популярностью среди разновозрастной аудитории. Как верно замечает исследователь Е. А. Вдовина, в 1920-е гг. «радио перестает быть просто любопытным аттракционом, происходит трансформация слушательского восприятия: от простого наивного интереса к самому явлению, к оценке содержания радиосообщения, формы его подачи» [2013, с. 99].

В публикации «Дети и радио» В. Я-в рассматривал детскую радиогazету не только как средство агитации, но и как средство музыкально-художественного воспитания. По его мнению, основная трудность для учителей при работе с радиогazетой была связана с незнанием педагогами музыкальных интересов детей, поэтому автор статьи считал, что «работники просвещения должны наблюдать и фиксировать впечатления, которые оказывают на детей те или иные передачи, обсуждать их с детьми и сообщать в радиогazету “Юный ленинец”». В статье предлагался примерный план номера радиогazеты с вводной беседой на актуальные темы, новостями, рассказами на естествоведческие и научно-технические темы; стихами, сказками (Просвещение Сибири. 1926. № 12. С. 58). Автор публикаций «Художественная радиоработа» и «О работе широковегательной радиостанции», писавший под инициалами Р. К., считал необходимым элементом обучения и воспитания коллективное слушание радиопередач педагогов и учеников с дальнейшим обсуждением услышанного (Просвещение Сибири. 1931. № 2. С. 109).

Медиаобразование на материале кинематографа

Развивающаяся система кинематографической сети в 1920–1930-х гг. позволяла «сделать кинематограф организованным и управляемым средством воспитательного воздействия», при этом, как верно указывает Л. А. Иванова, «на первый план выступала задача воспитания средствами кино вне задач кинообразования, где основное время отводилось осмыслению идеи произведения вне ее художественного контекста» [2012, с. 77–78]. Идея, связанная с просмотром детьми художественных фильмов под руководством педагогов, вызвала одобрение среди авторов журнала «Просвещение Сибири». И. Иванович, автор статьи «О кинофикации школ», считал необходимым не просто осуществление контроля со стороны педагогов, а их активное участие в производстве кинофильмов: «киноработникам, производящим специально детские фильмы, надо строить их на основах педагогической методологии, с привлечением к составлению сценариев и съемкам киноактива педагогов и специалистов различных отраслей народного хозяйства и советских учреждений...» (Просвещение Сибири. 1931. № 9–10. С. 133). Обучающую и воспитательную функции кино подчеркивал Г. Панаев в статье «Кино на помощь школе и учителю», считая, что оно может занять в школе лидирующую позицию. Утверждая, что кинопоказ успешно конкурирует с общепринятыми путями словесного обучения, автор считал правомерным поставить «вопрос о педагогизации кино путем кинофикации школы и введения кино в систему методов внешкольной работы» (Просвещение Сибири. 1931. № 9–10. С. 73). Освещая методическую сторону использования кино в учебных целях, Г. Панаев акцентировал внимание на роли педагога в процессе демонстрации фильма: предваряющие, сопровождающие и заключающие слова «являлись необходимой оправой для кинокартины». В статье содержалась информация о начале подготовки кинопедагогов: о первых краевых курсах, организованных краевыми просветительскими учреждениями совместно с Союзкино и институтом повышения квалификации, в результате которых появились первые инструкторы-методисты; об учебных заведениях, ведущих кинообразовательную деятельность (базовой кинофицированной школе № 3 в Новосибирске и педагогическом техникуме).

Методические вопросы использования фильмов в учебном процессе нашли отражение в статье учителя И. Ячменева «Кинолекция и киноурок. Как их проводить». В практике школ, считал автор статьи, должны быть две формы использования кино на занятиях: кинолекция и киноурок. При первой форме, по мнению И. Ячменева, лекция педагога, разделенная на части, могла сопровождать не только учебный, но и художественный фильм. Учителю необходимо было заранее ознакомиться с кинокартиной и монтажным листом, в котором были указаны все подписи к кадрам, составить план кинолекции (надписи, содержание и оформление кадров, словесное сопровождение), запомнить порядок надписей, так как они читались в темноте; при чтении текста особое внимание рекомендовалось обращать на интонацию,

соответствующую изображаемому на экране. Автор советовал педагогам кратко записывать реплики ребят, прозвучавшие в ходе кинолекции, и обсуждать их во время заключительной беседы. Примерно по таким же правилам строился и киноурок, во время которого, как отмечал И. Ячменев, возможны были остановки, фиксация материала, чтение фрагментов из пособий и учебников по данной теме. Особое место в работе с кинофильмами И. Ячменев отводил мультипликационным фильмам, содержащим крупные планы и замедленную съемку, так как именно их он считал необходимыми для изучения деталей.

Заключение

Журнал «Просвещение Сибири» оказывал значительную методическую помощь педагогам в реализации достаточно сложного направления в педагогике. Авторы многочисленных статей, понимая воспитательные и образовательные функции детских газет, журналов, радиопередач и кинофильмов, стремились к обсуждению проблемных вопросов, связанных с ролью педагогов в организации медиаобразовательной деятельности во всех ее направлениях. Члены редакции журнала считали необходимым активное участие педагогов в создании стенных школьных газет, в редакционной деятельности местных печатных изданий для детей, рассматривали газету как необходимое средство обучения и воспитания школьников и предлагали учителям делиться методическим опытом по использованию газетных материалов в системе школьных уроков. Журналу принадлежала особая роль в распространении педагогического опыта по включению в школьную практику возможностей радио и кинематографа: в статьях авторов «Просвещения Сибири» ставились проблемы методического характера, связанные с производством радиогазет, с проведением кинолекций и киноуроков, предлагались варианты их решения.

Таким образом, анализ контента профессионального журнала с точки зрения рассматриваемых в нем проблем в области медиаобразования педагогов и обучающихся, с одной стороны, позволяет высоко оценить медиаобразовательную деятельность редакции журнала «Просвещение Сибири», который можно с полным правом назвать своеобразной медиаплощадкой, способствующей становлению регионального медиаобразования, а с другой – показывает актуальность многих вопросов, сегодня находящихся в центре внимания медиапедагогов: проблемы мотивации юнкоров, определение критериев отбора контента школьных изданий, а также недостаточное количество методических рекомендаций по включению в урок печатного и электронного контента.

Список литературы

- Братцева О. А.** Региональные педагогические журналы как источник самообразования учителей в период становления советской педагогики // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2015. № 9–10 (104). С. 4–10.
- Вдовина Е. А.** Художественное радиовещание в отечественной культуре: традиции и современность // Вестник ЧелГУ. 2013. № 21 (312). Филология. Искусствоведение. Вып. 80. С. 99–105.
- Горбаткова О. И.** Специфические особенности развития отечественного медиаобразования на материале радио в советский период (1920-е годы) // Вестник Краснояр. гос. пед. ун-та. 2013. № 1. С. 267–272.
- Горбаткова О. И., Федоров А. В.** Идеологические и социально-политические основы отечественного массового медиаобразования в 1920-е годы // Медиаобразование. 2012. № 4. С. 37–45.
- Жилавская И. В.** Медиаобразование как новая старая функция СМИ // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 8. С. 66–79.

- Жилавская И. В., Зубрицкая Д. А.** История развития медиаобразования: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГПУ, 2017. 118 с.
- Иванова Л. А.** Линия кинообразования в педагогике России (конец XIX – XX в.) // *Magister Dixit*. 2012. № 2. С. 73–79.
- Марченко Ю. Г.** Журнал – предшественник одноименный: голоса времени // *Сибирский педагогический журнал*. 2004. № 1. С. 170–176.
- Рикитянская М.** Как детей учили слушать(ся): становление радиокружков в Советском Союзе // *Университет итальянской Швейцарии (USI)*. 2017. Т. 27, № 5 (120). С. 141–162.
- СМИ – Средства массовой информации Новониколаевска – Новосибирска. 1906–2006 гг.:** Словарь-справочник / Сиб. отд-ние Рос. акад. наук, Гос. публ. науч.-техн. б-ка; сост. А. Л. Посадсков, И. В. Лизунова. Новосибирск, 2007. С. 228–229.
- Фатеева И. А.** Медиаобразование: теоретические основы и практика реализации. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2007. 270 с.
- Фатеева И. А.** У истоков медиаобразовательных идей «критического мышления» и «медиаграмотности» в российской науке: Павел Блонский // *Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2017. Т. 23, № 3 (165). С. 102–108.
- Федоров А. В., Челышева И. В.** Медиаобразование в России: краткая история развития. Таганрог: Познание, 2002. 266 с.
- Федоров А. В.** Медиаобразование: вчера и сегодня. М.: Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2009. 234 с.
- Федоров А. В., Челышева И. В., Мурюкина Е. В., Горбаткова О. И., Ковалева М. Е., Князев А. А.** Массовое медиаобразование в СССР и России: основные этапы / Под ред. А. В. Федорова. М.: МОО «Информация для всех», 2014. 267 с.
- Федоров А. В.** Медиаобразование: история и теория. М.: МОО «Информация для всех», 2015. 450 с.
- Челышева И. В.** Медиаобразование в России: от тоталитарной эпохи к «оттепели» (1935–1968) // *Медиаобразование*. 2005. № 2. С. 4–28.
- Челышева И. В.** Теория и история российского медиаобразования. Таганрог: Изд-во Кучма, 2006. 206 с.
- Челышева И. В., Михалева Г. В.** Сравнительный анализ истории, теории и практики российского и британского медиаобразования: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. И. В. Челышевой. М.: МОО «Информация для всех», 2016. 193 с.
- Шариков А. В.** О необходимости реконцептуализации медиаобразования // *Медиаобразование*. 2012. № 4. С. 61–76.

References

- Brattseva O. A.** Regional'nye pedagogicheskie zhurnaly kak istochnik samoobrazovaniya uchitelei v period stanovleniya sovetsoi pedagogiki [Regional pedagogical journals as a source of self-education for teachers during the formation of Soviet pedagogy]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University], 2015, no. 9–10(104), pp. 4–10. (in Russ.)
- Chelysheva I. V.** Mediaobrazovanie v Rossii: ot totalitarnoi epokhi k "ottepeli" (1935–1968) [Media education in Russia: from the totalitarian era to the "thaw" (1935–1968)]. *Mediaobrazovanie* [Media education], 2005, no. 2, pp. 4–28. (in Russ.)
- Chelysheva I. V.** Teoriya i istoriya rossiyskogo mediaobrazovaniya [Theory and history of Russian media education]. Taganrog, Kuchma Publ., 2006, 206 p. (in Russ.)
- Chelysheva I. V., Mikhaleva G. V.** Sravnitel'nyi analiz istorii, teorii i praktiki rossiyskogo i britanskogo mediaobrazovaniya [Comparative analysis of the history, theory and practice of Russian

- and British media education]. Textbook for students of higher educational institutions. Ed. by I. V. Chelysheva. Moscow, Informatsiya dlya vseh, 2016, 193 p. (in Russ.)
- Fateeva I. A.** Mediaobrazovanie: teoreticheskie osnovy i praktika realizatsii [Media education: theoretical foundations and practice of implementation]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Uni. Press, 2007, 270 p. (in Russ.)
- Fateeva I. A.** U istokov mediaobrazovatel'nykh idei "kriticheskogo myshleniya" i "mediagramotnosti" v rossiiskoi nauke: Pavel Blonskii [At the origins of media educational ideas of "critical thinking" and "media literacy" in Russian science: Pavel Blonsky]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [News of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture], 2017, vol. 23, no. 3 (165), pp. 102–108. (in Russ.)
- Fedorov A. V.** Mediaobrazovanie: istoriya i teoriya [Media education: history and theory]. Moscow, Informatsiya dlya vseh, 2015, 450 p. (in Russ.)
- Fedorov A. V.** Mediaobrazovanie: vchera i segodnya [Media education: yesterday and today]. Moscow, Information for all, 2009, 234 p. (in Russ.)
- Fedorov A. V., Chelysheva I. V.** Mediaobrazovanie v Rossii: kratkaya istoriya razvitiya [Media Education in Russia: A Brief History of Development]. Taganrog, Poznanie Publ., 2002, 266 p. (in Russ.)
- Fedorov A. V., Chelysheva I. V., Muryukina E. V., Gorbatkova O. I., Kovaleva M. E., Knyazev A. A.** Massovoe mediaobrazovanie v SSSR i Rossii: osnovnye etapy [Mass media education in the USSR and Russia: main stages]. Ed. by A. V. Fedorov. Moscow, Informatsiya dlya vseh, 2014, 267 p. (in Russ.)
- Gorbatkova O. I.** Spetsificheskie osobennosti razvitiya otechestvennogo mediaobrazovaniya na materiale radio v sovetskii period (1920-e gody) [Specific features of the development of domestic media education based on radio material in the Soviet period (1920s)]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogic University], 2013, no. 1, pp. 267–272. (in Russ.)
- Gorbatkova O. I., Fedorov A. V.** Ideologicheskie i sotsial'no-politicheskie osnovy otechestvennogo massovogo mediaobrazovaniya v 1920-e gody [Ideological and socio-political foundations of domestic mass media education in the 1920s]. *Mediaobrazovanie* [Media education], 2012, no. 4, pp. 37–45. (in Russ.)
- Ivanova L. A.** Liniya kinoobrazovaniya v pedagogike Rossii (konets XIX – XX v.) [The line of film education in Russian pedagogy (late 19th – 20th centuries)]. *Magister Dixit*, 2012, no. 2, pp. 73–79. (in Russ.)
- Marchenko Yu. G.** Zhurnal – predshestvennik odnoimennyi: golosa vremeni [Journal – the predecessor of the same name: the voices of the time]. *Sibirskiy pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2004, no. 1, pp. 170–176. (in Russ.)
- Posadskov A. L., Lizunova I. V.** (comp.). Sredstva massovoi informatsii Novonikolayevska – Novosibirska, 1906–2006 gg. [Mass Media of Novonikolaevsk – Novosibirsk. 1906–2006]: Dictionary-Reference Book. Sib. Branch of the Rus. Acad. of Sciences, State Publ. Scientific and Tech. Library. Novosibirsk, 2007, pp. 228–229. (in Russ.)
- Rikityanskaya M.** Kak detei uchili slushat'(sya): stanovlenie radiokruzhkov v Sovetskom Soyuze [How children were taught to listen: the formation of radio circles in the Soviet Union]. *Universitet ital'yanskoy Shveytsarii* [University of Italian Switzerland (USI)], 2017, vol. 27, no. 5 (120), pp. 141–162. (in Russ.)
- Sharikov A. V.** O neobkhodimosti rekontseptualizatsii mediaobrazovaniya [On the need to reconceptualize media education]. *Mediaobrazovanie* [Media Education], 2012, no. 4, pp. 61–76. (in Russ.)
- Vdovina E. A.** Khudozhestvennoye radioveshchanie v otechestvennoi kul'ture: traditsii i sovremenost' [Artistic radio broadcasting in domestic culture: traditions and modernity]. *Vestnik*

ChelGU [Bulletin of ChelSU], 2013, no. 21 (312), Philology. Art criticism, iss. 80, pp. 99–105. (in Russ.)

Zhilavskaya I. V. Mediaobrazovanie kak novaya staraya funktsiya SMI [Media education as a new old function of the media]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya [Social and humanitarian knowledge]*, 2017, no. 8, pp. 66–79. (in Russ.)

Zhilavskaya I. V., Zubritskaya D. A. Istoriya razvitiya mediaobrazovaniya [History of development of media education]: Textbook. Moscow, MSPU Press, 2017, 118 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Вениаминовна Евдокимова, кандидат педагогических наук, доцент

Information about the Author

Elena V. Evdokimova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 06.02.2022;
одобрена после рецензирования 06.03.2022; принята к публикации 04.04.2022
The article was submitted 06.02.2022;
approved after reviewing 06.03.2022; accepted for publication 04.04.2022*

Научная статья

УДК 070

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-119-129

Формирование и кодификация профессиональных этических норм журналистики в современной КНР

Владислава Сергеевна Истомина¹

Наталья Борисовна Симонова²

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ vladislava_istom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8453-1452>

² sdnd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9628-4874>

Аннотация

Рассматривается понятие журналистской этики в КНР, документы, кодифицирующие этические нормы, а также основные принципы, которыми руководствуются китайские журналисты в своей профессиональной деятельности. Авторы выделяют основные принципы этики журналистов в современной КНР: осуществление работы в интересах и в соответствии с ценностями КПК; отношение к информации как к данности, новости, которую необходимо достоверно рассказать широкой общественности. Журналист должен быть образцовым представителем китайского общества, который способен вдохновлять и вести за собой население КНР. Это утверждение, согласно данным анализируемого опроса, поддерживают большинство журналистов Китая. Практическим рекомендациям к работе журналистов уделяется меньше внимания, чем идеологическим постулатам как со стороны правительства и контролирующей организации, так и со стороны журналистского сообщества.

Ключевые слова

журналистика, Китай, КНР, этические нормы журналистики

Для цитирования

Истомина В. С., Симонова Н. Б. Формирование и кодификация профессиональных этических норм журналистики в современной КНР // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 119–129. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-119-129

Formation and Codification of Professional Ethical Norms of Journalism in Modern China

Vladislava S. Istomina¹, Natalya B. Simonova²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ vladislava_istom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8453-1452>

² sdnd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9628-4874>

Abstract

The article discusses the concept of journalistic ethics in the PRC, documents codifying ethical norms, as well as the basic principles that guide Chinese journalists in their professional activities. The authors identify principles of

the ethics of journalists in the modern PRC: conducting professional work in the interests and in accordance with the values of the CPC; perceiving information as something to be given, as news to be reliably told to the general public. The journalist must be an exemplary representative of Chinese society who is able to inspire and lead the people of the PRC. This statement, according to the analyzed survey, is supported by the majority of journalists in China. Less attention is paid to practical recommendations for the work of journalists than to ideological postulates from both the government, the controlling organization, and the journalistic community.

Keywords

Journalism, China, PRC, ethical standards of journalism

For citation

Istomina V. S., Simonova N. B. Formation and Codification of Professional Ethical Norms of Journalism in Modern China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 119–129. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-119-129

Введение

Кодификация этических норм началась в большинстве европейских стран и в США на рубеже XIX–XX вв. Роль профессиональных кодексов в регламентации деятельности журналистов напрямую коррелирует с государственным устройством и практикой законодательного регулирования деятельности СМИ, общественно-политическими и культурными традициями страны. Автор одного из современных исследований по данной теме, К. Р. Нигматуллина, применительно к России справедливо отмечает, что «в отечественных исследованиях спектр вопросов в рассмотрении профессии журналиста в целом совпадает с зарубежным. Однако при попытке сближения подходов исследователи неизбежно сталкиваются с проблемой национального контекста... Если понятие роли “сторожевого пса”... органично вписывается в профессиональное мировоззрение журналистов большинства зарубежных стран (автор имеет в виду в первую очередь, видимо, европейские страны. – В. И., Н. С.), в России эта роль воспринимается либо как новоприобретенная ценность, либо как чуждый идеал» [Нигматуллина, 2021, с. 30]. Еще сильнее данный диссонанс виден при анализе профессиональных ценностей китайских журналистов. В целом исследователи выделяют две группы стран, «одна из которых функционирует в рамках либеральной модели регулирования: к ней относятся государства Западной и Северной Европы, США, Канада, Япония, Новая Зеландия, Австралия, а вторая группа воплощает этатистскую модель – к ней относятся Китай, Южная Корея, Сингапур, Таиланд, Вьетнам. Страны первой группы характеризуются либеральным регулированием СМИ, развитыми формами саморегулирования общественных институтов, делегированием государственных функций общественным организациям, слабой политической цензурой либо ее полным отсутствием. Вторая группа включает государства... объединенные принципом патерналистской роли государства»¹.

П. Манчини замечает, что «обычно рассматривают журналистику в центре и на периферии, где центр – это западный мир, а периферия – это всё остальное. В сегодняшней ситуации необходимо пересмотреть вектор. Центр и периферия меняются местами. Либеральная модель журнализма, которая была описана ранее, отражает лишь очень короткий, случайный период истории западного мира. Сегодня мы стоим перед лицом создания новых моделей журналистики, которые появятся из новых социальных структур и новых моделей рынка. Речь идет не о том, как можно скопировать западные идеологии, а о том, что мы должны разработать новые категории, позволяющие интерпретировать отношения между медиа и политикой за пределами западного мира» [2014, с. 5]. Чжан Шисюань, характеризуя степень разработанности этой проблематики, говорит о том, что «экономическое развитие часто опережает развитие культурной и научной теории, поэтому исследования ценностно-ориен-

¹ Анализ международного и отечественного опыта создания и функционирования института саморегулирования в информационном сообществе. С. 31–32. URL: https://rkn.gov.ru/docs/Razdel_19.pdf (дата обращения 07.06.2021).

тированной журналистики в цифровую эпоху все еще находятся на стадии исследования» [Шисюань, 2021, с. 429].

В российской историографии профессиональные этические нормы журналистики рассматривают чаще всего применительно к российской, американской и европейской действительности (Д. С. Авраамов, И. М. Дзялошинский, Я. Н. Засурский, Г. В. Лазутина, Ю. В. Лучинский, К. Р. Нигматуллина, Л. Г. Свитич, В. М. Хруль и др.). Работ, посвященных изучению и осмыслению опыта азиатских стран, в том числе Китая, не так много. Судя по публикациям, сотрудниками и аспирантами МГУ и УрФУ активно разрабатывается чуть более широкая проблематика – профессиональная культура китайского журналиста.

Профессиональная этика представляет собой совокупность моральных норм, правил, принципов, которые регулируют отношение человека к своим профессиональным обязанностям, долгу, а также взаимоотношения людей в трудовой деятельности [Шредер, 2009]. Существует два подхода к изучению и анализу профессиональных этических норм, но чаще всего исследователи рассматривают этику в более широком смысле, нежели набор алгоритмов поведения в той или иной спорной ситуации.

Профессиональные этические нормы журналистов, в том числе и в КНР, базируются на общечеловеческих (общегражданских) нормах, общих принципах профессиональной этики, узкопрофессиональных нормах.

Первые из них связаны с глубокими культурными и религиозными традициями, включающими в КНР принципы конфуцианства, даосизма и китайского буддизма [Цзинь, Кононова, 2015, с. 105], а в европейских странах – христианской морали, европейская традиция глубокого и разностороннего изучения которых была заложена еще М. Вебером более 100 лет назад. В европейских странах в Новое время – период зарождения профессиональных этических норм журналистики – параллельно шли процессы секуляризации сознания и развития массовой прессы, которой и перешли частично функции, присущие церкви, в том числе социально-регламентирующая и социального контроля, что, предположим, повлияло на формирование теории социальной ответственности прессы.

Общие принципы профессиональной этики

На основании «Программы реализации нравственности граждан», которая была подготовлена Центральным комитетом Коммунистической партии Китая, выделяют следующие общие принципы профессиональной этики вне зависимости от профессии для всех граждан КНР:

- 1) любовь и уважение к своей профессии, должности.
- 2) честность, строгое соблюдение государственного закона, дисциплины.
- 3) справедливость, равное отношение к людям без оглядки на их происхождение и социальный статус.

Согласно этому документу, профессиональная этика представляет собой систему моральных принципов, норм и правил поведения специалиста с учетом особенностей его профессиональной деятельности и конкретной ситуации. Профессиональная этика должна быть неотъемлемой составной частью подготовки каждого специалиста².

В 2017 г. в речи Си Цзиньпина на XIX съезде КПК были сформулированы общенациональные ценности (возвеличивание национального духа и духа эпохи), задачи (усиление воспитательной работы в духе патриотизма, коллективизма и социализма, ориентация людей на формирование правильной системы взглядов на историю, нацию, государство и культуру) и способы их продвижения (всесторонне реализовывать программу формирования гражданской нравственности, стимулировать формирование норм общественной морали, профессио-

² Гунминь даодэ цзяньшэ шиши ган яо [公民道德建设实施纲要] (Основные положения для построения общественной морали). Пекин: Чжунгун чжунянь чубань, 2001. 40 с.

нальной этики, семейных добродетелей и личных моральных качеств, необходимо способствовать китаизации, осовремениванию и популяризации марксизма, формировать социалистическую идеологию, обладающую могучей консолидирующей и направляющей силой, чтобы народ в своих идеалах и убеждениях, ценностных представлениях и нравственных устоях был сплочен воедино)³. Именно эти положения, с одной стороны, формируют общенациональные этические нормы, с другой – задают новостную повестку, фокус и особенности освещения событий, специфику контекста в СМИ.

«Идеология определяет направление и путь развития культуры»⁴ – это один из важнейших постулатов, который является краеугольным камнем, в том числе в формировании политики по отношению к медиа, специфики китайских медиа.

Роль КПК в формировании этических норм журналистики

Общие принципы профессиональной этики журналистов Китая формировались под влиянием целого ряда документов, докладов Си Цзиньпина на съездах КПК и других выступлениях.

В 2012 г. на партийном уровне было официально сказано, что СМИ не должны пропагандировать идеи партии, а лишь поддерживать ее в интересах страны внутри КНР, транслировать идеи партии для иностранной аудитории для улучшения понимания и взаимодействия КНР с другими странами [Wong, 2016].

В докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК (3 ноября 2017 г.) рекомендации непосредственно СМИ сформулированы так: «Необходимо неизменно ориентировать общественное мнение в правильном направлении, уделять повышенное внимание созданию и обновлению средств распространения информации, наращивать потенциал СМИ в области распространения информации, ориентирования, оказания влияния и завоевания общественного доверия. Усилить работу по созданию контента сети Интернет, создать систему комплексного управления сетью и чистое киберпространство. Предстоит проводить в жизнь систему ответственности за идеологическую работу, интенсифицировать выработку идеологических позиций и усиливать их управление, обращать внимание на четкое разграничение вопросов, касающихся политических принципов, идеологического сознания и научных точек зрения, занимая четкую позицию, выступать против разного рода ошибочных взглядов и противостоять им»⁵.

Выработка современных норм журналистской этики в КНР происходила фактически параллельно с построением системы СМИ под контролем государства, но в конце 1980-х гг. начался современный этап, когда «редакция газет и журналов было разрешено функционировать как коммерческим предприятиям. Переход на рыночную экономику изменил редакционно-издательскую парадигму: если раньше единственным субъектом, определявшим редакционную политику и финансирование газеты, было государство во главе с КПК, то теперь пресса зависела еще и от рынка...» [Ткачева, 2019]. При этом с расширением политики открытости и внешних контактов Китая с миром, вопросы функционирования СМИ КНР и профессиональные этические нормы, возможно, потребуют дальнейшей корректировки со стороны государства.

³ См.: Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК. 03.11.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения 07.06.2021).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Кодификация этических норм профессиональным сообществом

С 1989 г. начался современный этап трансформации этических норм журналистики профессиональным сообществом⁶. К 1991 г. Всекитайская ассоциация журналистов разработала и опубликовала «Кодекс профессиональных этических норм журналиста КНР». Отметим, что само создание документа было продиктовано необходимостью повышения доверия к журналистам, создания «поставщиков» достоверной в глазах общества информации, поскольку журналисты зачастую воспринимались коррумпированными сплетниками, а кроме того, совершенно отсутствовали официальные нормы профессиональной деятельности и взаимодействия журналистов с коллегами. Документ состоит из семи статей, главные положения которых заключаются в руководстве идеями марксизма при осуществлении профессиональной деятельности, чувстве единства всех народностей КНР, отказе от заказных материалов, сохранении государственной тайны. 27 ноября 2009 г. в «Кодекс» были внесены изменения в связи с результатами проводившихся тогда опросов населения, которые показывали недоверие людей к журналистам⁷. Эта версия имеет следующие поправки: во-первых, в этом документе люди (спикеры) впервые рассматриваются как субъекты репортажей и объекты журналистских услуг; во-вторых, утверждается развитие принципа «преимущественно позитивных отчетов, вдохновляющей формы укрепления солидарности и стабильности»; в-третьих, указание принципа достоверности новостей; и, в-четвертых, акцентируется внимание на идее развития прекрасных традиций. Например, с 2013 г. была учреждена ежегодная церемония присвоения звания «Отличный журналист» работникам СМИ и информационных служб, которые имеют выдающиеся успехи и заслуги в своей профессиональной области⁸.

В ноябре 2019 г. в «Кодекс» были внесены последние поправки, согласно которым СМИ необходимо руководить информационным потоком. Кроме того, были добавлены такие пункты, как «вооружать умы идеями Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эру», «поддерживать чаяния народа»⁹.

Одновременно Китайская газетная ассоциация специально разработала «Китайскую конвенцию о самодисциплине газет» для разрешения проблем, существующих в работе и управлении газетами, и создала Комитет по надзору за ее соблюдением. Центральные и местные средства массовой информации, такие как информационное агентство «Синьхуа», газеты «Жэньминь жибао», «Гуанминь жибао» и некоторые другие разработали внутренние правила саморегулирования [Цзе Чжоу, 2019, с. 72].

Для этических кодексов западноевропейских стран обычно выделяют следующие схожие черты:

- 1) точность и правдивость публикуемой информации;
- 2) честность в методах сбора этой информации;
- 3) свобода выражения мнений, плюрализм в журналистских материалах;

⁶ В Китае кодификация журналистской этики профессиональным сообществом началась позже, чем в европейских странах, в 1921 г. После образования КНР в 1949 г. национальные СМИ находились под контролем государства. После провозглашения в 1978 г. курса на политику реформ и открытости китайская журналистика получила большую свободу выражения мнений. Одновременно шел процесс развития и профессиональной этики [Цзе Чжоу, 2019, с. 71].

⁷ Чжунхуа цюаньго синьвэнь гунцзочжэ сехуэй цзяньцзе [中华全国新闻工作者协会简介]. Краткое описание Всекитайской ассоциации журналистов // Официальная страница Всекитайской ассоциации журналистов. URL: <http://www.xinhuanet.com/zgjx/staticcontent/jxjj.html> (дата обращения 15.05.2019).

⁸ Chinese Journalism Development Report. // news.xinhuanet.com. 07.04.2015. URL: http://en.theorychina.org/chinatoday_2483/whitebooks/201504/t20150407_321169.shtml (дата обращения 06.05.2019).

⁹ Синь сюдин дэ «Чжунго синьвэнь гунцзочжэ чжие даодэ чжуньцзэ» гунбу [新修订的《中国新闻工作者职业道德准则》公布]. Обнародован вновь отредактированный «Кодекс профессиональных этических норм журналиста КНР» // Новостное видео на официальном новостном портале Коммунистической партии Китая от 15.12.2019. URL: <http://cpc.people.com.cn/shipin/n1/2019/1216/c243247-31508626.html> (дата обращения 25.12.2019).

4) отсутствие дискриминации по признакам расовых, этнических (национальных), половых различий, религиозных взглядов, социального положения, физических или каких-либо других особенностей группы или индивида;

5) уважение к источникам информации, авторскому праву и цитируемому тексту;

6) независимость от каких-либо политических и экономических сил [Мамонтова, 2010, с. 69].

В действующей версии китайского «Кодекса» основные требования к журналисту схожи с европейскими:

1) уважение права общества на получение достоверной информации;

2) запрет плагиата, умышленного искажения фактов, клеветы, оскорбления, необоснованного обвинения, дачи и получения взятки;

3) уважение права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и не разглашение ее без согласия;

4) соблюдение законодательства своей страны;

5) опровержение и исправление ложной информации.

Но при этом в тексте «Кодекса» особое внимание уделяется обязанности журналистов «служить народу, родине и партии всем сердцем», повышать понимание и интерес к Китаю на международном уровне, использовать в своей деятельности все доступные новшества, следить за информационными трендами.

В 2014 г. в Китае была запущена пилотная программа для системы отчетов о социальной ответственности средств массовой информации, направленная на стимулирование инициативы СМИ по выполнению своей социальной ответственности. Программа предписывает публикацию ежегодных отчетов средств массовой информации о своей профессиональной деятельности. Первыми участниками пилотной программы стали 5 центральных СМИ: «Economic Daily», «China Youth Daily», «CCTV», «people.com.cn» и «xinhuanet.com»; и 6 региональных СМИ: «Hebei Daily», «Jiefang Daily», «Qilu Evening News», «Hubei Daily Media Group», «Hubei TV», «Zhejiang Satellite TV». Каждый отчет был рассмотрен Всекитайской ассоциацией журналистов и местным комитетом журналистской этики и проверен соответствующими административными органами перед публикацией. Отчеты выкладываются в открытый доступ на официальном сайте Всекитайской ассоциации журналистов.

Согласно «Докладу о развитии китайской журналистики», подготовленному Всекитайской ассоциацией журналистов в 2014 г., за предшествующие годы был принят ряд мер по содействию развитию журналистской этики и созданию долговременного механизма саморегулирования в информационной сфере. Подчеркивается принцип правдивости предоставляемой информации вне зависимости от собственной выгоды, важность улучшения профессиональных навыков журналистов, поддержание лидерства партии на страницах газет и других периодических изданий, радио- и телестанций и новостных порталов¹⁰.

Д. Бандурски, редактор «China Media Project» в Университете Гонконга, отмечает, что «при Си Цзиньпине центральная роль партии очевидна для каждого отдельного СМИ. Партия – это центр, а вы служите нашей повестке дня. Сейчас это гораздо более важно и определяется для всех медиа-платформ от социальных сетей до коммерческих»¹¹. Мы видим принципиально иной подход к формированию взаимоотношений СМИ и власти по сравнению с европейской традицией.

¹⁰ Chinese Journalism Development Report. // news.xinhuanet.com. 07.04.2015. URL: http://en.theorychina.org/chinatoday_2483/whitebooks/201504/t20150407_321169.shtml (дата обращения 06.05.2019).

¹¹ Chinese magazine challenges government over censorship // The Guardian. 08.03.2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/mar/08/chinese-magazine-challenges-government-censorship-organ> (дата обращения 07.06.2021).

Х. Флоркруз¹² отмечает, что основное отличие, которое существует в работе китайских и западных журналистов, заключается в разнице восприятия себя относительно общества в западной и восточной культурах, о которой говорят и современные культурологи. Если западные журналисты работают индивидуально, на свое имя, то китайские журналисты предпочитают работать в группах, без указания авторства. Еще одной особенностью он считает то, что западные журналисты в своей деятельности больше всего задаются вопросом «почему?», т. е. на Западе преобладают аналитические материалы, а журналисты выступают в качестве расследователей, в то время как большинство журналистов в Китае рассматривают информацию, прежде всего, как новость, которую они должны достоверно представить населению, поэтому они часто используют раздаточные материалы и пресс-релизы, в своей деятельности опираются на вопросы «кто?», «что?», «где?», «когда?», избегая поиска причин тех или иных событий, особенно если речь идет о санкционированных правительством мероприятиях. Флоркруз, оценивая деятельность китайских СМИ с традиционных западных позиций, утверждает, что темы свободы слова и демократии являются одними из «необсуждаемых» в Китае [Auman, 2014].

В Китае проводилось несколько долгосрочных кампаний по развитию журналистской этики. Например, кампания по обязательному изучению журналистами теоретических основ идеи социализма с китайской спецификой, изложению новостей в СМИ через призму марксизма действует в КНР с 2003 г. В 2011 г. была развернута широкая кампания по устранению ложных сообщений в СМИ и побуждению журналистов освещать жизнь широких масс в различных районах Китая, что, по мнению правительства, улучшит профессиональную подготовку журналистов и качество их материалов, а также повысит их этические стандарты. В результате было опубликовано большое количество журналистских материалов, освещающих жизнь населения в отдаленных районах, что вызвало высокую обеспокоенность общественности и привлекло внимание к проблемам бедных районов в Китае соответствующих властей: центральные и местные органы власти организовали и выделили финансирование на реализацию программы «Бесплатный обед для детей» по всему Китаю. Своими репортажами в Лишуй, Тайчжоу, Вэньчжоу и многих других городах и уездах приморской провинции Чжэцзян журналисты, пишущие в газете «Чжэцзян», помогли местным фермерам решить проблемы сбыта фруктов и выбора участка для перекачки пресной воды.

Внедрение системы отчетности делает систему работы СМИ еще более доступной как органам контроля, так и широкой общественности. Это отчасти может помочь в решении проблемы недоверия к СМИ, но также делает их еще более зависимыми от государства.

Говоря о журналистской этике, нужно сказать, что существует еще и корпоративная этика. Она подразумевает некие устоявшиеся в конкретной компании нормы и правила, которые должны выполнять все сотрудники. Обычно в европейских странах корпоративная этика в СМИ может фиксироваться как во внутреннем распорядке их работы, так и во внешних аспектах, таких как стиль изложения информации, методы поиска и сбора данных, работа со спикерами, тематика и способы подачи освещаемых новостей и т. д. Различия во внутрикорпоративной этике могут быть весьма серьезными, но это удастся проследить при наличии СМИ с разными идеологическими и политическими взглядами, которые отстаивают свою позицию. В Китае же уставы крупнейших поставщиков информации, как, например, информ-агентство «Синьхуа», крупнейшая ежедневная государственная газета «Жэньминь жибао», крупнейшее англоязычное издание в КНР «China Daily», центральное телевидение Китая «CCNV», медиакорпорация, которая появилась и разрослась в Интернете, – «Sina», содержат те же призывы к поддержанию и распространению политики КПК, работе в интересах страны и дальнейшего процветания КНР, что были приведены выше. Безусловно, в КНР существуют издания так называемых «демократических партий», но, согласно Конституции, Коммунистическая партия Китая и другие восемь партий существуют в условиях взаимной

¹² Хайме Флоркруз – журналист, много лет работал в Китае, глава Пекинского бюро CNN в отставке, преподаватель западной журналистской этики Пекинского университета.

поддержки и выручки, совместно работают на благо Китая, не препятствуя благополучному развитию страны. Таким образом, исключается возможность прямой критики правительства, есть возможность лишь вносить предложения к КПК или поднимать темы, которые не идут вразрез с теми, что освещаются правительственными СМИ.

Что касается профессиональных задач журналистов в КНР, то результаты опроса показали, что самим журналистам важно сообщать правдивую информацию, проводить анализ текущих дел (и событий), поддерживать национальное развитие, давать советы [обществу], ориентировать и направлять его в повседневной жизни и при этом оставаться сторонним наблюдателем. Задачи, названные журналистами в ходе опроса, вполне соответствуют тем, которые перед ними ставит правительство. Большинство журналистов в Китае считают необходимым освещать такие новости, которые могут заинтересовать и вызвать обсуждение широкой общественностью, поскольку это не только выявит взгляды аудитории, но также позволит направлять их, поддерживать позицию правительства. Авторы исследования отмечают, что 25 % респондентов сказали, что важно выражать оппозицию правительству в своей работе, но это самое непопулярное утверждение в опросе. При этом журналисты отметили, что поддерживать правительство – не значит представлять его только с позитивной стороны, это значит работать на благо общества и страны, иногда проверять действия представителей власти. Также СМИ должны принимать непосредственное участие в определении политической повестки дня, мотивировать людей к активной политической и гражданской позиции, а значит, быть для них примером.

Важно отметить, что подавляющее большинство респондентов сошлись во мнении, что журналисты должны всегда придерживаться Кодекса профессиональной этики, независимо от ситуации и контекста, но при другой формулировке вопроса больше 30 % опрошенных согласились, что приемлемо отложить моральные нормы, если этого требуют чрезвычайные обстоятельства. Каждый третий из опрошенных обратил внимание, что этические решения журналистов зависят от конкретной ситуации. Ответ на вопрос о методах сбора информации и вовсе во многом расходится с утверждениями, которые включает этический кодекс, потому что в своей работе большинство журналистов в Китае допускают использование скрытых микрофонов или камер, готовы платить людям за конфиденциальную информацию, а также наниматься в фирму или организацию, чтобы получить внутреннюю информацию. Некоторые журналисты (в среднем около 15 %) сочли допустимым в некоторых случаях принимать деньги от источников информации, изменять или фабриковать цитаты и использовать личные данные (например, письма и фотографии) без разрешения. Таким образом, некоторые респонденты противоречат сами себе, одновременно отмечая, что в профессиональной деятельности журналисту необходимо всегда следовать этическим и моральным нормам, но признавая, что весьма грубо их нарушали.

Интересно и отношение к ограничениям в информационной сфере, которые, безусловно, существуют в современном Китае. Так, большинство респондентов (68,4 %) сказали, что у них есть некоторая свобода в выборе темы своего материала, а 15 % признались, что у них мало или вообще нет свободы. Большинство журналистов подтвердили, что их работа существенно ограничена государственной и корпоративной цензурой, менеджерами, руководителями отделов, редакторами. Также многие журналисты зафиксировали изменения в медиа-сфере, которые происходят по причине глобализации и активного развития Интернета. Например, они отметили необходимость быстрого поиска и предоставления информации, умения работать с разными источниками информации и взаимодействовать с аудиторией [Zhou B., Zhou Y., 2016].

Таким образом, можно определить два основных принципа этики журналистов в современной КНР: осуществление работы в интересах и в соответствии с ценностями КПК; отношение к информации как к данности, новости, которую необходимо достоверно рассказать широкой общественности. Журналист должен быть образцовым представителем китайского общества, который способен вдохновлять и вести за собой население КНР. Это утверждение,

согласно данным представленного выше опроса, поддерживают большинство журналистов Китая. Практическим рекомендациям к работе журналистов уделяется меньше внимания, чем идеологическим постулатам, как со стороны правительства, контролирующей организации, так и со стороны журналистского сообщества.

Заключение

Профессиональные этические нормы журналистов в любой стране – вершина айсберга, основание которого лежит в религиозной и светской этике, обусловленной историческим и общественно-политическим контекстом, а потому этические нормы китайских журналистов требуют дальнейшего изучения с привлечением специалистов-религиоведов, историков, политологов. В исследованиях последних лет отмечается, что невозможно скопировать опыт западных государств и механически перенести его на другие страны. Те социальные роли, которые выполняют СМИ в Европе, не являются такими же значимыми в других обществах, теория «социальной ответственности» перестает восприниматься исследователями как единственно верная в оценке деятельности национальных медиасистем. И в большой степени на это влияет опыт Китая.

Этические нормы журналистов Китая формируются и трансформируются под влиянием целого ряда факторов: культурных и религиозных традиций, общественно-политической ситуации внутри страны, меняющейся геополитической ситуации. Видимо, не стоит пытаться объяснить особое отношение китайских журналистов к своей миссии только господствующей в последние десятилетия в стране идеологией. В большой степени это влияние культурных и религиозных традиций, сформировавших особые взаимоотношения государства со своими гражданами, но это тема отдельного междисциплинарного исследования.

В США, европейских странах высказывания высших должностных лиц государства по поводу этичности поведения журналистов ситуативны и фрагментарны (введение термина «разгребатели грязи», например). В Китае же на протяжении последних десятилетий эта проблема затрагивается в целом ряде документов, выступлений, докладов на партийных мероприятиях, рассматривается детально, с рекомендациями, обязательными к исполнению.

Обычно, сравнивая опыт европейских стран в сфере регулирования деятельности СМИ, мы говорим о том, что чем более жесткое законодательство действует в стране, тем менее разрабатывается этическое нормирование профессиональным сообществом, и наоборот. Пример Китая демонстрирует третий вариант, когда само государство жестко регламентирует именно профессиональные этические нормы, которые в большей степени предписывают порядок отношений СМИ и власти или СМИ и общества, скупко оговаривая практические нормы ведения профессиональной деятельности.

Список литературы

- Мамонтова О. И.** Развитие основных институтов саморегулирования СМИ в мире // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2010. № 5. С. 63–71.
- Манчини П.** Нельзя провести параллель между западными и остальными странами // МедиаТренды. 2014. № 1 (43). 16 янв. URL: http://www.journ.msu.ru/downloads/2017/MediaTrendi_43.pdf (дата обращения 07.06.2021).
- Нигматуллина К. Р.** Профессиональная культура журналистов в России. СПб., 2021. 287 с.
- Ткачева Н. В.** Этапы формирования китайской медиасистемы // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3, № 1. С. 83–89.
- Цзе Чжоу.** Саморегулирование СМИ в условиях новых медиа в Китае // Журналист. Социальные коммуникации. 2019. № 2 (34) С. 68–78.
- Цзинь Л., Кононова Е.** Формирование стандартов журналистской этики в Китае // Визуально-семантические средства современной медиаиндустрии: Материалы Республ. науч.-

- практ. конф. Минск, 2015. С. 104–106. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/119093/1/Li%20Tzin_Vizual_konf_2015.pdf (дата обращения 07.06.2021).
- Шисюань Ч.** Характеристики китайской журналистики в эпоху цифровых технологий // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 427–429.
- Шредер Н. Г.** Профессиональная этика и этикет. М.: Науч. кн., 2009. 258 с.
- Auman A.** Practicing Media Ethics in China: The Accidental Journalist Jaime FlorCruz // Media Ethics Magazine. 2014. URL: https://www.mediaethicsmagazine.com/index.php?option=com_content&view=article&id=3999200:practicing-media-ethics-in-china-the-accidental-journalist-jaime-florcruz&catid=209&Itemid=486 (дата обращения 07.06.2021).
- Wong E.** Xi Jinping's News Alert: Chinese Media Must Serve the Party. *The New York Times*, 22.02.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/02/23/world/asia/china-media-policy-xi-jinping.html> (accessed 22.05.2019).
- Zhou B., Zhou Y.** Journalists in China. Worlds of Journalism Study. Country Report. China, Fudan University, 2016. 5 p.

References

- Auman A.** Practicing Media Ethics in China: The Accidental Journalist Jaime FlorCruz. Media Ethics Magazine. 2014. URL: https://www.mediaethicsmagazine.com/index.php?option=com_content&view=article&id=3999200:practicing-media-ethics-in-china-the-accidental-journalist-jaime-florcruz&catid=209&Itemid=486 (accessed 07.06.2021).
- Mamontova O. I.** Razvitie osnovnykh institutov samoregulirovaniya SMI v mire [Development of the main institutions of media self-regulation in the world]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistska* [Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism], 2010, no. 5, pp. 63–71. (in Russ.)
- Manchini P.** Nel'z'ya provesti parallel' mezhdu zapadnymi i ostal'nymi stranami [It is impossible to draw a parallel between Western and other countries]. *MediaTrends*, 2014, no. 1 (43), January 16. (in Russ.) URL: http://www.journ.msu.ru/downloads/2017/MediaTrendi_43.pdf (accessed 07.06.2021).
- Nigmatullina K. R.** Professional'naya kul'tura zhurnalistsov v Rossii [Professional culture of journalists in Russia]. St. Petersburg, 2021, 287 p. (in Russ.)
- Shisyuan Ch.** Kharakteristiki kitayskoi zhurnalistski v epokhu tsifrovyykh tekhnologii [Characteristics of Chinese Journalism in the Digital Age]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2021, no. 4 (89), pp. 427–429. (in Russ.)
- Shreder N. G.** Professional'naya etika i etiket [Professional ethics and etiquette]. Moscow, Nauchnaya kniga Publ., 2009, 258 p. (in Russ.)
- Tkacheva N. V.** Etapy formirovaniya kitayskoi mediasistemy [Stages of formation of the Chinese media system]. *Rossiisko-kitayskie issledovaniya* [Russian-Chinese Studies], 2019, vol. 3, no. 1, pp. 83–89. (in Russ.)
- Tsze Chzhou.** Samoregulirovanie SMI v usloviyakh novykh media v Kitaye [Self-regulation of the media in the context of new media in China]. *Zhurnalists. Sotsial'nye kommunikatsii* [Journalist. Social communications], 2019, no. 2 (34), pp. 68–78. (in Russ.)
- Tszin L., Kononova E.** Formirovanie standartov zhurnalistskoi etiki v Kitae [Formation of standards of journalistic ethics in China]. In: *Vizual'no-semanticheskie sredstva sovremennoi mediaindustrii* [Visual-semantic means of the modern media industry]. Materials of the Republican scientific-practical conference. Minsk, 2015, pp. 104–106. (in Russ.) URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/119093/1/Li%20Tzin_Vizual_konf_2015.pdf (accessed 07.06.2021).
- Wong E.** Xi Jinping's News Alert: Chinese Media Must Serve the Party. *The New York Times*, 22.02.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/02/23/world/asia/china-media-policy-xi-jinping.html> (accessed 22.05.2019).

Zhou B., Zhou Y. Journalists in China. Worlds of Journalism Study. Country Report. China, Fudan University, 2016. 5 p.

Информация об авторах

Владислава Сергеевна Истомина, выпускница направлений подготовки «Востоковедение» (бакалавриат, 2017) и «Журналистика» (магистратура, 2019) Новосибирского государственного университета, продюсер YouTube-канала «Mash»

Наталья Борисовна Симонова, кандидат исторических наук, доцент

Information about the Authors

Vladislava S. Istomina, Graduate of the “Oriental Studies” (bachelor's degree, 2017) and “Journalism” (master's degree, 2019) Programs of Novosibirsk State University, Producer of the “Mash” YouTube channel

Natalya B. Simonova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 03.02.2022;

одобрена после рецензирования 03.03.2022; принята к публикации 05.03.2022

The article was submitted 03.02.2022;

approved after reviewing 03.03.2022; accepted for publication 05.03.2022

Научная статья

УДК 08 + 070 + 09

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-130-137

Сравнительно-исторический подход к становлению альманаха как типа издания

Юлия Борисовна Балашова

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

j.balashova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2315-8076>

Аннотация

В статье альманах получает интерпретацию как интернациональный тип издания, представленный во всех основных национальных традициях, сложившихся на европейской основе. Возникнув на Востоке, в Средние века астрологические альманахи-календари распространяются по Европе. На этапе перехода к Новому времени происходит трансформация альманашного типа. В России с конца XVIII в. начинает абсолютно доминировать литературная составляющая некогда единого альманаха-календаря; в США в это же время утверждается главенство календарного контента («Фермерские альманахи»). Европейская традиция альманахов эксплицирует синтагматику явления, российская – семантику, американская – прагматику.

Ключевые слова

альманах, календарь, тип издания, Новое время

Для цитирования

Балашова Ю. Б. Сравнительно-исторический подход к становлению альманаха как типа издания // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 130–137. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-130-137

Comparative and Historical Approach to the Almanac Genesis as a Type of Publications

Yulia B. Balashova

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russian Federation

j.balashova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2315-8076>

Abstract

In the article almanacs are interpreted as an international type of publications, presented in the all major European national traditions and developed predominantly on a European basis. Originating in the East, astrological almanacs-calendars spread throughout Europe in the Middle Ages. At the threshold of the Modern Age, almanacs significantly transformed. In Russia, since the end of the 18th century, literary component of the once unified almanac-calendar has been dominating; in the United States, at the same time, the calendar content has been overshadowing (“Farmer’s Almanacs”). European tradition of the almanacs explicates the syntagmatics of the phenomenon, the Russian – semantics, the American – pragmatics. In the other words, in the United States, the calendar element of almanacs changed to the greatest extent. In contrast to this, in Russia, almanac content was culture-oriented and served as channel of a national literature. The calendar element in the Russian almanac tradition did not appear directly, but was mediated by the literary content formed under the influence of the romantic type of the culture (manifested in the seasonal con-

© Балашова Ю. Б., 2022

finement, composition, genres and thematic, tolerance for the ideological differences). As an international type of publications, almanacs reveal their full potential at the intersection of the different national traditions.

Keywords

almanacs, calendar, type of publications, Modern Age

For citation

Balashova Yu. B. Comparative and Historical Approach to the Almanac Genesis as a Type of Publications. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 130–137. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-130-137

Введение

Первоначальный период становления типов печати смысловозначителен (по аналогии с живой природой) для их типоформирующей модели (так, журнал как тип издания структурно-генетически соотносится с научно-просветительской проблематикой). Перспективнейшее направление историко-журналистских штудий – изучение различных типов прессы в широком международном и междисциплинарном контексте. Однако более или менее последовательные историко-журналистские исследования компаративистского толка в российской науке, по существу, отсутствуют; в западной традиции – наряду с отдельными сравнительными описаниями (прессы отдельных стран / региона / конкретных исторических периодов) – скорее декларируется сам факт их необходимости (*Medien & Zeit (Theme: What is Communication History? European Answers II)*, 2011, no. 4).

В перспективе наша цель состоит в том, чтобы построить целостную историю отдельно взятого типа издания, а именно альманаха, в глобальном контексте. Потенциальное значение подобного изыскания для истории печати в целом определяется пограничным положением альманаха, находящегося между парадигмами периодических и непериодических изданий, прессой и книгой (сборником). В качестве точки отсчета выбран переход к Новой истории – периоду становления национальных культурных традиций, сопровождавшемуся образованием ведущих типологических разновидностей альманаха, изначально основанных на европейской практике. Эмпирическую базу составляет обзорная выборка ряда знаковых российских, европейских и американских альманахов, причем для отечественной традиции акцент сделан на XVIII в. как времени одновременно ученичества у Европы и опережающего развития.

Результаты исследования

В условиях типологической дифференциации альманахов, проявившейся уже на самом раннем, средневековом, этапе становления явления, генезис альманахов в Европе и Древней Руси оказывается схож. Альманахи-календари имели хождение у арабов и были завезены в Европу рыцарями, вернувшимися из крестовых походов. В Средние века альманахи представляли собой по преимуществу народный календарь, где в символическом плане главенствовали астрологические предсказания (учитывая роль эсхатологии, пророчеств о конце света). Графически-текстовую основу такого календаря для чтения составляли календарные таблицы, содержащие сведения о погоде, восходе и заходе луны и солнца, затмениях; в прямом соотношении с астрологически-календарным прогнозом размещались практические рекомендации (бытовые, сельскохозяйственные); развлекательно-морализаторскую интенцию несли малые литературные жанры (фаблио, анекдоты, новеллы)¹. В прагматическом отношении рукописные альманахи-календари заменяли Библию или газету. Так, в колониальной Америке “The Bible and the almanac were the only reading matter in many a household” («Библия и альманах были единственными книгами для чтения во многих семьях»)² [Brigham, 1925, p. 4]. И в Европе, и в Древней Руси церковная и светская власти пытались бороться с такого

¹ О первоначальном составе и общей истории альманаха см., например: *Encyclopedia Britannica*. In 24 vols. Chicago, 1964, vol. 1; *The Encyclopedia Americana*. In 36 vols. New York, 1946, vol. 1.

² Здесь и далее перевод мой. – Ю. Б.

рода чародейскими, апокрифическими рукописными сборниками, однако альманахи обладают свойством протестичности, выступают в разных ипостасях³: то «прогностиками», то «книгами погоды», то «изборниками», то «королевскими альманахами», то «адрес-календарями, или месяцесловами», то «памятными книжками», то литературными «карманными книжками», то специализированными сборниками, отчетами о деятельности обществ, дневниками и др.⁴ Примечательно, что первыми изданиями, приписываемыми И. Гутенбергу, принято считать листовки-календари. Другой пример: в начале XVII в. в Италии на вульгаризованном итальянском был издан альманах «Эфемеридиум. Небесное движение», представляющий собой типичный астрологический (зодиакальный) и календарный (затмения, ветра) прогноз на несколько десятилетий вперед, снабженный чертежами и таблицами (Antoni, Patavini, 1608). Календарные сведения изначально органично соединялись с официальной информацией и локализацией по месту издания (краеведческого плана): “A Collection of Oxford Almanacs from the first publication in the year 1674 to present time including a great number of Portraits of illustrious persons and Views of the City and of the particular Colleges accompanied with explanations of the Persons of Place represented. Being Bissexile or Leap Year”⁵. Указанный альманах предвосхищает кипсеки (keepsakes), предстает роскошным изданием (приближенным по нынешним меркам к формату A1), содержащим фактические сведения (в том числе о британских портах), календарь, рукописные маргиналии, а также гравюры издаваемых в Оксфорде альманахов. В условиях переходного XVII столетия в Европе продолжали в значительном количестве выходить в свет собственно астрологические альманахи [Lanuza-Navarro, 2009]. Так, в Англии их издавал знаменитый астролог Уильям Лилли. В такого рода примерах отчетливо просматривается прообраз «учено-литературных сборников», получивших распространение в разных странах в середине XIX в.

Печатные альманахи на всем протяжении своего дальнейшего существования неизменно сохраняют календарную основу (этот тезис справедлив и в отношении новейших альманахов, представленных по преимуществу в цифровой среде). Таким образом, альманахи-календари составляют первичную моделирующую для альманахов систему; впоследствии, при формировании вторичной моделирующей системы альманахов-сборников, разные национальные традиции демонстрируют доминирование либо факторов календарного свойства, либо литературных.

С наступлением Нового времени первый настоящий «альманашный бум» произошел в США, куда альманахи привезли колонисты, причем в специфическом преломлении популярной культуры. Альманахи «...к началу XVIII в. представляли собой достаточно большой корпус массовой журнально-литературной продукции. Составители альманахов добавляли к своему имени титул “филомат” (“любитель знания”) и подчеркивали, что помещают астрологические предсказания только “для развлечения простолюдинов”, прекрасно понимая, что выпуск альманахов был в первую очередь коммерчески выгодным предприятием. Тематика альманахов значительно расширилась – они включали (в дополнение к традиционным советам, прогнозам и предсказаниям) стихотворные и юмористические тексты, загадки, пословицы, эссе. Распространялись альманахи через книжные лавки, самими типографиями, а также бродячими торговцами. Хождение альманахов было чрезвычайно широким, а для удобства

³ Общая динамика развития альманахов в России, их типологические варианты рассмотрены в монографии автора: [Балашова, 2011].

⁴ См., например: An almanac but for one day, or the Son of Man, upon an high account day. The last day. Latter day. Lords day The Day of Judgment. Day of doom. <...> Glasgow, 1671; An almanack, or New prognostication, for the year of our Lord, 1709–(1710): Being the first after Bissexile or leap-year, and from the creation of the world, 5658. Exactly calculated for the famous city of Edinburgh, the metropolitan of the most antient Kindom of Scotland, now called North-Britain, whose latitude is 55 d. 54 m. Longitude is 11 d. 37 m. By G. C. Mathemat. Edinburg [1709–1710]; An almanack: or, a diary astronomical, meteorological, astrological, for the year of our Lord, 1718. Dublin, 1718.

⁵ «Коллекция Оксфордских Альманахов от первой публикации в 1674 г. по настоящее время, в том числе с большим количеством Портретов иллюзорных лиц и видами на город и на колледжи, что сопровождается объяснениями лиц, представляющих место. В високосный год» (без пагинации).

читателей они издавались карманным форматом. В Пенсильвании альманахи были самой ходовой частью печатной продукции; <...> безусловные тактические и стратегические преимущества издания собственного альманаха: финансовая выгода дополнялась возможностью идеологического воздействия на значительно большую читательскую аудиторию. Так родилась идея создания «Альманаха Бедного Ричарда» (“Poor Richard’s Almanack”), который Франклин стал издавать от имени нового образа – маски Ричарда Сондерса, филомата» [Беспалов и др., 2003. С. 69–70]. Такого рода достаточно широкая альманажная аудитория в России начала складываться только в первой половине XIX в., когда альманахи получили распространение сначала в виде романтических «карманных книжек», а затем, в середине века, как коммерческие сборники «для легкого чтения».

Созданный отцом-основателем США Бенджамином Франклином «Альманах Бедного Ричарда» (1732–1758) послужил образцом для последующих альманахов⁶. Альманах напоминает лубочную книгу с немногочисленными картинками. С позиций оформительской культуры (типоформирующей для альманаха) «Альманах Бедного Ричарда» продолжает традицию средневековых альманахов-календарей с редуцированной собственно календарной частью. Выпуски альманаха выглядят как небольшие сборники карманного формата, украшенные знаками зодиака, со страницами, разделенными на графы-строки (рудимент календарных таблиц). Содержание сборников составляют различные сентенции и анекдоты, каждый из которых помещен в отдельную графу. Разрабатываются традиционные сатирические темы злых и сварливых жен, обманутых мужей, горьких пьяниц, продажных адвокатов, корыстных лекарей. Спорадически возникает рифмованная проза, схожая с райком: “God works wonders now and then; behold! a lawyer, an honest man” («Бог то и дело творит чудеса – и вот судья стал честным человеком») (Poor Richard’s Almanach, 1732). Завершается альманах рождественскими поздравлениями; с позиций временной приуроченности он выступает типично календарным изданием. Однако важнейшей миссией альманаха Франклина следует считать продвижение протестантской этики, идеологии свободного труда и предпринимательства, собственности и спасения через труд: “Mine is better than Ours” («Мое – лучше, чем наше»); “Having been poor is no shame, but being ashamed of it, is” («Быть бедным не стыдно, но надо стыдиться самого этого чувства»), “A life of leisure and a life of laziness are two things” («Жизнь, наполненная отдыхом, и жизнь, наполненная ленью, – две разные вещи»). С этих мировоззренческих позиций «Альманах Бедного Ричарда» близок «апофегматам», сборникам «Кратких, витиеватых и нравоучительных повестей» (впервые изданных в России в 1711 г. и многократно переиздававшихся). Обозначенная линия изданий для народного чтения получает в России особое распространение во второй половине XIX в., а ее ярким воплощением следует считать альманах Л. Н. Толстого «Круг чтения» (1906).

Известно, что «Альманах Бедного Ричарда» издавался (в том числе в переводном варианте) в Европе. Можно предположить, что альманах Франклина был известен и в России. Так, в 1791 г. вышел в свет альманах московского лубочного романиста Матвея Комарова. В этом уникальном в своем роде издании, альманахе-хрестоматии, тяготеющем к календарному прообразу, представлены, с одной стороны, актуальные литературные жанры (сонеты, оды, басни, эпиграммы, анекдотические повести), а с другой – традиционные календарные рекомендации («Примечания о будущих погодках», «Как огурцы в бочку класть», «О некоторых простых лекарствах»). В предисловии М. Комаров обозначил преследуемую им цель: «И для того желал я слабым моим пером оказать обществу хотя малейшую какую ни есть услугу,

⁶ Ср. с предвыборным альманахом карманного формата президента США Ричарда Никсона, содержащим традиционное новогоднее поздравление и имитирующим классические прогностики. Выделенные 32 раздела альманаха содержат сведения о природе (как, например, затмениях), здоровье (“Plagues and Swamp Fevers” («Язвы и болотная лихорадка»)), домашнем хозяйстве (“Frugal Housekeeping” («Бережливая уборка дома»)), морали (“Moral Tales and Proverbs” («Морализаторские сказки и пословицы»)). Общий иронический контекст сборника носит предвыборно-агитационный, политический характер (“Labor’s Love Lost” («Утраченная любовь лейбористов»)). См.: The Almanack of Poor Richard Nixon. Cleveland and New York: The World Publishing Company, 1968. 190 p.

принял намерение для удовольствия любопытных читателей, а особенно для таких, которые не имеют способа читать многие книги, напечатать ныне в числе прежде изданных мною книжек, разные письменные материи <...>» (Разные письменные материи, 1791). Такого рода интенция близка к афоризму из «Альманаха Бедного Ричарда»: “Reed much, but not too many books” («Читайте много, но не злоупотребляйте книгами»); одновременно она выступает наиболее точным выражением альманашного целеполагания. Альманахи и представляют собой вариант одной книги (к этому типу относятся священные писания), предоставляют универсальный круг чтения на определенный отрезок годового цикла, выступают способом его измерения.

Под влиянием моды на «Календари Муз», сформированной в Германии, Франции, Англии в середине XVIII в., в России расцвет литературных альманахов-«карманных книжек» относится к концу XVIII в., благодаря литературно-издательской деятельности Н. М. Карамзина. Согласно утверждению Карамзина в предисловии к первой книжке «Аонид» (Кн. 1–3, 1796–1799), «почти на всех европейских языках ежегодно издается собрание новых, мелких стихотворений, под именем Календаря Муз (almanach des Muses); мне хотелось выдать и на русском нечто подобное для любителей Поэзии <...>» (Аониды, 1796, с. 3). Первым же российским собственно литературным альманахом принято считать выпущенный Карамзиным альманах «Аглая» (Кн. 1–2, 1794–1795). По словам самого Карамзина, «...“Аглая” заступит место “Московского Журнала”. Впрочем, она должна отличаться от сего последнего строжайшим выбором пьес и вообще чистейшим, то есть более *выработанным* слогом, ибо я не принужден буду издавать ее в срок» (цит. по: [Смирнов-Сокольский, 1965, с. 49]). Это заявление Карамзина непосредственно перекликается с аналогичным высказыванием 1795 г.; приступая к изданию «Аонид», он писал И. И. Дмитриеву: «Откроем сцену для русских стихотворцев, где бы могли они без стыда показаться публике. <...> отгоним прочь всех уродов, но призовем тех, которые имеют какой-нибудь талант! Если мало наберется *хорошего*, поместим *изрядное*; но подлого, нечистого, карикатурного нам не надобно» [Очерки по истории русской журналистики и критики, 1950, с. 145].

Таким образом, заимствуя в конце XVIII – начале XIX в. «...моду на этот род изданий, мы приняли и тот вид его, который преобладал в то время в Германии; и поэтому <...> наши альманахи были почти все беллетристические (Musen-Almanach). <...> С другой стороны, присутствие календаря – этого первообраза альманаха в остальной Европе – не считалось у нас никогда необходимою их принадлежностью, и другие прежде существовавшие в Европе переходные виды этого рода изданий – в одном из которых издается и поныне известный “Almanach de Gotha”⁷ – не назывались у нас альманахами, но относились к категории календарей и адрес-календарей, тогда как наш прежний “Придворный месяцеслов” или нынешний “Придворный календарь”, ежегодно издаваемый на русском и на французском языке (“Almanach de la Cour”), наша “Памятная книжка” и даже наш “Месяцеслов” называются за границей альманахами <...>» (Энциклопедический словарь..., 1861, с. 506). Иными словами, в России наиболее полную реализацию получила беллетристическая, литературная разновидность альманахов.

Элитарный характер отечественных альманахов-«карманных книжек» пушкинской поры, подготовленный в предромантический период, определялся тем обстоятельством, что именно в них оказалась сосредоточена романтическая словесность. В 1820-е – начале 1830-х гг. произошло формирование вертикали альманашной системы: наверху пирамиды находились изысканные «Полярная звезда. Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности на 1823–[1825] год» (СПб., 1822–[1825]), «Северные цветы на 1825–[1832] год» (СПб., 1825–1831), а внизу – компилятивные «карманные книжки», выпускаемые, например, студентами Московского университета. В то же время в США происходит следующий подъем альманахов в достаточно специфическом (для российской практики) типологическом из-

⁷ «Готский альманах» до сих пор выпускается в формате ежегодного генеалогического справочника, где представлены родовитые европейские дворянские фамилии.

воде «Фермерских альманахов», издающихся с конца XVIII в. и пользующихся востребованностью у жителей «одноэтажной Америки» (некрупных городов) и сегодня. В предисловии редактора к современному «Фермерскому альманаху» под названием “What is The Old Farmer’s Almanac?” («Что такое “Старый фермерский альманах”»), сказано буквально следующее: “First of all, it’s the oldest continuously published periodical in North America. It was established in 1792 by Robert B. Thomas, a Massachusetts schoolteacher whose name and likeness still appear on the familiar yellow cover, and it has been a part of the American scene in every year since. <...> In recent years, the circulation of The Old Farmer’s Almanac has skyrocketed to 18 million. (Robert B. printed and sold 3,000 copies of the first edition.) So, in addition to being America’s oldest publication, perhaps it has become America’s most beloved publication as well”⁸ (The Old Farmer’s Almanac, 2004, p. 10).

Одновременно на рубеже XIX–XVIII вв. в Европе происходит вторичная (после отхода от средневековой модели) специализация альманахов по линии усиления энциклопедизма. Так, французский Императорский альманах (1810 г.) представляет собой объемный сборник полностью календарно-справочного характера. Его открывает собственно календарь, далее приводятся сведения о государственных деятелях (сенаторах, военных), о различных обществах, музеях и пр. с указанием конкретных адресов (Almanach Impérial, 1810). В таком адрес-календаре беллетристика отсутствует полностью: не представлена ни как коллекция «безделок» к Новому году, ни как «обозрение словесности», ни как «выставка литературы».

Вывод

Таким образом, Европа распространила типобразующую модель альманахов по миру, что с семиотических позиций соотносится с синтактикой явления. В США утвердился прагматизированный вариант альманахов, восходящий к религиозной практике организации повседневной жизни (от сакральных календарных истоков до влияния британской традиции специализированных сборников). Иными словами, в США оказался «законсервирован» календарный вариант альманахов. В противоположность этому в России в наибольшем объеме проявился семантический ореол альманахов как культуроориентированного типа печати, выступающего проводником национальной литературы. Календарная первооснова проявляется в традиции отечественных альманахов не прямо, она опосредована литературным содержанием, сформированным культурой романтического типа (находит выражение в сезонной приуроченности, композиции сборников, жанрово-тематическом составе, общей толерантности, терпимости к идейным разногласиям). В качестве интернационального типа издания альманах раскрывает полноту потенциала на пересечении разных национальных традиций.

Список литературы

- Балашова Ю. Б. Эволюция и поэтика литературного альманаха как издания переходного типа. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. 363 с.
- Беспалов А. Г., Корнилов Е. А., Короченский А. П., Лучинский Ю. В., Станько А. И. История мировой журналистики. 3-е изд. М.; Ростов н/Д: Изд. центр «МарТ», 2003. 432 с.
- Очерки по истории русской журналистики и критики: В 2 т. Л.: Изд-во ЛГУ, 1950. Т. 1: XVIII век и первая половина XIX века. 604 с.

⁸ «Во-первых, это старейшее непрерывно издаваемое периодическое издание в Северной Америке. Оно было основано в 1792 г. Робертом Б. Томасом, школьным учителем из Массачусетса, чье имя и портрет до сих пор фигурируют на знакомой желтой обложке, и с тех пор каждый год альманах становился частью американской жизни. <...> За последние годы тираж “Старого фермерского альманаха” взлетел до 18 миллионов экземпляров. (Роберт Б. напечатал и продал 3 000 экземпляров первого издания.) Таким образом, помимо того, что это старейшее издание Америки, возможно, оно стало также и самым любимым изданием в Америке».

- Смирнов-Сокольский Н.** Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв.: Библиограф. указ. М.: Книга, 1965. 592 с.
- Brigham C. S.** An Account of American Almanacs and Their Value for Historical Study. Worcester, Mass., 1925.
- Lanuza-Navarro T.** Astrological Literature in Seventeenth Century Spain. *The Colorado Review of Hispanic Studies*, Fall 2009, vol. 7, pp. 119–136.

Список источников

- Аонида, или Собрание разных, новых стихотворений. М., 1798–1799. Книжки I–III.
- Разные письменные материи, собранные для удовольствия любопытных читателей Матвеем Комаровым. Издание первое. М., 1791.
- Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами: В 6 т. СПб., 1861. Т. 3.
- A Collection of Oxford Almanacs from the first publication in the year 1674 to present time including a great number of Portraits of illustrious persons and Views of the City and of the particular Colleges accompanied with explanations of the Persons of Place represented, Being Bissextile or Leap Year.
- Almanac. In: Encyclopedia Britannica. In 24 vols. Chicago, 1964, vol. 1, pp. 655–656.
- Almanac. In: The Encyclopedia Americana. In 36 vols. New York, 1946, vol. 1, pp. 430–431.
- Almanach Impérial, Pour L'Année M. DCCC. X, Présenté A S. M. L'Empereur et roi Pas Testu. A Paris, Ches Testu et C(ie)., 1810, 910 p.
- Antoni Ioanni, Patavini Magini.** Ephemeridum Coelestium Motuum Continuat, Ab Anno Domini 1608, vsque ad Annum 1630, <...> 755 p. (на итал. яз.)
- Medien & Zeit (Theme: What is Communication History? European Answers II), 2011, no. 4
- Poor Richard's Almanach, Being the choicest Morsels of Wit and Wisdom, written during the Years of the Almanack's publication. By that well-known Savant, Dr. Benjamin Franklin of Philadelphia [1732–1758].
- The Almanack of Poor Richard Nixon. Cleveland and New York, The World Publishing Company, 1968, 190 p.
- The Old Farmer's Almanac. Dublin, Yankee Publ., 2004, 160 p.

References

- Balashova Yu. B.** Evolyutsiya i poetika literaturnogo al'manakha kak izdaniya perekhodnogo tipa [Evolution and Poetics of the Literary Almanacs as a Transitional Type of Publications]. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2011, 363 p. (in Russ.)
- Bespalov A. G., Kornilov E. A., Korochensky A. P., Luchinsky Yu. V., Stanko A. I.** Istoriya mirovoi zhurnalistiki [History of World Journalism]. 3rd ed. Moscow; Rostov-on-Don, 2003, 432 p. (in Russ.)
- Brigham C. S.** An Account of American Almanacs and Their Value for Historical Study. Worcester, Mass., 1925.
- Lanuza-Navarro T.** Astrological Literature in Seventeenth Century Spain. *The Colorado Review of Hispanic Studies*, Fall 2009, vol. 7, pp. 119–136.
- Ocherki po istorii russkoi zhurnalistiki i kritiki [Essays on the History of Russian Journalism and Critique]. In 2 vols. Leningrad, LSU Press, 1950, vol. 1, 604 p. (in Russ.)
- Smirnov-Sokolsky N.** Russkie literaturnye al'manakhi i sborniki XVIII–XIX vv. [Russian Literary Almanacs and Collections of the 18th – 19th Centuries]. Bibliography. Moscow, Kniga Publ., 1965, 592 p. (in Russ.)

List of Sources

- A Collection of Oxford Almanacs from the first publication in the year 1674 to present time including a great number of Portraits of illustrious persons and Views of the City and of the particular Colleges accompanied with explanations of the Persons of Place represented. Being Bissextile or Leap Year.
- Almanac. In: Encyclopedia Britannica. In 24 vols. Chicago, 1964, vol. 1, pp. 655–656.
- Almanac. In: The Encyclopedia Americana. In 36 vols. New York, 1946, vol. 1, pp. 430–431.
- Almanach Impérial, Pour L'Année M. DCCC. X, Présenté A S. M. L'Empereur et roi Pas Testu. A Paris, Ches Testu et C(ie)., 1810, 910 p.
- Antoni Ioannis, Patavini Magini.** Ephemeridum Coelestium Motuum Continuat, Ab Anno Domini 1608, vsque ad Annum 1630, <...>, 755 p. (in Italian)
- Aonidy, ili Sobranie raznykh, novykh stikhotvorenii [Aonides, or Collection of the Different New Poems]. Moscow, 1796–1799. Book I–III. (in Russ.)
- Entsiklopedicheskii slovar', sostavlennyyi russkimi uchenymi i literatorami [Encyclopedic Dictionary Compiled by Russian Scientists and Writers]: In 6 vols. St. Petersburg, 1861, vol. 3. (in Russ.)
- Medien & Zeit (Theme: What is Communication History? European Answers II), 2011, no. 4
- Poor Richard's Almanach, Being the choicest Morsels of Wit and Wisdom, written during the Years of the Almanack's publication. By that well-known Savant, Dr. Benjamin Franklin of Philadelphia [1732–1758].
- Raznye pis'mennye materii, sobrannye dlya udovol'stviya lyubopytnykh chitatelei Matveem Komarovym [Miscellaneous Writing Materials Collected for the Pleasure of Curious Readers by Matvey Komarov]. 1st ed. Moscow, 1791. (in Russ.)
- The Almanack of Poor Richard Nixon. Cleveland and New York, The World Publishing Company, 1968, 190 p.
- The Old Farmer's Almanac. Dublin, Yankee Publ., 2004, 160 p.

Информация об авторе

Юлия Борисовна Балашова, доктор филологических наук

Information about the Author

Yulia B. Balashova, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 21.01.2022;
одобрена после рецензирования 03.02.2022; принята к публикации 05.02.2022
The article was submitted 03.02.2022;
approved after reviewing 03.02.2022; accepted for publication 05.02.2022*

Научная статья

УДК 821.161.1 + 82.0 + 070

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-138-148

**«Игра, вступающая отчасти в область искусства»:
дискуссия о шахматах в критике и публицистике
1850–1860-х годов**

Алексей Евгеньевич Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Аннотация

Начало 1850 года ознаменовано в российской периодике новым культурным трендом – обращением к шахматной игре, рассматриваемой в аспекте истории и историософии, логики и математики, этики и эстетики. Своеобразным манифестом стала статья переводчика и писателя А. И. Кронеберга, появившаяся на страницах «Современника», в дальнейшем эстафету подхватили «Отечественные записки» (А. А. Стойкович, Н. Д. Ахшарумов) и «Русское слово» (В. М. Михайлов). Популяризация шахмат в журнальном поле совпала с социокультурными изменениями: открытием первого Общества любителей шахматной игры в Санкт-Петербурге, утверждением уставов этого общества (1854, 1858), появлением множества руководств и самоучителей, в том числе написанных российскими мастерами К. А. Янишем, Д. С. Урусовым и А. Д. Петровым. Ключевую роль в популяризации шахматной игры сыграл меценат Г. А. Кушелев-Безбородко, не только предоставивший свой дом для Общества любителей шахматной игры, но и поддержавший создание «Шахматного листка» – специального приложения в «Русском слове».

В большинстве журналов появление пусть и несамостоятельного периодического издания, полностью посвященного теории и практике шахматной игры, было встречено сочувственно. На этом фоне отличается позиция сатирического еженедельника «Искра», представленная несколькими статьями, опубликованными в 1861 г.

В статье предпринята попытка включить этот локальный эпизод из истории журнальной борьбы в более широкий контекст, связанный как с конфигурациями читательского и писательского быта, так и эстетическими спорами эпохи.

Ключевые слова

русская журналистика XIX века, история шахмат, Кронеберг, Стойкович, Михайлов, Некрасов, Курочкин, «Искра», «Шахматный листок»

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых МК-302.2022.2

Для цитирования

Козлов А. Е. «Игра, вступающая отчасти в область искусства»: дискуссия о шахматах в критике и публицистике 1850–1860-х годов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 138–148. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-138-148

“No Time for Chess, No Time for Songs”: A Discussion on Chess in Russian Criticism of the 1850s and 1860s

Alexey E. Kozlov

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Abstract

Purpose. The article aims to consider the public evaluation of chess and attitude toward this game from the perspective of aesthetic disputes of the 1850s (based on the materials from magazines “Sovremennik”, “Otechestvennye zapiski”, “Russkoe slovo”).

Results. The popularization of chess in Russian periodicals such as magazines coincided with socio-cultural changes: the opening of the first society of chess amateurs in St. Petersburg, the publication of many manuals and tutorials, including those written by Russian masters. The key role in the popularization of the chess game was played by the patron of society G. A. Kuselev-Bezborodko, who also supported the appearance of a special supplement in the “Russkoe slovo” magazine. The article deals with the attacks of the satirical weekly magazine “Iskra” on the Chess sheet. Concluding this assault, the “Iskra” columnist Vasilii Kurochkin quoted poetry by Nikolay Nekrasov “No time for chess, No time for songs”.

Conclusion. The article attempts to include local episode from the history of literary struggle in a broader context associated with both the configurations of the reader's and writer's everyday life, and the aesthetic disputes of the era. For the liberal critics of 1850, chess became the center of aesthetic theory, allowing the confrontation between geniuses and talents, for the radical commoners, game became an everyday phenomenon using at leisure.

Keywords

Russian journalism of the 19th century, the history of chess, Kroneberg, Stoykovich, Nekrasov, Mikhailov, Kurochkin, “Iskra”, “Chess leaf”

Acknowledgements

The research was supported by a grant from the President of the Russian Federation MK-302.2022.2

For citation

Kozlov A. E. “No Time for Chess, No Time for Songs”: A Discussion on Chess in Russian Criticism of the 1850s and 1860s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 138–148. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-138-148

Памяти Н. Н. Родигиной

Среди игровых социокультурных практик в России XIX в. особое место занимают шахматы¹. Достижение пика популярности в первой трети XIX в., шахматы практически до конца 1840-х гг. оставались атрибутом «литературной аристократии», т. е. элитарной группы писателей и философов, включая в себе, по мысли немногих гроссмейстеров, возможности для логических и даже историософских обобщений [Лотман, 1996; Дорвинг, 2019]. Так, например, А. Д. Петров, ставший центральной фигурой в истории шахматных интеллектуальных практик, «зашифровал» в созданных им задачах историю наполеоновских войн, где положение черных и белых фигур соответствовало диспозиции французской и русской армий. При этом русская беллетристика за немногими, слишком явными исключениями² практически

¹ Этому вопросу посвящены многочисленные научно-популярные работы и обзорные статьи [Коган, 1927; Salzmann, 1949; Романов, 1952; Линдер, 1956; 1967].

² В первую очередь можно упомянуть серию «истинных анекдотов» А. Д. Петрова, представляющих собой фабулизованные шахматные задачи. В автобиографии Петров так описывал свои замыслы: «У меня был дедушка Иван Алексеевич Соколов, сильный игрок своего времени. Он играл даже с чертом. См. *Отечественные записки за октябрь месяц 1844 года* и *Иллюстрацию 1845 года № 10: Сцены из жизни шахматных игроков*, кото-

не обращалась к этому ресурсу: «перевод шахмат» на иной язык влек за собой риск утраты математических и логических принципов [Козлов, 2019].

Ситуация начинает меняться в 1850-е гг. Время так называемого «мрачного семилетия», совпавшее в России с развитием теории «искусства для искусства», стало подлинным ренессансом для шахматной игры. Право первенства принадлежало при этом журналу «Современник», на страницах которого появилась статья А. И. Кронеберга, печатавшаяся частями в трех номерах журнала.

Интеллектуал, беллетрист и переводчик, Кронеберг пытался показать ключевую роль шахмат в современном ему обществе. «Шахматы, – писал он в преамбуле, – имеют свои клубы, свою ученую литературу, свою журналистику, свою полемику и дипломатию»³. Адресуя статью «положительным людям нашего века» и задаваясь вопросом: что определило популярность шахматной игры, заставив современников заниматься ею «как теорией и наукой», Кронеберг писал о своеобразной справедливости, заключенной в правилах шахматной игры:

Действительно, шахматы нельзя поставить наряду с прочими играми, в которых участвует *случай* или механическая ловкость. В шахматах *случая* нет. Партия в шахматы есть строгий логический спор; окончание ее – *deductio ad absurdum*, которого не может не признать побежденный. В этом-то и заключается ее интерес. Результат игры задевает страсть пассивнее <посильнее. – А. К.> жажды приобретения, – самолюбие. Шахматная игра волнует то же чувство, которое волнует полководца во время сражения. Он видит в победе славу, в поражении бесславие. Партия в шахматы для него битва, участь которой решается единственно его талантом. Перевес сил, выгода местности, разность национального характера, нравственное настроение, случайности – всё это не имеет здесь места. Армии, совершенно равные по своим силам, расположены на местности, никому не дающей перевеса, и воины сражаются, не ведая ни страха, ни увлечения. Тут всё зависит от глубины задуманного плана сражения и от хорошего его исполнения; исход битвы в руках вождя: победой или поражением он обязан единственно своему гению или своей опрометчивости⁴.

Пафос статьи Кронеберга – в утверждении особого статуса игры, «упражняющей исключительно умственные способности и вступающей отчасти в область искусства потому, что она допускает вдохновение и творчество»⁵. Отталкиваясь от этого тезиса, Кронеберг переходит к категориальному аппарату эстетики шеллингианского типа [Соболев, 2002; Егоров, 2009; Вдовин, 2020]. Так, приведя многочисленные примеры из истории шахмат, Кронеберг ставил знак равенства между иррациональными способностями гения и шахматного игрока:

Никто из гениальных игроков: ни Бои, ни Леонардо, ни Филидор, ни Демапель, ни де ла Бурдонне, не отличился как теоретик. Сочинения их очень посредственны. Это зависит, я думаю, оттого, что сущность гения состоит в вдохновении, а вдохновение ускользает от анализа и теорий. Покамест партия не выходит из колеи математически рассчитанной атаки и защиты, всякий, кто знаком с теорией дебютов, в состоянии бороться с каким бы то ни было противником без урона, и если бы эта теория могла преследовать партию до конца, то шахматная игра превратилась бы в положительное знание, исключющее творчество, и потому не представляющее никакого интереса. Но теория, еще далеко, впрочем, не совершенная, может руководить игроком только в начале игры; партия непременно доходит наконец до той фазы, когда должно самому составить план дальнейших действий. Тут-то и начинается настоящая борьба, и тут-то, естественно, талант не устоять против гения, как рутине против таланта⁶.

Не исключено, что, уйдя на периферию русской критики и возрождаясь в отрывочных, неманифестируемых принципах «чистого искусства», эта эстетическая философия получила новый импульс через работы Б. Дизраэли и Т. Карлайла [Макеев, 2009]. В пользу такого предположения говорит евроцентристский взгляд Кронеберга: говоря о шахматах, он рассматривает их развитие исключительно в контексте европейской цивилизации и культуры, основываясь на роли и авторитете гениев игры.

рый также считал только те партии хорошими, которые он выигрывал у Ильи Семеновича Котельникова, а все проигранные относил или к нездоровью, или к дурному расположению духа» (Шахматный листок. № 16. С. 96).

³ Кронеберг А. И. Шахматы // Современник. 1850. № 2. С. 176.

⁴ Там же, с. 191.

⁵ Там же, с. 177.

⁶ Там же, с. 191.

Да не покажется читателям моим, незнакомым с шахматной игрою, что я некстати говорю здесь о гении и вдохновении. Мы привыкли употреблять эти слова, говоря только о художниках, полководцах, философах. «Для игроков это слишком много чести», – скажут иные и скажут неправду. Что гений и вдохновение действительно принимают участие в шахматной игре, это засвидетельствуют вам все, знающие эту игру. Нет никакого сомнения, что в художнике в минуту зарождения плана битвы и в шахматном игроке в минуту зарождения плана атаки происходит один и тот же психический процесс. Применения и результаты различны, но это не должно вводить в заблуждение ⁷.

В самих примерах, к которым обращался Кронеберг, прослеживается влияние писателей-эрудитов: Проспера Мериме и Шарля Нодье ⁸. Автор статьи от публицистики свободно переходит к беллетристическому регистру, задействуя разнообразные сюжеты и регистры: *одический* (восхваление шахматной игры как науки), *авантюрный* (рассказ об автомате, в котором прятался искусный игрок), *легендарно-биографический* (жизнь Леонардо, обыгравшего монарха в Италии, испытания Филидора и его учеников), *мелодраматический* (история игры по переписке, которая поочередно отняла жизнь у обоих игроков из Англии и Франции). Знаменательно при этом, что Кронеберг строит нарратив статьи, руководствуясь логикой шахматной партии: используя дедуктивный и индуктивный методы аргументации, он постоянно переходит от частных к обобщениям, от общих теоретических постулатов – к частным их иллюстрациям, воображая в лице читателя несколько более искусственного соперника, чем им мог быть в действительности среднестатистический читатель отечественной периодики.

Нельзя не отметить своего рода прогностический характер статьи Кронеберга: в 1853 г. состоялось открытие Петербургского общества любителей шахматной игры. Знаменательно, что среди членов общества, наряду с профессиональными шахматистами (А. Д. Петров, К. А. Яниш, В. М. Михайлов), были литераторы и общественные деятели разнообразных политических ориентаций и журнальных партий: новый клуб «по интересам» становился своего рода нейтральной зоной, не предполагающей победы какой-либо из враждующих сторон. Вероятно, по этой причине общество, открытие которого было санкционировано, не становилось объектом серьезного внимания и наблюдения со стороны властей: члены клуба не публиковали совместных сборников и манифестов (за исключением двух уставов, появившихся в печати после цензурного разрешения), не претендовали на утверждение какой-либо идеологической платформы, выходящей за пределы шахматной игры.

Появление успешно функционирующего общества меняло отношение к игре, приобретающей в глазах рядового читателя особое символическое значение. Этому была посвящена статья секретаря Императорской публичной библиотеки А. А. Стойковича «Шахматы», опубликованная на страницах «Отечественных записок» в 1853 г.

Несколько строк, посвященных этой игре, глубокого соображения в то время, когда открытие в Петербурге с Высочайшего разрешения Общества любителей Шахматной Игры и известные всем имена первых членов его обращают на себя заслуженное внимание просвещенных классов общества, не будут, конечно, лишними в периодическом издании, следящем за требованиями общественной любознательности и считающем своей целью встречать и удовлетворять их. – *Игра, дошедшая до пределов науки, и вместе наука, облекающаяся в заманчивые и легко доступные формы игры* – шахматы должны найти место на страницах газет и журналов, по двойному праву, как дело приятное и полезное ⁹.

Мысли Стойковича во многом созвучны идеям Кронеберга, совпадает и пафос двух этих одноименных статей.

Демонстрируя значительную эрудированность в истории вопроса, Стойкович соотносит науку и шахматную игру, утверждая, что последняя «служит как бы камертоном, по которому спускается настроение их духовных сил, до созвучия с обыкновенным, нормальным настроением всего окружающего». Отталкиваясь от концепций Б. Франклина ¹⁰, С. Варрена ¹¹,

⁷ Кронеберг А. И. Шахматы // Современник. 1850. № 3. С. 50.

⁸ Строчение сюжетов-иллюстраций близко к «Библиофильским новеллам» и «Мозаике».

⁹ Стойкович А. Шахматы // Отечественные записки. 1853. Т. 89. С. 1.

¹⁰ «Франклин говорит, что “шахматы имеют большое влияние на образование характера”, что “требуя от играющего постоянно-напряженного благоразумия и предусмотрительности, они научают его переносить с твердо-

Г. В. Лейбница¹², Стойкович попеременно сравнивает шахматы со сводом гласных и негласных правил, юридическим кодексом, точными науками и философией¹³.

Законы шахматной игры так просты, логичность так ясна, систематичность так видима, что почти лишенная всякой сухой терминологии, эта игра-наука доступна каждому, и поэтому ей дали название игры. Шахматы соделались игрою, потому что за ними отдыхали, забывая заботы и невзгоды житейские, и, наконец, их заклеили уж названием игры за то, что, может быть, иногда, отвлекая человека от обыкновенной колеи жизни, от обыденного труда, дающего ему насущный хлеб, шахматы не давали своим любителям ни почестей, ни титулов, ни значения в обществе, хотя и наука тоже не дает их всегда и всякому¹⁴.

Однако в отличие от Кронеберга автор-библиофил высмеивает западнический пафос своих предшественников. По утверждению Стойковича, родиной шахмат стала не Европа времен Средневековья и Возрождения, а Индия или Китай (в качестве вероятного создателя правил современной шахматной игры назван «один ученый китаец»). Признавая при этом гениальность отдельных шахматистов, Стойкович апеллировал к тому, что эта игра должна найти новых почитателей в Российской империи.

Благодаря просвещенному начальству Императорской Публичной Библиотеки, благосклонно и предупредительно открывающей всем и каждому свои сокровища, в авторитетах не может быть недостатка, и мы могли бы умножить их до несть числа, набирая изречения великих и славных мужей, имена которых встречаются нередко¹⁵.

Как и его предшественник, Стойкович обрамляет свои теоретические рассуждения беллетристическими вставками; каждая глава его статьи снабжена эпиграфом «Из одной неизданной комедии». Проводя параллель между шахматной партией и нарративом рассматриваемой статьи, можно отметить, что, несмотря на свою изоционность и вариантность, ее логика уступает безупречной дедукции Кронеберга. В то же время статья стала еще одной ступенью к легитимации и признанию шахмат, а значит, влияла на воспитание читателя, формирование его пристрастий и ориентиров¹⁶.

Закономерно, что спустя шесть лет после открытия Петербургского общества любителей шахматной игры граф Г. А. Кушелев-Безбородко, бывший не только его распорядителем

стью неудачи действительной жизни и выходить собственными силами из затруднительных положений ее» (Стойкович А. Шахматы // Отечественные записки. 1853. Т. 89. С. 21). Здесь перефразируется и цитируется центральная работа Б. Франклина – «Этика игры в шахматы».

¹¹ «Мы привели бы потом мнение известного юриста Варена (Introduction a l'etude de lois), который, подобно Франклину, рекомендует молодым людям изучение шахматной игры, как «лучшее средство к образованию характера и развитию твердой воли». Заметьте, что в обоих случаях рекомендуется изучение, то есть игра сознательная, а не бесполезное колобродство по шахматной доске, на которое осуждены люди, играющие лишь с целью убить время, вечно для них скучное и лишнее» (Стойкович А. Шахматы // Отечественные записки. 1853. Т. 89. С. 21). Роман Варрена «Тяжба» публиковался в «Отечественных записках» в 1853 г.

¹² «Мы могли бы привести еще мнение Лейбница, советующего “искать научных целей и умственного занятия в игре шахматной”, Лейбница, философа и математика, положительный ум и обширные труды которого служат порукой в том, что похвала шахматам не была в устах его плодом пристрастия игрока, старающегося оправдать предмет своей предилекции» (Стойкович А. Шахматы // Отечественные записки. 1853. Т. 89. С. 21).

¹³ Подобный синтез будет осуществлен и в повести Н. Д. Ахшарумова «Игрок», появившейся на страницах журнала «Отечественные записки» в 1858 г. [Козлов, 2019]. Как отмечает Н. А. Карпов, «это произведение целиком эклектичное, причудливо соединяющее в себе элементы традиционной “карточной” фабулы с новыми и оригинальными. Новаторство Ахшарумова заключается прежде всего в том, что место карточной игры у него занимают шахматы, при этом они частично берут на себя те же сюжетно-композиционные функции, которые ранее были закреплены именно за карточной игрой» [Карпов, 2017, с. 69].

¹⁴ Там же, с. 21.

¹⁵ Там же, с. 22.

¹⁶ В то же время редакции «Современника» и «Отечественных записок» восприняли такую декларацию сдержанно: обе статьи были помещены в отдел «Смесь», где соседствовали с материалами, посвященными моде, и заведомо вторичными беллетристическими повестями. Так, в «Смеси» «Современника» параллельно со статьями Кронеберга печатались, например, водевильные «Рассказы о житейских глупостях» (подписанные целым реестром имен) и фельетоны Нового поэта (Панаева и Некрасова), в «Смеси» «Отечественных записок» – путевые очерки и драматическая поговорка Октава Фелье.

и главой, но и предоставивший свой дом для встреч, предложил новую инициативу. Его проект журнал «Русское слово» должен был включать в себя специальное приложение «Шахматный листок», к составлению которого был привлечен бывший ревностным членом общества В. М. Михайлов.

Шахматный журнал – не учебник, он должен прежде всего выражать степень развития шахматного искусства в известное время, он должен стараться дать любителям ясное понятие о силе и характере игры лучших современных игроков¹⁷...

На страницах Листка печатались дебюты, партии, задачи и биографии шахматных мастеров, в том числе отечественных. В ряде случаев Листок использовал проверенные в других периодических изданиях тактики и стратегии: так, с конца 1859 и в течение 1860 г. внимание читателей было приковано к полемике шахматных мастеров: А. Д. Петрова, князя Д. С. Урусова и, наконец, К. А. Яниша. Поводом стала декабрьская статья Урусова, в которой, рассказывая об успехах игры в России, князь высказал сожаление о том, что Петров «отошел от дел». Петров ответил автобиографическим очерком, в котором, наряду с прочим, рассказал о своем даре, якобы переданном ему дедушкой с момента рождения¹⁸. В конце автор статьи намекал на то, что, несмотря на свой отказ от шахматных баталий, он считает себя сильнее и Урусова, и Яниша. Последнее суждение вызвало отповедь со стороны оппонентов Петрова.

В. М. Михайлов, выступивший арбитром, так резюмировал случившуюся полемику:

Если мы полагаем, что главный источник полемического направления современных шахматистов заключается в их самолюбии, то из этого вовсе не следует, чтобы мы безусловно осуждали такое направление. Напротив того, мы думаем, что некоторая доза полемики необходима время от времени для оживления слишком без того спокойного и однообразного течения шахматной литературы. Нельзя же любителям питаться исключительно анализами и проблемами. Поэтому мы вовсе не сожалеем, что Шахматный листок сделался театром маленькой междоусобной войны, возникшей между гг. Петровым и Урусовым¹⁹.

Важно заметить, что на страницах издания закрепляются словосочетания «шахматная репутация», связанное с реальными успехами и мнением окружения, и «шахматная наука» – этому во многом способствовали работы Урусова и Яниша, предполагающие использование математического аппарата для объяснения киперганей и других специфических явлений игры, а также риторика Михайлова, отстаивающего право шахмат стать социокультурным полем и институцией, альтернативной журнально-беллетристической.

Для издателя Листок становился способом привлечения новых читателей и более того – предполагал переход от слов к практике: шахматы теряли свою элитарность, становясь достоянием читателя вообще²⁰.

В большинстве журналов появление пусть и не самостоятельного периодического издания, полностью посвященного теории и практике шахматной игры, было встречено сочувственно. На этом фоне отличаются агрессивные выпады сатирического еженедельника «Искра», представленные несколькими статьями В. С. Курочкина, опубликованными в 1861 г. В регулярной рубрике «Хроника прогресса» обозреватель сатирического еженедельника обратился к «Русскому слову» с упреком: «литературно-общественному журналу, поставившему себе целью служить развитию народному, вовсе нейдет иметь при себе *шахматный лис-*

¹⁷ Шахматный листок. 1860. С. 104.

¹⁸ Заметим, что автобиографический очерк соответствует канону повествования о гении и его страсти: «Я родился 1-го февраля в Псковской губернии в сельце Бисерева, близ города Опочки. Из ранних лет моего детства более всего осталось в моей памяти: песчаные берега реки Великой, комната, в которой я родился, оклеенная бумажками в шахматное поле с китайскими изображениями, и резные шахматы, подаренные мне на именины дедушкой по матери Иваном Алексеевичем Соколовым, когда мне было четыре года. Шахматы эти были первыми моими игрушками. Я расставлял их на шашечнице по-своему и двигал, как играют дети солдатишками» (Шахматный листок. 1860. № 16. С. 267).

¹⁹ Шахматный листок. 1860. № 18. С. 164.

²⁰ Так, например, А. Д. Петров опубликовал на страницах журнала партию, посвященную Н. Д. Ахшарумову – автору фантастической повести «Игрок». На разгадку партии сообществом ушло больше года – так Петров подтвердил свой авторитет.

ток»²¹. Очевидно, что, иронизируя на тему «сближения народа» и не принимая реформу 1861 г., обозреватель придерживался идеи радикальной демаркации: шахматы маркировали деятельность дворянского и – в целом – буржуазного класса, но оставались чуждыми для всех пролетариев и полуграмотных крестьян.

В центре нападок «Искры» оказался таким образом редактор Листка В. М. Михайлов, ответивший неожиданно резко. В статье «Апология тупоумия», ссылаясь на недальновидность и необразованность своих оппонентов, Михайлов утверждал, что увлечение шахматами – это общая для Европы и Соединенных Штатов тенденция, заметить которую его оппонентам мешает близорукость и тенденциозность. Статья завершалась нарочито небрежной сатирой, в которой пародировался кустарный стиль «Искры» [Козьмин, 1961; Силантьев, 2006].

В декабрьской «Хронике прогресса» В. С. Курочкин вернулся к этому спору, поставив «Шахматный листок» в ряд других курьезов периодической печати. Здесь же, споря с «известным нашим шахматным литератором и историком» Михайловым, Курочкин, называя себя одним из членов шахматного общества²², пояснил общую позицию редакции.

Шахматная игра, как и всякая игра, не может, по нашему мнению, показывать ни остроты, ни тупости ума как в отдельном человеке, так и вообще в роде человеческом.

Одним словом, шахматная игра, как и всякая другая игра, не такая сфера, где бы мог развернуться и выказаться человеческий ум в его истинных достоинствах... Она не более, как отдых от серьезных занятий, праздное препровождение времени, безделье. Конечно, если люди трудятся, то почему им не отдохнуть, почему не побыть без дела в праздности, чтобы собрать силы для новых трудов, одним словом²³.

По-видимому, такая риторика отражает социокультурный сдвиг, связанный с самоидентификацией радикальных разночинцев, писателей и публицистов 1860-х гг. [Паперно, 1996; Дячук, 2010; Печерская, 2018]. Если для предшествующего умеренно либерального и демонстративно «аполитичного» сообщества шахматы давали возможность «уйти в башню из слоновой кости», то для новой генерации писателей игра становилась квинтэссенцией непродуктивного эскапизма [Успенский, Федотов, 2021; Флаэрти, 2021]. Эту самоосновность и самодостаточность «искусства для искусства», «игры для игры» радикальная периодика отрицала, вырабатывая и поддерживая вслед за Н. Г. Чернышевским новые принципы утилитарной эстетики.

Литература ведь не забава, и действия ее могут быть очень не забавные. Недаром разные иностранные revues не печатают на своих страницах шахматных панегириков, хотя г. Михайлов и уверяет, что они не делают этого только потому, что за границей есть специальные шахматные журналы. В России внимание к стихам, печатаемым в журналах, пользующихся доверием за свое направление, должно быть удвоенное²⁴.

Завершая этот пассаж, обозреватель «Искры» цитировал «Поэта и гражданина» Н. А. Некрасова:

²¹ Хроника прогресса. Ноябрь // Искра. 1861. С. 682.

²² В начале 1860-х гг. шахматное общество, созданное Кушелевым-Безбородко, закрылось. Однако определенное влияние получило еще одно шахматное общество, председателем которого стал Г. З. Елисеев, а постоянными членами были представители редакции «Современника» (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. М. Скабичевский) и «Искры» (Н. С. Курочкин, В. С. Курочкин, М. П. Стопановский). Над этим обществом был установлен секретный надзор [Лемке, 1904; Масанов, 1910]. Отметим также, что на страницах «Искры» с 1862 по 1869 г. печатались шахматные задачи.

²³ Хроника прогресса. Декабрь // Искра. 1861. С. 723.

²⁴ Там же, с. 725. В 1870 г. Минаев сформулирует эту позицию на страницах журнала «Дело»:

Всё та же бедность мужиков,
Всё также в лютые морозы,
В глухую ночь, под вой волков
Полями тянутся обозы...
<Терпенье то же, те же слезы...>
Хлеб не растёт от нашей прозы,
Не дешевет от стихов.

(Минаев Д. В стихах и в прозе, меньший брат... // Дело. 1870. № 9. С. 192)

Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать²⁵.

Таким образом, рассмотренный эпизод во многом отражает споры между сторонниками «чистого искусства» и «реальной критики», перенесенные из собственно эстетической сферы в сферу пограничную. В этом отношении шахматные пристрастия Кронеберга и Стойковича, отражающие мировоззрение умеренно-либеральной части общества, близки к воззрениям «отцов», в то время как в выступлении радикалов, довольно различим голос грядущих Базаровых. Для первых шахматы становились центром эстетической теории, допускающей противостояние гениев и талантов, для вторых – повседневным бытовым явлением, направленным на создание досуга²⁶. Третья точка зрения, практически победившая во второй половине XIX в. в Англии, Германии и Франции, пришла в Россию несколько позже – она компромиссно предлагала понимание шахмат как особого вида спорта.

Невозможность прийти к общему мнению и обретению консенсуса, вообще характерная для «журнальных сшибок» изучаемого периода, в данном случае маркирует разрыв между литературно-эстетическими теориями и социокультурными практиками. В то же время в самом этом разрыве отражается и прагматика эпохи, связанная с воспитанием и завоеванием читательских вкусов и симпатий²⁷, борьбой идеологий, конвертируемых в дальнейшем не только в символический, но и реальный капитал.

Список литературы

- Вдовин А. В.** Современная русская литература в хрестоматиях 1843–1904 годов и литературный канон // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 1. С. 85–101. DOI 10.15826/qr.2020.1.449
- Дорвинг Д.** Шахматы в русской литературе 1920–1930-х годов: Дис. ... д-ра филос. по рус. лит. Таллин, 2019. 202 с.
- Дячук Т. В.** Писатели-разночинцы 1860-х годов. Формы литературного творчества и социального поведения: Учеб.-метод. пособие. СПб.: Сага, 2010. 47 с.
- Зыкова Г. В.** Поэтика русского журнала 1830–1870 гг. М.: Изд-во МГУ, 2005. 204 с.
- Егоров Б. Ф.** Борьба эстетических идей в России середины XIX века // *Эстетические идеи в России XIX века*. СПб.: Летний сад, 2009. 664 с.
- Карпов Н. А.** Романтические контексты Набокова. СПб., 2017. 220 с.
- Коган М. С.** История шахматной игры в России. М., 1927. 204 с.
- Козьмин Б. П.** Из истории революционной мысли в России. М.: Наука, 1961. 764 с.
- Козлов А. Е.** Семиотика шахмат в литературе XIX века: к интерпретации повести Н. Д. Ахшарумова «Игрок» // *Сибирский филологический журнал*. 2019. № 2. С. 47–58. DOI 10.17223/18137083/67/5
- Краснова И. Л.** Проблема сатирического стихотворного стиля (на материале поэзии «Искры»): Дис. ... канд. филол. наук. Караганда, 1997. 275 с.
- Лебедева Г. М.** Сатирический журнал «Искра» (орган передовой демократической печати, 1859–1873). М.: Изд-во МГУ, 1959. 88 с.
- Лемке М. К.** Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX века. СПб.: Тип. СПб. т-ва печати и издательского дела «Труд», 1904. 248 с.

²⁵ Хроника прогресса. Декабрь // *Искра*. 1861. С. 726.

²⁶ Можно предложить и более смелую экстраполяцию: для литераторов и журналистов предшествующей генерации чрезвычайно важен концепт уникальности и гениальности, в то время как радикальная критика рассматривала эстетические явления как типические. Не исключено, что с этим связан ключевой принцип «Свистка» и «Искры»: вся предшествующая литературная традиция понимается как сумма партий, из которой отбираются заведомо вторичные и опознаваемые элементы: метры, ритмы и рифмы в стихотворных пародиях, сюжеты и мотивы в пародиях прозаических [Краснова, 1997; Румянцева, 2007; Целикова, 2007]. Литература и искусство становились «материалом» и не имели в теории самостоятельной эстетической ценности [Лебедева, 1959; Ямпольский, 1964; 1986].

²⁷ См. об этом: [Bourdieu, 1996; Altick, 1997; Зыкова, 2005; Рейтблат, 2009; Макеев, 2009; Vasilenko, 2021].

- Линдер И. М.** Новые материалы о первых русских мастерах // Шахматы в СССР. 1956. № 11. С. 338–339.
- Линдер И. М.** Первый шахматный журналист и его книги: У истоков шахматной культуры. М., 1967. 352 с.
- Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Макеев М.** Николай Некрасов: поэт и предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2009. 235 с.
- Масанов И. Ф.** Русские сатирико-юмористические журналы. Весельчак. Искра. Владимир: Тип. Губернского Правления, 1910. Вып. 1. 258 с.
- Паперно И.** Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: НЛО, 1996. 208 с.
- Печерская Т. И.** Разночинский дискурс русской литературы XIX века. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. 202 с.
- Рейтблат А. И.** От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛО, 2009. 448 с.
- Романов И.** Первый русский шахматный журнал и его редактор // Шахматы в СССР. 1952. № 2. С. 56–58.
- Румянцева В. Н.** Стихотворный фельетон середины XIX века: Н. А. Некрасов, В. С. Курочкин, Д. Д. Минаев: Дис. ... канд. филол. наук. Оренбург, 2007. 234 с.
- Силантьев И. В.** Газета и роман: риторика дискурсных смещений. М.: Языки славянских культур, 2006. 222 с.
- Соболев Л. И.** Критика 60-х годов XIX века. М.: Олимп, 2002. 413 с.
- Успенский П. Ф., Федотов А. С.** Гражданское как интимное: дискурсивный контрапункт в стихотворении Н. А. Некрасова «Ночь. Успели мы всем насладиться...» // Русская литература. 2021. № 4. С. 38–51. DOI 10.31860/0131-6095-2021-4-38-51
- Целикова Е. В.** Феномен пародийной личности А. А. Фета в творчестве поэтов «Искры» // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. № 11 (32). С. 234–237.
- Флаэрти Дж.** The New Man and The People: The Lyrical Voice and Poetic Democracy in N. A. Nekrasov // Русская литература. 2021. № 4. С. 52–64. DOI 10.31860/0131-6095-2021-4-52-64
- Ямпольский И.** Сатирическая журналистика 1860-х годов. М.: Худож. лит., 1964. 624 с.
- Ямпольский И.** О характере сатиры журнала «Искра» // Ямпольский И. Поэты и прозаики. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 150–178.
- Altick R.** Punch: The Lively Youth of a British Institution, 1841–1851. Ohio State Uni. Press, 1997, 776 p.
- Bourdieu P.** Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field. Stanford, Stanford Uni. Press, 1996, 409 p.
- Salzmann J.** The Chess Reader: The Royal Game in World Literature. New York, 1949, 366 p.
- Vasilenko A. G.** Parody and Caricature in the Satirical Weeklies: Conventions of Perception and Conflict of Interpretations. In: Sustainable Development of Regions 2020 – XVI International Scientific and Practical Conference “State. Politics. Society”. SHS Web of Conf., 2021, vol. 94. DOI 10.1051/shsconf/20219402001

References

- Altick R.** Punch: The Lively Youth of a British Institution, 1841–1851. Ohio State Uni. Press, 1997, 776 p.
- Bourdieu P.** Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field. Stanford, Stanford Uni. Press, 1996, 409 p.
- Dorving D.** Shakhmaty v russkoi literature 1920–1930-kh godov [Chess in the Russian literature of 1920–1930]. PhD Diss. in Russian Literature. Tallinn, 2019, 202 p. (in Russ.)

- Dyachuk T. V.** Pisateli-raznochintsy 1860-kh godov. Formy literaturnogo tvorchestva i sotsial'nogo povedeniya [Commoners writers of the 1860s. Forms of literary creativity and social behavior]. St. Petersburg, Saga, 2010, 47 p. (in Russ.)
- Egorov B. F.** Bor'ba esteticheskikh idey v Rossii serediny XIX veka [The struggle of aesthetic ideas in Russia in the middle of the 19th century]. Esteticheskie idei v Rossii XIX veka [Aesthetic ideas in Russia of the 19th century]. St. Petersburg, Letnii sad, 2009, 664 p. (in Russ.)
- Flaerti D.** The New Man and The People: the Lyrical Voice and Poetic Democracy in N. A. Nekrasov. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2021, no. 4, pp. 52–64. (in Russ.) DOI 10.31860/0131-6095-2021-4-52-64.
- Karpov N. A.** Romanticheskie konteksty Nabokova [Romantics Context of Nabokov's prose]. St. Petersburg, 2017, 220 p. (in Russ.)
- Kogan M. S.** Istoriya shakhmatnoi igry v Rossii [History of chess in Russia]. Moscow, 1927, 204 p. (in Russ.)
- Kozlov A. E.** Semiotics of chess in the literature of the 19th century: to the interpretation of Nikolay Aksharumov "The Player". *Siberian Journal of Philology*, 2019, no. 2, pp. 47–58. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/67/5
- Kozmin B. P.** Iz istorii revolyutsionnoi mysli v Rossii [From the History of Revolution Ideas in Russia]. Moscow, Nauka, 1961, 764 p. (in Russ.)
- Krasnova I. L.** Problema satiricheskogo stikhotvornogo stilya (na materiale poezii "Iskra") [Problems of satiric poetry style of "Iskra"]. Thesis of Cand. Philol. Sci. Karaganda, 1997, 275 p. (in Russ.)
- Lebedeva G. M.** Satiricheskii zhurnal "Iskra" (organ peredovoi demokraticeskoi pechati, 1859–1873) [The satirical magazine "Iskra" (an organ of the progressive democratic press, 1859–1873)]. Moscow, MSU Press, 1959, 88 p. (in Russ.)
- Lemke M. K.** Ocherki po istorii russkoi tsenzury i zhurnalistiki XIX veka [History of Russian censorship and journalism of 19th century]. St. Petersburg, St. Petersburg Association of Press and Publishing "Trud", 1904, 248 p. (in Russ.)
- Linder I. M.** Novye materialy o pervykh russkikh masterakh [New materials about the first Russian masters]. *Shakhmaty v SSSR* [Chess in the USSR], 1956, no. 11, pp. 338–339. (in Russ.)
- Linder I. M.** Pervyi shakhmatnyi zhurnalist i ego knigi: U istokov shakhmatnoi kul'tury [First chess magazine: Genesis of chess-culture]. Moscow, 1967, 352 p. (in Russ.)
- Lotman Yu. M.** Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside the cogitating universes. Human – semiosphere – history]. Moscow, LRC Publ., 1996, 464 p. (in Russ.)
- Makeev M.** Nikolai Nekrasov: poet i predprinimatel' (ocherki o vzaimodeistvii literatury i ekonomiki) [Nikolay Nekrasov: poet and entrepreneur (essays on the interaction of literature and economics)]. Moscow, 2009, 235 p. (in Russ.)
- Masanov I. F.** Russkie satiro-yumoristicheskie zhurnaly. Vesel'chak. Iskra [Russian Satirical Magazines. Vesel'chak. Iskra]. Vladimir, Printing house of the Provincial Board, 1910, vol. 1, 258 p. (in Russ.)
- Paperno I.** Semiotika povedeniya: Nikolai Chernyshevskii – chelovek epokhi realizma [Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky is a man of the era of realism]. Moscow, New Literary Review, 1996, 208 p. (in Russ.)
- Pecherskaya T. I.** Raznochinskii diskurs russkoi literatury XIX veka [Commoners Discourse of Russian literature of the 19th century]. Novosibirsk, NSPU Press, 2018, 202 p. (in Russ.)
- Rejtlat A. I.** Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury [From Bova to Balmont and other works of historical sociology of the Russian literature]. Moscow, New Literary Review, 2009, 448 p. (in Russ.)
- Romanov I.** Pervyi russkii shakhmatnyi zhurnal i ego redaktor [First chess magazine in Russia and his editor]. *Shakhmaty v SSSR* [Chess in the USSR], 1952, no. 2, pp. 56–58. (in Russ.)

- Rumyantseva V. N.** Stikhotvornyi fel'eton serediny XIX veka: N. A. Nekrasov, V. S. Kurochkin, D. D. Minaev [Poetry fellieton of middle of 19th century: N. A. Nekrasov, V. S. Kurochkin, D. D. Minaev]. Thesis of Cand. Philol. Sci. Orenburg, 2007, 234 p. (in Russ.)
- Salzmann J.** The Chess Reader: The Royal Game in World Literature. New York, 1949, 366 p.
- Silantev I. V.** Gazeta i roman: ritorika diskursnykh smeshchenii [Newspaper and novel: rhetoric of discourse mixture]. Moscow, Languages of Slavic cultures, 2006, 222 p. (in Russ.)
- Sobolev L. I.** Kritika 60-kh godov XIX veka [Cryticism of 60s of XIX]. Moscow, Olympus, 2002, 413 p. (in Russ.)
- Tselikova E. V.** Fenomen parodijnoi lichnosti A. A. Feta v tvorchestve poetov "Iskra" [Phenomenon of the parody personality of A. Fet in works of "Iskra" poets]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [News of the Russian State Pedagogical University A. I. Herzen], 2007, no. 11 (32), pp. 234–237. (in Russ.)
- Uspensky P. F., Fedotov A. S.** Grazhdanskoe kak intimnoe: diskursivnyi kontrapunkt v stikhotvorenii N. A. Nekrasova "Noch'. Uspeli my vsem nasladit'sya..." [Publicity as intimacy: discursive counterpoint in N. A. Nekrasov's poem "Noch'. Uspeli mi vsem nasladit'sya..."]. *Russkaya literatura* [Russian literature]. 2021, no. 4, pp. 38–51. (in Russ.) DOI 10.31860/0131-6095-2021-4-38-51
- Vasilenko A. G.** Parody and Caricature in the Satirical Weeklies: Conventions of Perception and Conflict of Interpretations. In: Sustainable Development of Regions 2020 – XVI International Scientific and Practical Conference "State. Politics. Society". SHS Web of Conf., 2021, vol. 94. DOI 10.1051/shsconf/20219402001
- Vdovin A. V.** Sovremennaya russkaya literatura v khrestomatiyakh 1843–1904 godov i literaturnyi kanon [Contemporary Russian Literature in Reading Anthologies (1843–1904) and the Literary Canon]. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 85–101. (in Russ.) DOI 10.15826/qr.2020.1.449
- Yampolsky I.** O kharaktere satiry zhurnala "Iskra" [About Character of Satyr in "Iskra"]. In: Yampolsky I. Poety i prozaiki [Poets and Writers]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1986, pp. 150–178. (in Russ.)
- Yampolsky I.** Satiricheskaya zhurnalistika 1860-kh godov [Satirical Magazines of 60s of 19th century]. Moscow, Fiction, 1964, 624 p. (in Russ.)
- Zykova G. V.** Poetika russkogo zhurnala 1830–1870 [Poetics of the Russian periodical magazine (1830–1870)]. Moscow, MSU Press, 2005, 204 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук

Information about the Author

Alexey E. Kozlov, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 13.01.2022;
одобрена после рецензирования 03.02.2022; принята к публикации 05.03.2022
The article was submitted 13.01.2022;
approved after reviewing 03.02.2022; accepted for publication 05.03.2022

Научная статья

УДК 821.161.1 + 070

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-149-159

Публицистика Н. И. и И. С. Тургеневых в свете проблемы межпоколенческой коммуникации

Ирина Евгеньевна Прохорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

pro-hor-ie@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7288-3530>

Аннотация

Опыт выстраивания межпоколенческой коммуникации Н. И. и И. С. Тургеневыми – дальними родственниками, представляющими соответственно поколения 1820-х и 1840-х гг., – анализируется с учетом их личного общения. Основное внимание уделяется публицистическим практикам Тургеневых периода подготовки и начала проведения крестьянской реформы 1861 г., которые были нацелены на снижение коммуникативных барьеров между «отцами», «детьми» и «внуками». Притом если младший Тургенев фокусировался на проблемах взаимопонимания своего поколения с «детьми»-шестидесятниками, то старший Тургенев выступал как «ветеран» в деле эмансипации крестьян в отношениях и с И. С. Тургеневым, и с редакцией «Колокола» в 1858–1863 гг. Ставится вопрос о позднем включении либерального «Вестника Европы» в диалог с Н. И. Тургеневым – лишь в год его смерти, во многом благодаря статьям А. Н. Пыпина и содержательному некрологу, написанному И. С. Тургеневым.

Ключевые слова

история публицистики XIX в., межпоколенческая коммуникация, Н. И. Тургенев, И. С. Тургенев, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, «Колокол», «Вестник Европы»

Для цитирования

Прохорова И. Е. Публицистика Н. И. и И. С. Тургеневых в свете проблемы межпоколенческой коммуникации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 149–159. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-149-159

Opinion Journalism by N. I. and I. S. Turgenev in Light of the Problem of Intergenerational Communication

Irina E. Prokhorova

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

pro-hor-ie@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7288-3530>

Abstract

Purpose. The article analyzes the contribution of the opinion journalism by the outstanding Decembrist-Liberal Nikolay I. Turgenev in comparison with the publicist activity of his younger distant relative and like-minded Liberal, author of the famous novel “Ottsy i deti” (“Fathers and Sons”) Ivan S. Turgenev to the development of intergenerational communication. The attention focuses on the experience of the relationships of both Turgenevs as representatives of the 1820s and 1840s generations with their own generations and with the 1860s generation.

© Прохорова И. Е., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 149–159
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 149–159

Results. The comparison of memoir essays wrote by I. S. Turgenev in 1868–1869 and of his open letter to the editor of the “Vestnik Evropy” (“Bulletin of Europe”) in 1879, which raised the topic of his interactions with a young cohort, with articles by N. I. Turgenev in the Russian-language periodicals of 1858–1869 (including his polemical dialogue with editorial board of the “Kolokol” (“Bell”) magazine in 1858–1863) reveals the great communicative potential of both publicists. The article raises the question on the foundation for the late inclusion of the liberal “Vestnik Evropy” (“Bulletin of Europe”), with which I. S. Turgenev constantly collaborated, in a dialogue with the N. I. Turgenev.

Conclusion. The article concludes that the liberal tolerant intention played the decisive role in the intergenerational communication, built by both Turgenevs and aimed to avoid “generational gaps”.

Keywords

history of Publicism, intergenerational communication, N. I. Turgenev, I. S. Turgenev, A. I. Herzen, N. P. Ogarev, “Kolokol”, “Vestnik Evropy”

For citation

Prokhorova I. E. Opinion Journalism by N. I. and I. S. Turgenev in Light of the Problem of Intergenerational Communication. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 149–159. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-149-159

Проблемы межпоколенческой коммуникации в обществе, отражающиеся в публицистике, в каких бы форматах и на каких бы носителях ни появлялись публицистические произведения, сегодня остаются весьма острыми, если не возрастают. С одной стороны, в связи с запросом прежде всего старших когорт на сохранение и трансляцию «традиционных» ценностей, а с другой – в связи с неугасающим интересом молодых когорт к разного рода модификациям «нигилистского» дискурса [Отцы и дети..., 2005]. В этом контексте бесспорна актуальность изучения исторического опыта русской словесности XIX в., в которой сложилась тенденция опознавать «социальные сдвиги и культурную динамику» в поколенческих и возрастных категориях [Дубин, 1995, с. 14].

Такого рода рефлексией среди русских писателей особенно прославился И. С. Тургенев, который еще в середине 1850-х гг. планировал написать роман «Два поколения» (не завершен), а сформулировал проблему «отцов и детей» в заголовке изданного в 1862 г. романа, вызвавшего небывалый общественный резонанс. Тема взаимоотношений поколений развивалась автором в позднейшем творчестве, включая мемуарно-публицистические очерки 1868–1869 гг. и открытое письмо редактору «Вестника Европы» в 1879 г. Бесспорно, для самого И. С. Тургенева вопросы межпоколенческой коммуникации не ограничивались отношениями с «младшими». И здесь внимание историков русской литературы и журналистики не могут не привлечь начавшиеся в 1845 г. и активизировавшиеся в 1858 г. его контакты со старшим дальним родственником и во многом единомышленником-либералом Н. И. Тургеневым, выдающимся представителем поколения 1820-х гг., проявившим себя и в сфере политической публицистики. Вместе с тем опыт старшего Тургенева, на протяжении своей долгой жизни сотрудничавшего с представителями разных возрастных генераций, самоценен, особенно вполне конструктивно развивавшийся в 1858–1863 гг. его полемический диалог с «лондонскими пропагандистами» в «Колоколе». Всё это определяет перспективность рассмотрения взаимоотношений Н. И. и И. С. Тургеневых в контексте взаимодействия каждого из них, принадлежавших соответственно к поколениям 1820-х и 1840-х гг., с другими представителями данных генераций и, конечно, поколения 1860-х гг.

Разумеется, многие из обозначенных вопросов уже затрагивались в научной литературе, посвященной Н. И. и И. С. Тургеневым. Среди обобщающих работ о творчестве И. С. Тургенева, выводы которых учитывались в нашем исследовании, стоит выделить монографии Н. Н. Мостовской [1983] и Н. П. Генераловой [2003]. О результатах изучения жизни и творческой деятельности Н. И. Тургенева помогает судить их обзор, пусть беглый и потому неполный [Нарежный, Пятикова, 2016]. Однако сколько-нибудь целостно публицистика Тургеневых в свете проблем межпоколенческой коммуникации до сих пор не изучалась, что обуславливает новизну нашего исследования. Оно опирается на методы культурно-исторического и сравнительно-исторического анализа литературного и биографического материала, на социокультурные подходы при изучении авторских стратегий налаживания диалога меж-

ду разными возрастными когортами. Для решения поставленной задачи к анализу привлекаются прежде всего публицистические произведения обоих Тургеневых периода подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г.

Своего рода триггером масштабного осмысления перспектив и / или тупиков межпоколенческой коммуникации в российском обществе и, соответственно, в публицистике тогда стал роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1862). Показателен ответ автора на жесткую и продолжительную печатную и эпистолярную полемику вокруг его произведения – опубликованный в 1869 г. мемуарно-публицистический очерк «По поводу “Отцов и детей”». Он появился уже после пережитого писателем в 1863 г. кризиса (вызванного, правда, не только обвинениями сторонников «отцов» и «детей» в его адрес), более того – после издания в 1867 г. романа «Дым», усилившего антитургеневские настроения среди читателей. Публицист дистанцировался от любой из изображенных им возрастных когорт, настаивая на принципе авторской объективности. Притом проблема идейной и ценностной немонолитности поколений, которая предопределяет затрудненность, даже невозможность конструктивной внутривозрастной коммуникации и одновременно перспективность контактов различных групп среди «старших» и «младших», публицистом не оговаривалась.

Зато емкую разработку в очерке «По поводу “Отцов и детей”» получил вопрос о смене поколений в самой литературе. С одной стороны, «новые времена» требуют «новых людей», и «литературным ветеранам», как писал Тургенев, «подать в отставку» лучше «вовремя». С другой стороны, в собственном «прощальном» послании к литературной «молодежи», взяв на себя коммуникативную роль ее «старого друга» (Тургенев, 1983, с. 93), публицист сформулировал требования к мыслящим и пишущим людям любой генерации. Главное для всех – «полная свобода воззрений и понятий», даваемая «истинным знанием» (Тургенев, 1983, с. 93–94) в постоянной борьбе со всякого рода предубеждениями по ходу развития мировой цивилизации. Такие признания характеризовали Тургенева как сторонника классического либерализма с его идеалами независимости не только от диктата власти, но и от диктата разного рода идейно-ценностных установок, претендующих на исключительное доминирование в общественном мнении.

Судя и по произведениям Тургенева, и по его практикам чиновника, общественного деятеля, помещика, подобным образом интерпретируемый либерализм привлекал его уже с 1840-х гг. Обращение же к литературной «молодежи» в 1869 г. стало программой дальнейшего творчества для самого писателя, включая его публицистические выступления на темы взаимоотношения поколений. Яркий пример такого выступления – открытое письмо Тургенева редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу от 21 декабря 1879 г. (2 января 1880 г.) (Тургенев, 1968, с. 185–186). Недаром оно было отправлено в крупнейший печатный орган либералов, в редакционный кружок которого, кстати, входили и представители молодой генерации. Особенно же ценны в нем размышления автора об условиях снижения коммуникативных барьеров между большей частью «детей» и «отцов».

Это письмо в «Вестник Европы», как известно, было спровоцировано полемикой, которая развернулась вокруг предисловия Тургенева к автобиографическим очеркам «нигилиста» И. Я. Павловского в парижской газете «Le Temps» (Тургенев, 1982, с. 362–363). Автор предисловия, критически отозвавшись об убеждениях мемуариста, с сочувствием писал о нем как о претерпевшем за свои идеи долгое предварительное одиночное заключение в России и с сомнением – об оправданности такой меры «в глазах разумного законодательства» (Тургенев, 1982, с. 363). Отечественные консерваторы-«реакции» увидели в статье седовласого литератора «кувыркание» перед революционной молодежью (Тургенев, 1968, с. 184–185). Отвечая им, да и некоторым признанным российским проповедникам либерализма (см. об этом подробнее: [Мостовская, 2008, с. 234–235]), Тургенев умело апеллировал к историческому факту – устроенным ему московской и петербургской молодежью чествованиям весной 1879 г. Оценка этих событий была заострена полемистом: *«не я шел к молодому поколению (здесь и далее в цитатах курсив автора. – И. П.), нерасположение которого я весьма филосо-*

фически переносил в течение пятнадцати лет (со времени появления “Отцов и детей”), <...> *оно шло ко мне*» (Тургенев, 1968, с. 185).

Тургенев, конечно, несколько преувеличивал результат, но знаменательна его поддержка самих практик последовательной толерантности «старших» и гибкости в поведении «младших», которые способствовали более конструктивным контактам между поколениями. При чем позиция публициста корреспондировала одновременно и с принципами либерализма, и с христианскими заповедями, прежде всего с наставлениями апостола Павла «детям» – «почитать» старших (Послание к Ефесеянам 6:2–3) и «отцам» – «не раздражать» детей, «дабы они не унывали» (Послание к Колоссянам 3:21).

Разумеется, термин «поколение» давно осмысляется и в более конкретном историческом измерении – как общность ровесников, объединенных пережитым(и) ими значимым(и) событием(ями) (война, восстание, революция), которое(ые) определило(и) особый «дух времени» и «историческую судьбу» данной генерации [Зенкин, 2005]. Так, Ю. Н. Тынянов, описывая поколение декабристов и А. С. Грибоедова в посвященном ему романе «Смерть Вазира-Мухтара», употребил связанное с 14 декабря 1825 г. словосочетание «люди 20-х годов» (Тынянов, 1959, с. 9).

К этой когорте принадлежал Н. И. Тургенев, один из «старших» русских либералов, еще в 1817 г. задававшийся вопросом об ответственности его поколения перед «внуками» за продвижение «к цели гражданского счастья» в борьбе с крепостническим «хамством» в России (Архив, 1921, с. 80–81; 14). Автор книги «Опыт теории налогов» (1818), утверждавшей принципы экономического либерализма, он сумел занять видное место как среди «либеральной бюрократии» эпохи Александра I (дослужился до действительного тайного советника), так и среди членов тайных политических обществ (хотя вопрос о его месте в Северном обществе по-прежнему представляется дискуссионным). С 1824 г. живя за границей, Н. И. Тургенев не ступался при смене поколений. В 1847 г. политический «невозвращенец» (тоже один из первых в модерной отечественной истории) издал в Европе на французском и немецком языках капитальный публицистический труд «Россия и русские». В его трех томах не только было предано гласности видение Тургеневым «дела декабристов» и суда над ними, но и представлена аргументированная программа реформирования страны.

Высказывания Н. И. Тургенева на эти темы летом 1845 г. в Париже мог слышать и И. С. Тургенев. Именно тогда состоялось личное знакомство «однофамильцев», как поначалу думал Н. И. Тургенев, но в действительности дальних родственников [Тарасова, 1964, с. 276], что позволяет именовать их «старший» и «младший» Тургеневы. Идеи старшего Тургенева, очевидно, уже в то время начали влиять на корректировку взглядов младшего на перспективы борьбы с крепостничеством [Китаев, 2020, с. 44], которое для обоих оставалось главным «врагом». Причем если «аннибаловская клятва» И. С. Тургенева относилась к 1840-м гг. (Тургенев, 1983, с. 9), то старший Тургенев почти в том же возрасте, но на 20 лет ранее записал в Дневнике: «Я умер бы спокойно, если бы умер, зная, что нет ни одного крепостного человека в России» (Архив, 1921, с. 236). Вместе с тем решение младшего Тургенева «удалиться» за границу для сильнейшего нападения на крепостничество (Тургенев, 1983, с. 9) существенно отличалось от мучительно принимавшегося Н. И. Тургеневым решения о «невозвращении» на родину, состоявшегося после заочного осуждения его там по делу декабристов по первому разряду.

Вполне закономерно, что реформаторские планы Александра II вдохновили амнистированного им старшего Тургенева. Еще до 1861 г. он дважды посетил Россию для апробации своего обновленного антикрепостнического проекта (с безвозмездной передачей крестьянам $\frac{1}{3}$ земли) в собственном небольшом имении. Однако публично представить свою программу преобразований на родине Тургеневу удалось лишь однажды, причем только в форме крат-

кого газетного отчета о нововведениях в своем селе¹ и то, видимо, после вмешательства А. М. Горчакова [Вернадский, 1918].

Гораздо более весомых результатов в налаживании коммуникации Н. И. Тургенева с русскоязычной аудиторией помог добиться один из ярчайших людей 40-х гг. А. И. Герцен, организатор вольной русской печати за границей. В 1859 г. в издаваемом им сборнике «Голоса из России» Н. И. Тургенев поместил статью «Об устройстве удельных имений с целью уничтожения крепостного права». В 1858–1866 гг. он использовал площадку восьми «Русских заграничных сборников», правда, с перерывом в 1863–1865 гг. В 1858–1863 гг. Н. И. Тургенев выступал и в весьма влиятельном тогда «Колоколе». Прекращение его сотрудничества с «лондонскими пропагандистами», очевидно, было вызвано теми же причинами, что серьезный кризис в отношениях «старых товарищей» – Герцена и И. С. Тургенева, который обозначился в 1862 г. и резко усилился с началом Польского восстания в 1863 г. (см. об этом, например: [Тесля, Фолина, 2016, с. 73–85]). Учитывая идейную близость и постоянное общение Тургеневых в то время, нельзя исключить прямого влияния младшего Тургенева на ход контактов старшего с Герценом и Огаревым, хотя сам Н. И. Тургенев утверждал, что никогда до 1865 г. ни с кем не советовался относительно своих публикаций [Фетисов, 1926, с. 101].

В целом в свете проблемы межпоколенческой коммуникации уважительный и притом в большинстве случаев полемический диалог Н. И. Тургенева с издателями «Колокола» на его страницах представляется весьма содержательным, но до сих пор недооцененным. Так, в монографии о либеральной эмигрантской публицистике 1840–1860-х гг., оставшейся «в тени “Колокола”», Л. Ю. Гусман судил о позиции Н. И. Тургенева того времени, вообще не упоминая о его публикациях в лондонской газете [Гусман, 2004]. Между тем оно продолжалось почти 6 лет и началось основательным откликом Тургенева на программную статью «Еще об освобождении крестьян» Н. П. Огарева, призвавшего всех «порядочных людей» в России обсудить ее ключевые положения². Через два месяца газета поместила «Возражения на статью Колокола» Тургенева.

В отличие от Огарева его оппонент выступал анонимно. Подпись Н. И. Тургенева в «Колоколе» стояла только под статьей 1863 г., которая перекликалась с его давними официальными оправдательными записками по делу декабристов. И только эта публикация, заметим, фигурировала в посвященном младшим Тургеневым старшему некрологе в связи с сюжетом о взаимоотношениях последнего с «Колоколом» (Тургенев, 1983, с. 179). Вероятно, обоими была выбрана стратегия не предавать гласности истинный масштаб участия Н. И. Тургенева в запрещенном в России издании. По иным причинам крайне осторожно о его вкладе в «Колокол» писали и многие исследователи [Оксман, 1955], хотя Я. З. Черняк [1952] указывал на Н. И. Тургенева как оппонента Огарева в предреформенные годы. Научному описанию сотрудничества старшего Тургенева в «Колоколе» очень способствовали исследования Б. Холлингсуорта (Barry Hollingsworth) и В. М. Тарасовой [1963]. Тем не менее здесь требуются дальнейшие усилия, что подтверждается работами последних лет [Пискунова, 2016].

Стоит заметить, что в «Возражениях на статью Колокола» в 1858 г. Н. И. Тургенев обращался к Огареву исключительно «почтенный г-н Редактор»³. Вероятно, так подчеркивалось, что они адресованы всей редакции «Колокола», хотя в трижды повторенном обращении можно услышать и нотку иронии. Представленный Огаревым проект крестьянской реформы, как и другие, тогда известные Тургеневу, критиковались как недостаточно учитывавшие интересы и дворянства и, особенно, «мужика», которому предстояло выкупать «свои человеческие права с клочком потом и кровью орошенной им и его предками земли»⁴. Вместе с тем

¹ Тургенев Н. И. Устройство села Стародуб // Северная пчела. 1859. № 246. С. 985–986.

² Колокол. 1858. Л. 14. С. 115.

³ Колокол. 1858. Л. 18. С. 143, 144, 146.

⁴ Там же, с. 144.

в тургеневской статье прозвучала поддержка предложения «Колокола» расширить начатую правительством дискуссию по проектам реформы.

Огарев отозвался на выступление Н. И. Тургенева лишь через 7 с лишним месяцев. Заявив, что выступает от имени «всего добросовестно образованного в России» без «различия партий», он настаивал на необходимости немедленного выкупа крестьянами всей обрабатываемой ими земли «посредством финансовой меры»⁵. Аргументы Тургенева, включая экономические расчеты, были отвергнуты безоговорочно, но без сколько-нибудь серьезного анализа. Однако в заключение Огарев приглашал и далее писать в «Колокол» своего «почтенного и благородного критика»⁶. И тот не преминул оперативно воспользоваться предложением, чтобы вновь разъяснить преимущества своего проекта и слабости других. Для убедительности склонный к строгому анализу публицист апеллировал и к художественной литературе – одному из эпизодов рассказа И. С. Тургенева «Однодворец Овсяников»⁷. При этом в отличие от Огарева его оппонент заявил о готовности обсуждать возможные ошибки в собственном проекте⁸. Но ответа от Огарева не последовало, хотя пожелание Тургенева «всем любящим» крестьян – «стоять твердо и дружелюбно» на почве их «пользы и блага»⁹ – ему не было чуждо.

К сентябрю 1859 г. в общих чертах был готов правительственный проект, основанный именно на выкупной модели освобождения крестьян с привлечением государственных кредитных средств. В этих условиях приобрела актуальность рубрика «Комиссии для составления положений о крестьянах», организованная в «Колоколе» Огаревым. На высказанные им в 63-м номере соображения Тургенев возразил в третьем открытом «Письме» в редакцию. Он опять подверг сомнению оптимальность «выкупной модели» и утверждение Огарева, что ее «желает не только дворянство, но <...> и самый народ»¹⁰. С точки зрения межпоколенческой коммуникации весьма показательно редакционное примечание к этой статье Тургенева в связи с его критикой «Колокола» за предубежденность против современной Европы и европейцев, якобы проникнутых исключительно ничтожным духом мещанства. В примечании редакции содержалась «поколенческая уступка» – согласие с высокой оценкой Тургеневым прусского реформатора начала XIX в. барона Штейна и «его сверстников». Однако призыв автора «Письма» к большей «разборчивости»¹¹ в целом в отзывах о немцах и европейцах поддержан не был.

Интересно, что четвертое тургеневское «Письмо к издателям» уже не содержало прямой полемики с ними. Хотя благожелательное отношение автора к реформаторской инициативе великой княгини Елены Павловны, начавшей освобождение крестьян в своем имении Карловка, судя по очередному примечанию к тургеневской статье, руководство «Колокола» не вполне разделяло. Вместе с тем и само «Письмо» было сфокусировано на выявлении слабых мест «карловского» проекта¹².

Так, участие Тургенева в «Колоколе» в 1858–1860 гг. позволило ему весьма полно высказаться по широкому кругу остроактуальных социальных, экономических, политических тем, а редакции – представить читателям более широкую палитру мнений относительно готовящихся преобразований. Это способствовало коммуникации между поколениями «освободителей», пусть имя одного из «старших» русских либералов, последовательного приверженца «реформ сверху» при гласном обсуждении их проектов, сторонника прагматичного взвешенного анализа дискутируемых проблем тогда оставалось тайной для читателей.

⁵ Колокол. 1858. Л. 38. С. 308.

⁶ Там же.

⁷ Там же. 1859. Л. 40–41. С. 337.

⁸ Там же, с. 332.

⁹ Там же, с. 337.

¹⁰ Там же. 1860. Л. 70. С. 588.

¹¹ Там же, с. 589.

¹² Там же. Л. 72. С. 601.

В контексте взаимодействия Н. И. Тургенева с «лондонскими пропагандистами» симптоматичен обмен посланиями между ними сразу после 19 февраля 1861 г. В письме Герцена и Огарева от 28 марта 1861 г. прозвучало признание в «сыновней любви» к Тургеневу – «одному из первых, начавших говорить об освобождении русского народа» (Герцен, Огарев, 1963, с. 143–144). «Ветеран» поддержал риторику эстафетной связи «отцов» и «детей» в деле освобождения народа, назвав Манифест «Благой вестью», которую все они с нетерпением ждали [Оксман, 1955, с. 586–588]. Притом со свойственной ему деловитостью Тургенев предпочел сконцентрироваться на формулировании задач дальнейшего сотрудничества с «Колоколом». Одна из них – «восставать» против телесных наказаний, поскольку подписанные императором 19 февраля документы, лишив «права розог» помещиков, сохраняли его за «волостным судом» [Там же, с. 586]. Это предопределило тему следующей статьи Н. И. Тургенева в лондонской газете – «Филарет и розги», напечатанной с «продолжением» в двух июньских номерах 1862 г. И вновь поколенческая тема прозвучала в примечании редакции: «Мы получили это письмо от одного из почтеннейших ветеранов освобождения крестьян»¹³.

В 1863 г., как указывалось выше, появилась последняя в «Колоколе» публикация Н. И. Тургенева – полемический ответ на мемуары И. Д. Якушкина, издание которых было организовано и рекламировалось Герценом. После завершения в 1866 г. участия старшего Тургенева и в «Русском заграничном сборнике» связи публициста с русскоязычным читателем способствовало его сотрудничество с немецким издательством Брокгауза, распространявшим литературу на разных языках. Там вышла последняя брошюра Тургенева «О нравственном отношении России к Европе», отразившая, в частности, перемены в его трактовке «польского вопроса» после восстания 1863–1864 гг. Интересно, что И. С. Тургенев в статье памяти Н. И. Тургенева, раздвигая обычные для этого жанра рамки и несколько проблематизируя биографию либерала, высказал ему упрек в излишней резкости суждений по проблеме русско-польских отношений (Тургенев, 1983, с. 175).

Как ни парадоксально, выступить в пореформенной печати внутри России, даже в организованном либералами в 1866 г. «Вестнике Европы», Н. И. Тургеневу не пришлось. Однако незадолго до смерти его имя всё же стало возвращаться в пространство отечественной журналистики и упоминаться с сочувствием. Этому способствовала серия «исторических очерков» А. Н. Пыпина «Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов» в «Вестнике Европы» в 1871 г. «Плановая» публикация одного из них в декабрьском номере «встретилась» с некрологом Н. И. Тургенева, в первых же строках которого И. С. Тургенев аттестовал «Характеристики...» как «превосходные» (Тургенев, 1983, с. 175). Заметный вклад в новое знакомство отечественной публики со старшим Тургеневым внесла книга Пыпина «Общественное движение в России при Александре I», вышедшая еще при жизни Николая Ивановича в том же 1871 г. в издательстве «Вестника Европы» и активно рекламировавшаяся в журнале. Так, в изданиях либерально настроенных шестидесятников началось освоение наследия Н. И. Тургенева – для них уже «деда».

Мысль о значении межпоколенческой коммуникации – одна из стержневых в статье памяти умершего 29 октября (10 ноября) 1871 г. Н. И. Тургенева, которая была оперативно подготовлена И. С. Тургеневым в Париже (датирована 17/29 ноября) по заказу редактора «Вестника Европы». Видный исследователь крестьянского вопроса В. И. Семевский назвал этот некролог лучшим среди откликов на кончину Н. И. Тургенева [Семевский, 1901, с. 113], думается, именно благодаря акценту на теме преемственности поколений. Характерно, в частности, отмеченное автором некролога восприятие самим Н. И. Тургеневым связи между реформаторами разных эпох и народов – годившимся ему в отцы немцем Г. Ф. Штейном и годившимся ему в сыновья Н. А. Милютиным, одним из главных разработчиков крестьянской реформы 1861 г. в России (Тургенев, 1983, с. 181).

¹³ Колокол. 1862. Л. 135. С. 1120.

Подводя итоги, надо сказать, что оба Тургеневых, принадлежавшие к разным возрастным когортам, сыграли важную роль в истории межпоколенческой коммуникации, и во многом благодаря именно их публицистике. Они на собственном примере показали возможность конструктивного, чуждого жестко иерархической модели взаимодействия «отцов», «детей», «внуков». Хотя, конечно, как писал по другому поводу Н. И. Тургенев, никто на земле не достигает абсолютного совершенства¹⁴, а путь к взаимопониманию с «другими» никогда не идет только «в гору». Определяющее значение при выстраивании Тургеневыми диалога с представителями поколений 20, 40 и 60-х гг., думается, имели общие для обоих публицистов идейно-ценностные ориентиры, восходившие к классическому либерализму, прежде всего стремление к свободе от каких-либо предубеждений – национальных, сословных, возрастных. К снижению коммуникативных барьеров между «старшими» и «младшими» вели готовность Н. И. и И. С. Тургеневых к уважительному вниманию к взглядам и поведенческим стратегиям «других», отказ от их демонизации и апологетизации «своих», от фанатичного отстаивания собственной позиции даже в ситуации принципиального полемического противостояния в прессе.

Список литературы

- Вернадский Г. В.** Письмо Н. И. Тургенева по крестьянскому вопросу 1859 г. // Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском ун-те. Пермь, 1918. Вып. 1. С. 119–129.
- Генералова Н. П.** И. С. Тургенев: Россия и Европа: из истории русско-европейских литературных и общественных связей. СПб.: Изд-во Рус. Христиан.-гуманитар. ин-та, 2003. 583 с.
- Гусман Л. Ю.** В тени Колокола: Русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение в России (1840–1860 гг.). СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2004. 376 с.
- Дубин Б. В.** Социальный статус, культурный капитал, ценностный выбор: межпоколенческая репродукция и разрыв поколений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 1. С. 14–18.
- Зенкин С. Н.** «Поколение»: Опыт деконструкции понятия // Поколение в социокультурном контексте XX века. М.: Наука, 2005. С. 130–136.
- Китаев В. А.** И. С. Тургенев – теоретик и практик крестьянского дела в России. Статья первая // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 5. С. 38–48.
- Мостовская Н. Н.** И. С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX века. Л.: Наука, 1983. 216 с.
- Мостовская Н. Н.** Из полемики вокруг «Воспоминаний о Белинском» Тургенева // Некрасовский сборник. СПб.: Наука, 2008. С. 233–238.
- Нарежный А. И., Пятикова М. В.** Декабрист Н. И. Тургенев в отечественной историографии // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 5. С. 499–506.
- Оксман Ю. Г.** Н. И. Тургенев – Герцену // Лит. наследство. 1955. Т. 62. С. 583–590.
- Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М.: НЛЮ, 2005. 328 с.
- Пискунова А. В.** Декабрист Н. И. Тургенев в эпоху Великих реформ // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2016. № 3. С. 3–15.
- Семевский В. И.** Тургенев (Николай Иванович) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. 34. С. 106–113.
- Тарасова В. М.** Декабрист Тургенев – сотрудник «Колокола» // Проблемы изучения Герцена. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 239–250.

¹⁴ Колокол. 1862. Л. 135. С. 1120.

- Тарасова В. М.** О времени знакомства Тургенева с Н. И. Тургеневым // Тургеневский сборник. М.; Л.: Наука, 1964. Вып. 1. С. 276–278.
- Тесля А. А., Фолина А. И.** Полемика А. И. Герцена и И. С. Тургенева // Учен. заметки Тихоокеанского гос. ун-та, 2016. Т. 7, № 2. 2016. С. 73–85.
- Фетисов И. И.** Из переписки Николая Ивановича Тургенева в 40–60-е годы // Памяти декабристов. Л., 1926. Т. 3. С. 87–103.
- Черняк Я. З.** Примечания // Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения: В 2 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. Т. 1. С. 830–831.

Список источников

- Архив братьев Тургеневых. Пг.: Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1921. Вып. 5. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1824 годы. Т. 3. 525 с.
- Герцен А. И., Огарев Н. П.** Письмо Н. И. Тургеневу // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 27: Письма 1860–1864 годов. Кн. 1. С. 143–144.
- Тургенев И. С.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч. М.: Наука, 1982. Т. 10. 607 с.; 1983. Т. 11. 527 с.
- Тургенев И. С.** Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. М.; Л., Наука, 1968. Т. 15. 495 с.
- Тынянов Ю. Н.** Смерть Вазир-Мухтара // Тынянов Ю. Н. Соч.: В 3 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. 545 с.

References

- Chernyak Ya. Z.** Primechaniya [Notes]. In: N. P. Ogarev Izbrannyye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya [N. P. Ogarev. Selected socio-political and philosophical works]. In 2 vols. Moscow, Polit. literature Publ., 1952, vol. 1, pp. 830–831. (in Russ.)
- Dubin B. V.** Sotsial'nyi status, kul'turnyi kapital, tsennostnyi vybor: mezhpokolencheskaya reproduksiya i razryv pokolenii [Social status, cultural capital, value choice: intergenerational reproduction and generational gap]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomiceskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Social Opinions: Economic and Social Change], 1995, no. 1, pp. 14–18. (in Russ.)
- Fetisov I. I.** Iz perepiski Nikolaya Ivanovicha Turgeneva v 40–60-e gody [From the correspondence of Nikolai Ivanovich Turgenev in the 40–60s]. In: Pamyati dekabristov [In memory of the Decembrists]. Leningrad, 1926, vol. 3, pp. 87–103. (in Russ.)
- Generalova N. P.** I. S. Turgenev: Rossiya i Evropa: iz istorii russko-evropeiskikh literaturnykh i obshchestvennykh svyazei [I. S. Turgenev: Russia and Europe: from the history of Russian-European literature and societies connections]. St. Petersburg, Russian Christian-Humanitarian Institute Press, 2003, 583 p. (in Russ.)
- Gusman L. Yu.** V teni Kolokola: Russkaya liberal'no-konstitutsionalistskaya emigratsiya i obshchestvennoe dvizhenie v Rossii (1840–1860 gg.) [In the Shadow of the Bell: Russian Liberal-Constitutionalist Emigration and Social Movement in Russia (1840–1860)]. St. Petersburg, RSPU Press, 2004, 376 p. (in Russ.)
- Kitaev V. A.** I. S. Turgenev – teoretik i praktik krest'yanskogo dela v Rossii. Stat'ya pervaya [I. S. Turgenev is a theorist and practitioner of peasant affairs in Russia. Article One]. *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky], 2020, no. 5, pp. 38–48. (in Russ.)
- Mostovskaya N. N.** I. S. Turgenev i russkaya zhurnalistika 70-kh godov XIX veka [I. S. Turgenev and Russian journalism in the 70s of the 19th century]. Leningrad, Nauka, 1983, 216 p. (in Russ.)

- Mostovskaya N. N.** Iz polemiki vokrug “Vospominanii o Belinskom” Turgeneva [From the controversy around “Memoirs of Belinsky” by Turgenev]. In: Nekrasovskii sbornik [Nekrasov collection]. St. Petersburg, Nauka, 2008, pp. 233–238. (in Russ.)
- Narezhnyi A. I., Pyatikova M. V.** Dekabrist N. I. Turgenev v otechestvennoi istoriografii [Decembrist N. I. Turgenev in Russian historiography]. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal [Russian Humanitarian Journal]*, 2016, vol. 5, no. 5, pp. 499–506. (in Russ.)
- Oksman Yu. G.** N. I. Turgenev – Gertsenu [N. I. Turgenev – Herzen]. *Literaturnoe nasledstvo [Literature Heritage]*, 1955, vol. 62, pp. 583–590. (in Russ.)
- Ottsy i deti: Pokolencheskii analiz sovremennoi Rossii [Fathers and Sons: Generational Analysis of Contemporary Russia]. Moscow, New Literature Review, 2005, 328 p. (in Russ.)
- Piskunova A. V.** Dekabrist N. I. Turgenev v epokhu Velikikh reform [Decembrist N. I. Turgenev in the era of the Great Reforms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Istoriya [Moscow University Bulletin. Series 8. History]*, 2016, no. 3, pp. 3–15. (in Russ.)
- Semevsky V. I.** Turgenev (Nikolai Ivanovich). In: Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. St. Petersburg, 1902, vol. 34, pp. 106–113. (in Russ.)
- Tarasova V. M.** Dekabrist Turgenev – sotrudnik “Kolokola” [Decembrist Turgenev – an employee of the “Bell”]. Problemy izucheniya Gertsena [Problems of studying Herzen]. Moscow, AS USSR Publ., 1963, pp. 239–250. (in Russ.)
- Tarasova V. M.** O vremeni znakovstva Turgeneva s N. I. Turgenevym [About the time of Turgenev's acquaintance with N. I. Turgenev]. In: Turgenevskii sbornik [Turgenev collection]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1964, iss. 1, pp. 276–278. (in Russ.)
- Teslya A. A., Folina A. I.** Polemika A. I. Gertsena i I. S. Turgeneva [The controversy between A. I. Herzen and I. S. Turgenev]. *Uchenye zametki Tikhookeanskogo gos. un-ta [Scientific notes of the Pacific State University]*, 2016, vol. 7, no. 2, pp. 73–85. (in Russ.)
- Vernadsky G. V.** Pis'mo N. I. Turgeneva po krest'yanskomu voprosu 1859 g. [Letter from N. I. Turgenev on the peasant question, 1859]. In: Sbornik obshchestva istoricheskikh, filosofskikh i sotsial'nykh nauk pri Permskom universitete [Collection of works of the Society of History, Philosophy and Social Sciences at Perm University]. Perm, 1918, vol. 1, pp. 119–129. (in Russ.)
- Zenkin S. N.** “Pokolenie”: Opyt dekonstruktsii ponyatiya [“Generation”: Experience of deconstruction of the concept]. In: Pokolenie v sotsiokul'turnom kontekste XX veka [Generation in the socio-cultural context of the 20th century]. Moscow, Nauka, 2005, pp. 130–136. (in Russ.)

List of Sources

- Arkhib brat'ev Turgenevykh [Archive of the Turgenev brothers]. Petrograd, Department of Russian lang. and literature Imp. Acad. Sciences Publ., 1921, iss. 5: Diaries and letters of Nikolai Ivanovich Turgenev for 1816–1824, vol. 3, 525 p. (in Russ.)
- Herzen A. I., Ogarev N. P.** Pis'mo N. I. Turgenevu [Letter to N. I. Turgenev]. In: Herzen A. I. Collected works: In 30 vols. Moscow, AS USSR Publ., 1963, vol. 27: Letters of 1860–1864, book 1, pp. 143–144. (in Russ.)
- Turgenev I. S.** Complete works and letters: In 30 vols. Work. Moscow, Nauka, 1982, vol. 10, 607 p.; 1983, vol. 11, 527 p. (in Russ.)
- Turgenev I. S.** Complete works and letters: In 28 vols. Work. Moscow, Leningrad, Nauka, 1968, vol. 15, 495 p. (in Russ.)
- Tynyanov Yu. N.** Smert' Vazir-Mukhtara [Death of Vazir-Mukhtar]. In: Tynyanov Yu. N. Works. In 3 vols. Moscow, Leningrad, State Publishing House of Fiction, 1959, vol. 2, 545 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Ирина Евгеньевна Прохорова, кандидат филологических наук

Information about the Author

Irina E. Prokhorova, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 24.02.2022;
одобрена после рецензирования 03.03.2022; принята к публикации 05.03.2022
The article was submitted 24.02.2022;
approved after reviewing 03.03.2022; accepted for publication 05.03.2022*

Информация для авторов

Авторы представляют статьи на русском языке объемом 25–40 тыс. знаков (без пробелов, считаются вместе с аннотациями и списком литературы), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Статья должна сопровождаться следующей информацией:

- 1) имя, отчество, фамилия автора полностью;
- 2) название статьи;
- 3) ученая степень и звание, должность, место работы (название учреждения);
- 4) аннотация (на русском и других языках – не менее 100 слов; на английском языке – не менее 200–250 слов);
- 5) ключевые слова;
- 6) УДК;
- 7) транслитерация списка источников и литературы с переводом названий на английский язык;
- 8) контактная информация (рабочий и домашний адреса и контактный телефон, адрес электронной почты).

Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами).

Редколлегия оставляет за собой право вносить редакторскую правку, а также отклонять статьи в случае получения на них отрицательных рецензий. Приоритет в приеме работ к печати отдается работам, в которых ставятся и решаются актуальные проблемы изучения современной журналистики, отличающиеся новизной, написанные на репрезентативном фактическом материале.

Содержание выпуска ориентировано на специальность 10.01.10 – журналистика.

Статьи следует отправлять в формате Word for Windows или RTF вложенным файлом через сайт журнала <https://nguhist.elpub.ru/jour>.

Электронные версии рисунков (только в формате .jpg) следует прилагать отдельными файлами. Необходимо приложить файлы используемых нестандартных шрифтов (.ttf). Для аспирантских работ требуется, кроме указанных документов, рекомендация научного руководителя в свободной форме в виде сканированного текста с подписью и контактными данными.

Требования к оформлению основного текста

Статья (основной текст, список литературы и источников, подписи к рисункам и таблицам) представляется в редколлегию выпуска в электронном виде в формате текстового редактора Word. Размер кегля 12 для Time New Roman, межстрочный интервал 1,5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Текст должен следовать единым массивом, без разделения на части путем введения названий этих частей. Буква «ё» не употребляется (за исключением географических названий, имен собственных и случаев, когда иначе смысл слова искажается). При использовании кириллицы должны применяться угловые кавычки (кроме случаев нахождения закавыченного слова внутри цитаты, когда используется «латинский» вариант («...»)). Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf).

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы в нижнем правом углу страницы.

Не следует:

- производить табуляцию;
- разделять абзацы пустой строкой;
- использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой «только для чтения»;

- форматировать текст и расставлять принудительные переносы.

Образец оформления статьи

УДК 811.611.1 + 821

Персуазивная функция масс-медийных текстов

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

i.ivanov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Mass-Media Text Persuasive Function

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

i.ivanov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Далее следуют:

Текст статьи

Список литературы

Список источников (если имеется)

References

Подписуточные подписи

Список сокращений

Сведения об авторах: имя, отчество, фамилия, ученая степень

Индекс УДК должен быть подобран автором, поскольку от этого может зависеть отнесение статьи к той или иной специальности, что важно для учета публикаций при защите диссертации. Цифровые обозначения мест работы авторов, когда хотя бы один из них является сотрудником НГУ, указываются таким образом, что первым следует именно указание на НГУ. В заголовке статьи века, годы и т. п. пишутся без сокращений. В тексте они должны приводиться в сокращенном виде (век – в.; века – вв.; год – г.; годы – гг.).

Публикации с научной информацией, рецензии и иные подобные материалы оформляются по таким же правилам, но допускается отсутствие русскоязычной аннотации и ключевых слов на русском языке, а объем аннотации на английском языке 1–1,2 тыс. знаков.

В тексте статьи используется тире одного вида – так называемое короткое тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требуются пробелы с обеих сторон, при обозначении интервала используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; но с поясняющими словами с пробелами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после раздела **References**.

При наличии в тексте, списке литературы или подрисуночных подписях каких-либо сокращений (аббревиатур), статья должна сопровождаться списком сокращений, размещаемым после подписей к рисункам.

Требования к оформлению библиографических ссылок

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии) автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962, с. 62] или [Иванов, Петров, 1997, с. 39–45]. Если авторов три и более, выполняется следующее: [Иванов и др., 1999, с. 45] или [Ivanov et al., 1999, p. 45]; но в списке литературы в таком случае указываются все фамилии авторов. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а, с. 49; Иванов, 1997б, с. 14]. Между инициалами авторов (в тексте статьи, в списке литературы) делается пробел. Пробелы требуются также после запятых и после точки, которая стоит у сокращения, обозначающего страницу, – с. Пробелы должны быть также везде в тексте после точек и запятых (кроме запятых в обозначении дробных единиц длины, например: 16,2 см). После знака номера (перед цифрой) должен быть выполнен пробел (№ 5).

В статье допускаются ссылки на авторефераты диссертационных работ и сами диссертации. Ссылки на неопубликованные (рукописные) материалы (за исключением диссертаций и их авторефератов) помещаются в тексте статьи (выполняются в виде текста и заключаются в круглые скобки сразу же после приведенных из них сведений). Труды, на которые нет ссылок в тексте, в список литературы не включаются.

Требования к англоязычной аннотации

Аннотация на английском языке насчитывает не меньше 200–250 слов. Она не может быть калькой русскоязычной аннотации – аннотация должна выполнять функцию независимого от русского текста статьи источника информации. В ней недопустимы ссылки на литературу и использование аббревиатур, повторы информации, содержащейся в названии статьи. Следует избегать лишних вводных фраз (например: *автор рассматривает...*), требуется использовать активный, а не пассивный залог.

Требования к оформлению библиографического описания (списка литературы) на русском и английском языках

Список литературы на языках оригиналов (включая публикации в Интернете) оформляется в алфавитном порядке без; при повторе фамилий авторов – по годам изданий; при наличии нескольких соавторов – по первым буквам второй, третьей и т. д. фамилии). Фамилии авторов (включая инициалы) выделяются курсивом. Для всех изданий должно быть указано издательство. Для монографических изданий (включая научные отчеты) должно быть указано количество страниц, а для статей – порядковые номера первой и последней страницы.

В списке литературы в алфавитном порядке размещаются вначале труды на русском, затем на иностранных языках. Работы на иностранных языках приводятся в следующем порядке: вначале на языках, использующих кириллицу, затем на европейских языках (по первым буквам вне зависимости от конкретного языка на основе латинской графики), затем на азиатских, включая арабский (в алфавитном порядке в русской транслитерации, либо в переводе названия на русский язык). При ссылке на издание на греческом языке оно должно быть приведено в списке литературы после изданий на иностранных языках на основе кириллицы. После полной информации о данном издании следует сделать в круглых скобках упоминание, на каком языке оно выполнено. Например: (на кит. яз.) и т. д. Последнее требование не применяется для изданий на русском, украинском и белорусском языках. Допускается раз-

мещение в списке литературы изданий на азиатских языках, включая арабский язык, с применением оригинальных шрифтов; но при этом обязательно следует привести русскую транслитерацию, либо перевод названия на русский язык, а к электронному варианту статьи приложить файл с используемыми шрифтами. Указанные в списке литературы публикации на английском языке полностью приводятся и в разделе **References**. Города в русскоязычном списке литературы указываются без сокращений, кроме Москвы (М.) и Санкт-Петербурга (СПб., Пг., Л.). При издании публикации в двух и более городах это оформляется следующим образом: М.; СПб.; Омск, 1998. В разделе **References** сокращений для обозначения городов не допускается, при указании двух и более городов они разделяются запятыми.

Библиографическое описание работы включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их количества), полное название работы без каких-либо сокращений терминов, а также жанр издания, в котором она опубликована (монография, коллект. монография, сб. науч. ст., сб. науч. тр.), ответственный редактор, город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи, тезисов). Фамилия и инициалы автора (авторов) выделяются курсивом.

Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык (на английский язык должны быть также переведены публикации на иных языках, при этом для публикаций на основе иероглифической письменности должна быть выполнена транслитерация на русском языке в кириллице). Транслитерация осуществляется с использованием букв: а – a, б – b, в – v, г – g, д – d, е, ё – e, ж – zh, з – z, и, й – i, к – k, л – l, м – m, н – n, о – o, п – p, р – r, с – s, т – t, у – u, ф – f, х – kh, ц – ts, ч – ch, ш – sh, щ – shch, ь – ’, ы – y, ь – ’, э – e, ю – u, я – ya. Для латинской транслитерации и перевода на английский язык следует применять образец оформления, близкий к Harvard – British Standard, т. е. упрощать ссылки, давая минимум информации – авторы, название работы, название источника для статьи, том (vol.), номер (no.), место издания, издательство, год издания, страницы, указание на язык. При этом, в отличие от Harvard – British Standard, требуется указывать всех авторов, запятую перед инициалами в фамилиях авторов не ставить, название работы не заключать в кавычки, год ставить за названием журнала.

Редколлегия обращает особое внимание авторов публикаций на необходимость соответствия года издания работы, инициалов авторов в тексте публикации и в списке литературы.

Например:

Список литературы

Авраамов Д. С. Профессиональная этика журналиста. М.: МГУ, 2003. 272 с.

Клеменова Е. Н., Кудряшов И. А. Текст репортажа в аспекте критического дискурса // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 6. С. 140–145.

Смирнова Е. А. Профессионально-этические нормы в современной российской журналистике: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 177 с.

Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Телия В. Н., Графова Т. А., Шахнарович А. М., Сандомирская И. И., Лукьянова Н. А., Маслова В. А. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности: Коллект. монография / Под ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 5–35.

Шатин Ю. В. Технология агональной коммуникации: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2004. 73 с.

References

Avraamov D. S. Professional'naya etika zhurnalista [Professional journalist's ethics]. Moscow, MSU Press, 2003, 272 p. (in Russ.)

Klemenova E. N., Kudrashov I. A. Tekst reportazha v aspekte kriticheskogo diskurs-analiza [Reportage text in the critical discourse analysis aspect]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2015, vol. 14, no. 6, pp. 140–145. (in Russ.)

Smirnova E. A. Professional'no-eticheskie normy v sovremennoi rossiiskoi zhurnalistike [Professional and ethical norms in contemporary Russian journalism]. Cand. diss. Moscow, 2015, 177 p. (in Russ.)

Zahariadis N. *Essence of Political Manipulation: Emotion, Institutions, and Greek Foreign Policy*. New York, Routledge, 2008, 259 p.

**Полную версию правил оформления статей см. на сайте журнала:
<https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>**